Ю·В·ОТКУПЩИКОВ

истокам слова

К истокам слова

Ю·В·ОТКУПЩИКОВ

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

К ИСТОКАМ СЛОВА

Рассказы о науке этимологии

ИЗДАНИЕ 2-е,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1973

Оформление художников
В. И. Гинукова, М. С. Беломлинского, В. В. Прошкина

Откупщиков Ю. В.
0-83 К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. Книга для учащихся. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1973.

256 с. с ил.

Учащиеся узнают из этой книги о приемах и принципах, которыми руководствуется этимология (наука о происхождении слов), о трудностях, которые встречаются на пути к истокам слова.

О $\frac{0071-291}{М103(03)-73}$ 246—73

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Второе издание книги существенно отличается от первого: в нем читатель найдет 10 новых глав, которые посвящены более подробному рассказу о формировании научной этимологии, о семантических изменениях в истории слова, о заимствованных словах и кальках. Значительно изменены и многие главы, имевшиеся в первом издании книги. Так, например, в главе о фонетической стороне этимологического анализа приводятся таблицы важнейших звуковых соответствий в индоевропейских языках[1]. Таблицы дадут возможность читателю самому проверить правильность тех лексических сопоставлений, которые он найдет в последующих главах.

Композиция книги во втором издании в основном остается прежней: книга разбита на небольшие главы, каждая из которых посвящается рассмотрению какого-то одного вопроса, связанного с работой этимолога.

В новом издании учтены многочисленные пожелания и замечания, высказанные в опубликованных и неопубликованных рецензиях и в письмах читателей.

Не имея возможности ответить на все полученные письма, пользуюсь случаем, чтобы сердечно поблагодарить их авторов за внимание к книге и особенно за критические замечания, которые по мере возможности были учтены во втором издании. Выражаю самую искреннюю благодарность за ценные советы и замечания Ю. И. Борковскому, Т. А. Ивановой, В. И. Кодухову, В. М. Маркову, И. В. Селивановой, Л. В. Успенскому, Н. М. Шанскому и всем тем товарищам, которые оказали мне помощь в работе над книгой.

Ленинград, август 1971 г. *Ю. В. Откупщиков*

[1] Более или менее полную сводку такого рода в научно-популярной книге дать практически невозможно. В приводимых таблицах ограничено количество индоевропейских языков и несколько упрощена подача наиболее сложных фонетических соответствий.

«Тьма немалая царит в лесу, где нужно ее отыскивать, и нет проторенных дорог там, куда хотим мы проникнуть, а на тропинках немало разных препятствий, которые могут задержать идущего».

Варрон об этимологии.

ВВЕДЕНИЕ

Слова, которыми мы пользуемся в нашей повседневной жизни, образуют очень интересный и своеобразный мир, имеющий свои особенности и закономерности, свои нераскрытые еще тайны и загадки, свою историю.

Язык — это одно из самых важных и самых древних общественных явлений. Представьте себе на минуту совершенно невероятную ситуацию: человечество вдруг оказалось без языка как средства общения людей между собой. На Земле воцарился бы неописуемый хаос, последствия которого было бы невозможно предугадать даже приблизительно. Мы можем вообразить себе человечество без транзисторов и телевизоров, без газа и электричества, даже — без керосиновой лампы и гусиного пера. Но мы не можем ни на минуту представить себе человеческое общество без языка... Значение языка в истории нашей цивилизации трудно переоценить. Вот почему язык — это не менее важный объект научного исследования, чем, например, небесные тела или свойства минералов, животный и растительный мир или история различных стран и народов.

Известно, что язык изучает специальная наука — языкознание, или лингвистика. Язык, как и важнейший его компонент — слово, можно изучать с разных точек зрения: фонетической, морфологической, синтаксической, стилистической и т. д. Следовательно, языкознание — это сложная наука, имеющая много различных аспектов исследования, отвечающая на самые различные вопросы. Среди этих многочисленных вопросов языкознания есть и такой: почему окружающие нас предметы называются так, а не иначе?

Попробуйте внимательнее присмотреться к разным словам — и вы увидите, что в одних случаях ответить на вопрос об их происхождении, о мотивированности отдельных

названий можно без особого труда, а в других случаях происхождение этих названий совершенно непонятно. Например, каждому знающему русский язык ясно, как произошли слова *летчик* (*летать*), *свисток* (*свистеть*), *подоконник* (*под окном*), *паровоз* (*пар* и *возить*). Пока не было железных дорог и самолетов, в русском языке не было и таких слов, как *паровоз* и *летчик*. Эти слова происходят от хорошо известных русских слов *пар*, *возить; летать*.

Но вот слова *луна*, *лопата* или *ложка* не могут быть объяснены так же просто; ни одно из них не имеет достаточно очевидных связей в русском языке — как, например, в случае *летать* — *летчик*. Объяснением происхождения слов занимается специальная наука э т и м о л о г и я, которой и посвящается настоящая книга. В ней будет рассказано не только и не столько о происхождении отдельных слов, сколько о том, как ученые устанавливают происхождение того или иного слова, о принципах и приемах исследования, о тех трудностях, с которыми сталкиваются этимологи в своей работе над историей слова.

Принципы этимологического анализа, которыми руководствуются ученые в своей работе, сложны и разнообразны. Отдельные аспекты исследования не всегда достаточно тесно связаны друг с другом, поэтому и рассказ о них разбит на отдельные небольшие главы. Каждая из этих глав посвящена какой-то самостоятельной этимологической проблеме, которая иллюстрируется примерами из истории различных (главным образом русских) слов. Значительная часть приведенных примеров уже давно получила общее признание в науке, и примеры эти можно найти в соответствующих словарях. Но в ряде случаев автор счел возможным включить в иллюстративный материал некоторые результаты своих собственных исследований, опубликованных или публикуемых в различных научных изданиях. Сюда относятся, например, рассказы о таких словах, как *волк*, *каравай*, *ковш*, *колода*, *мочало*, *невеста*, *оковалок*, *площадь*, *расшива*, *рамень*, *Тюмень* и др.

Этимология — это один из наиболее интересных и увлекательных разделов науки о языке. Здесь еще очень много «белых пятен», которые ждут своего первооткрывателя. Обратитесь к любому этимологическому словарю русского (да и не только русского) языка. Как много там слов, о которых говорится: «происхождение неясно», «бесспорного объяснения нет» и т. п. И представьте теперь себя в положении этимолога, который, исследовав «единого слова ради ты-

сячи тонн словесной руды», решает, наконец, трудную задачу. Никто еще не знает того скрытого тысячелетними напластованиями значения, которое слово имело во время своего возникновения. И только кропотливый труд первооткрывателя-этимолога позволяет объяснить происхождение этого слова. Глубокое чувство творческого удовлетворения, которое испытывает при этом исследователь, можно сравнить с чувством мореплавателя, впервые открывшего неведомую землю, геолога, обнаружившего новое месторождение нефти, шахматиста, нашедшего неожиданную эффектную комбинацию. Разумеется, приведенные в этом сравнении примеры различны как по своим масштабам, так и по тем областям человеческой деятельности, к которым они относятся. Но всех этих людей разных профессий объединяет одна и та же общая черта: творческий поиск, романтика открытия.

С самого раннего детства человек начинает интересоваться происхождением слов. Однако вопрос о том, почему соха называется *сохой*, а галка *галкой*, интересует не только детей «от двух до пяти», но и людей более старшего возраста — вплоть до убеленных сединами ученых. И дело здесь не в праздном любопытстве. Этимология представляет собой важный раздел истории языка, не зная которой мы можем лишь описывать факты, почти совершенно их не объясняя. Наука же, в том числе и языкознание, не только описывает факты, но также систематизирует и объясняет их.

Об этимологии как науке, о трудном и тернистом пути этимолога «к истокам слова» вы и прочтете в последующих главах.

Глава первая

ЧТО ТАКОЕ ЭТИМОЛОГИЯ?

Прежде чем приступить к рассказу о науке этимологии, о ее целях и задачах, остановимся на одном весьма показательном примере, который нам поможет лучше понять сущность научного анализа, его коренное отличие от тех многочисленных этимологических домыслов, с которыми, к сожалению, приходится сталкиваться почти на каждом шагу.

Выдра без шерсти. Однажды в гардеробе театра познакомились и разговорились между собой два весьма солидных человека. После традиционных сетований на плохую погоду разговор зашел об одежде собеседников.

«Скажите, ваш воротник, кажется, из выдры?» — спросил один из них.

«Да»,— ответил обладатель выдрового воротника.

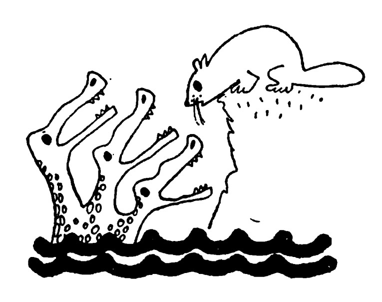
«А знаете ли вы, почему выдра называется *выдрой*?» — последовал еще один вопрос.

«Я над этим как-то не задумывался»,— признался собеседник.

«Дело в том,— начал объяснять его новый знакомый,— что при обработке шкурки этого зверька из нее полностью выдергивается шерсть, остается только подшерсток. Таким образом, *выдра* — это шкурка, у которой выдрана шерсть. Позднée название шкурки было перенесено и на самого зверька».

Чем окончился этот разговор, убедила ли собеседника изложенная с такой уверенностью этимология (происхождение) слова *выдра*,— неизвестно. Но можно с полной определенностью сказать, что, с лингвистической точки зрения, это объяснение не выдерживает никакой критики.

Выдра и гидра. На самом деле, *выдра* — очень древнее слово, имеющее гораздо более глубокие корни, чем это

было представлено в только что изложенной совершенно наивной этимологии. Слово это встречается не только в русском, но и во многих родственных индоевропейских языках[1]. Литовское слово *ūdra* [у́:дра][2] «выдра», древнеиндийское *udras* [удра́с] «водяное животное», древнегреческое *hydra* [хю́дра:] «гидра, водяная змея» — вот некоторые из ближайших «родственников» нашего слова, которые позволили ученым установить, что первоначально слово *выдра* имело значение «водяное (животное)». В русском языке связь между словами *выдра* и *вода* представляется далеко не очевидной. А вот, например, в древнегреческом языке слова *hydōr* [хю́до:р] «вода» и *hydra* [хю́дра:] «водяная змея»[3] не оставляют никакого сомнения в общности их происхождения.

Пример со словом *выдра* показывает, что произвольно устанавливаемая связь между близкими по звучанию словами (*выдрать — выдра*) может привести к серьезным заблуждениям. Для установления правильной этимологии слова нужно иметь представление об основных принципах этимологического анализа.

Что же такое этимология, каковы ее задачи и цели?

О задачах этимологии. Обычно слово *этимология* употребляется в двух различных значениях, которые нельзя смешивать.

Когда мы говорим, например, что этимология слова *беляк* не вызывает особых затруднений, то мы имеем в виду

[1] О родстве языков подробнее будет рассказано ниже — в главе третьей.

[2] Приводимая здесь и в дальнейшем русская транскрипция иноязычных слов лишь приблизительно передает их звучание. Так, например, [*h*] в древнегреческом слове *hydra* представляет собой звук, средний между [х] и [г] (ср. украинское [г]), а *y* в том же слове звучало примерно как немецкое [ü] (звук средний между русскими [и] и [у]). Написание литовских, древнеиндийских и некоторых других слов также дается в несколько упрощенной форме. Кстати, в русской транскрипции древнеиндийских слов не всегда отмечается ударение, ибо место его не во всех случаях нам известно. Наконец, двоеточие после гласного в принятой здесь транскрипции означает долготу предшествующего гласного.

[3] Ср. заимствованные (в конечном итоге) из греческого языка русские слова *гидра* «водяная змея» и *гидро(станция)*.

этимологию как установление происхождения слова. Наряду с этим термин *этимология* употребляется также в значении «отдел науки о языке, изучающий происхождение слов». Практически это двойное словоупотребление обычно не вызывает особых затруднений.

Древнегреческое слово *etymologia* [этюмологи́а:] впервые встречается в сочинениях древних философов-стоиков. Происхождение этого слова, его этимологию можно установить без какого бы то ни было труда: греческое *etymos* [э́тюмос] означает «истинный, верный», а *logos* [ло́гос] — «смысл, значение». Таким образом, этимология стремится к отысканию «истинного значения» слова — почему мы называем что-либо так, а не иначе. Известный итальянский лингвист В. Пизани в своей книге «Этимология» (русский перевод — М., 1956) писал о том, что основная задача этимолога — «найти значение слова в момент его первоначального создания» (стр. 129). Иногда в работах по этимологии это «истинное значение» слова называется «исходным» или «первоначальным» значением.

Фонетические изменения. Однако установление «исходного» значения слова не исчерпывает задач этимологического исследования. В своем развитии слова́ обычно подвергаются различным изменениям. Меняется, в частности, звуковой облик слова (фонетические изменения). Например, архаическая (древняя) форма *заутра*[1] в современном русском языке звучит как *завтра*. Восстановление более древней формы нередко позволяет прояснить этимологию слова. Именно так обстоит дело со словом *завтра*. Само по себе оно непонятно в этимологическом отношении. А вот форма *заутра* всё ставит на свое место: *заутра* → *завтра* — это время, которое последует за утром, наступит после утра.

Об изменениях значения слова. С течением времени часто изменяется не только звуковой облик слова, но и его смысл, его значение (семантические[2] изменения). Так, слова *позор* и *позорище* в древнерусском языке имели значение «зрелище», то есть буквально: «то, что представляется взору» (ср. слова *зоркий*, *зреть* «смотреть», *зритель*). Это же

---

[1] Ср. у Пушкина в «Полтаве»: *З а у т р а казнь...*

[2] С е м а н т и к а — это смысловая сторона языка или слова. Термин *семантика* обозначает также отдел науки о языке, изучающий его смысловую сторону, рассматривающий изменения значений слова. Этот отдел языкознания называется также с е м а с и о л о г и е й.

древнее значение мы находим и у таких древнерусских слов, как *позоратель* «свидетель, очевидец», *позоратаи* «зритель» и др. Архаичное, устаревшее в наше время значение слова *позор* «зрелище» мы можем встретить, например, еще у поэтов XIX века:

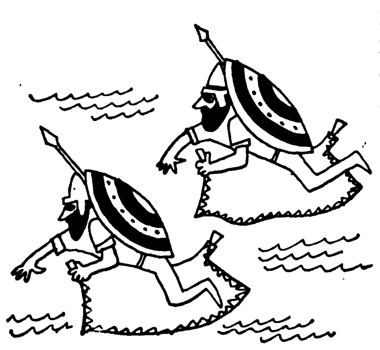
> Величествен и грустен был п о з о р
> Пустынных вод, лесов, долин и гор.
>
> Е. А. Б а р а т ы н с к и й.

Ключом к пониманию того, как из древнего значения «зрелище» у слова *позор* развивается его современное значение, может служить древний обычай выставлять преступника у позорного столба, то есть — на всеобщее обозрение.

Слово *порох* когда-то означало просто «пыль» или «порошок». Это слово относится к старославянскому *прах* так же, как русское *город* относится к *град*, *ворог* — к *враг* и т. п.

Современное слово *стрелять* уже не связано с представлением о стрелах. Но именно значение «пускать стрелы» было исходным у глагола *стрелять*. Это древнее значение позволяет надежно установить этимологию данного слова.

Что такое *мешок*? Не менее важную роль играет также и анализ тех формальных средств (например, приставок, суффиксов), с помощью которых образовано слово (словообразовательный анализ). Допустим, что мы хотим выяснить, каково было происхождение слова *мешок*. Выделяем в этом слове суффикс *-ок (-ек)*. Находим ряд русских слов с тем же самым суффиксом, которые с полной очевидностью соотносятся с простыми бессуффиксными образованиями: *смешок — смех*, *грешок — грех*, *душок — дух*, *пушок — пух* и т. п. Если в этот же самый словообразовательный ряд включить слово *мешок*, то его можно будет легко соотнести со словом *мех*. Таким образом, словообразовательный анализ позволил нам прояснить этимологию слова *мешок* (буквально: «маленький мех»).

Правда, здесь, быть может, последует возражение: кто же изготовляет мешки из меха?! Чтобы ответить на этот

вопрос, обратимся к истории. В древности «мешки» (мехи) изготовляли из шкур животных. В этих мехах обычно держали вино и другие продукты. Известно, например, выражение из Евангелия: «Не вливают вина молодого в мехи ветхие». Древние ассирийские воины переправлялись через широкие реки вплавь с полным вооружением, пользуясь при этом надутыми воздухом мехами (мешками из шкур). Этот способ переправы был знаком и другим народам древности. Еще шире, по-видимому, было распространено хранение в мехах вина и других жидкостей. Да и в наши дни такие мехи для хранения жидкости употребляются многими народами Востока. По-русски такой мешок, изготовленный из цельной шкуры, называется *бурдюком* (это слово было заимствовано из азербайджанского языка).

Слово и его «биография». Итак, этимологический анализ слова не ограничивается одним лишь установлением его исходного («истинного») значения. Задачи, стоящие перед этимологом, значительно шире: он должен восстановить полностью (насколько это возможно) всю «биографию» исследуемого слова, то есть выяснить, какие фонетические и семантические изменения претерпело слово за всю историю своего существования, установить, с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано.

История языка и этимология слова. Как правило, слова не возникают случайно, их обычно не придумывают наобум. Те смысловые и словообразовательные связи, которые мы наблюдаем в современном русском языке (*летать* — *летчик*, *читать* — *читатель* и т. п.), существовали и в седой старине, хотя, разумеется, проявлялись они в иной — более древней — форме. Но на протяжении столетий и тысячелетий эти связи нередко утрачивались. Каждый язык находится в процессе постоянного изменения. Одни слова постепенно устаревают (в словарях они даются с пометой «устаревшее») и даже совсем отмирают, другие, наоборот, появляются вновь.

А теперь представьте себе, что в современном русском языке исчезло бы, например, слово *белый* и все его производные (*белеть*, *белизна* и др.), но сохранилось бы слово *беляк*. В этом случае этимология последнего слова сразу стала бы неясной. Примерно так и обстоит дело с теми словами, этимология которых не может быть установлена с помощью материала современного русского языка. Для того

чтобы выяснить происхождение таких слов, этимологу необходимо обратиться к истории языка и восстановить утраченные когда-то древние связи между словами.

***Зодчий* и *архитектор*.** В качестве примера можно взять хотя бы слово *зодчий*. В словарях современного русского языка это слово дается с пометой «книжное, устаревшее». Со словом *зодчий* связана одна любопытная история. Однажды группа школьников отправилась на экскурсию по Ленинграду. Остановившись перед Зимним дворцом, экскурсовод сказал ребятам, что это здание построил зодчий Растрелли. Некоторые школьники не знали, что такое *зодчий*. И тогда экскурсовод объяснил им: «*Зодчий* по-русски значит «архитектор».

Экскурсовод, возможно, знал, что слово *архитектор* по своему происхождению не является русским словом. Оно представляет собой латинизированное заимствование из греческого языка, в котором слово *architektōn* [архитéкто:н] означает «строитель». Но заимствованное слово *архитектор* привычнее и употребительнее, чем устаревшее, хотя и исконно русское слово *зодчий*.

Каково же происхождение этого слова? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к истории русского языка. В древнерусских памятниках письменности засвидетельствованы слова *зьдъ* «глина» и *зьдчии* «горшечник», то есть «человек, который лепит горшки из глины»[1]. Но из глины не только лепили горшки. Глиной обмазывали, например, стены. В болгарском языке, который находится в близком родстве с русским языком, слово *зидъ* (из *зьдъ*) имеет также значения «стена» и «здание», а глагол *зйдам* означает «строю» (ср. русские слова *здание* и *созидать*). Таким образом, древним значением слова *зодчий* оказывается «строитель» (наряду со значением «горшечник»).

Слово *зодчий* относится к *зьдати* «строить» и *зьдъ* «глина; стена» так же, как *ловчий* относится к *ловить* и *лов*. Суффикс действующего лица *-чий*, утративший в современ-

[1] В древнерусском языке буквами *ь* («ерь») и *ъ* («ер») обозначались очень краткие (так называемые «редуцированные») гласные. По своему звучанию они напоминали произношение современных русских *е* и *о* в безударном положении: *вóсемь* [произносится примерно как восьм], *колос* [колъс]. Позднее эти звуки или исчезали (древнерусское *бьрати* перешло в *брать*, *окъно* — в *окно*), или же превращались в гласные полного образования *е* и *о* (*стькло* → *стекло*, *дъска* → *доска* и т. п.).

ном русском языке свою продуктивность, сохранился в таких древних словах, как *певчий*, *кравчий* («боярин, ведавший царским столом»), *стряпчий* и т. п.

Однако внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что в приведенных выше сопоставлениях далеко не все убеждает до конца. В самом деле, если мы возьмем слова *ловчий*, *ловить* и *лов*, то в корне каждого из них выступает один и тот же гласный *о*. Поэтому наличие связи между этими словами ни у кого не вызывает никаких сомнений. А вот у древнерусских слов *зьдъ*, *зьдати*, *зежду (зижду)* «строю», а также у современных русских слов *созидать* и *зодчий* мы встречаем в корне различные гласные: *ь*, *е*, *и*, *о*. Более того, в современной форме корня у слова *здание* (*зд-*) вообще нет никакого гласного. Как же можно объяснить столь явное, казалось бы, противоречие?

Дело здесь в том, что корневые гласные русских слов обладают способностью чередоваться друг с другом (ср. *несу — носить*, *везу — воз*, *беру — сбор* и т. д.). Так, например, в корне современного русского слова *брать*, как и у слов *здание* и *создать*, нет никакого гласного. А древнерусская форма *бьрати* и современные русские слова *беру*, *убирать*, *сбор* содержат те же самые гласные *ь*, *е*, *и*, *о*, которые нам встретились при рассмотрении слова *зодчий*.

Приведенный пример наглядно показывает, какое важное место в исследованиях по этимологии русских слов принадлежит истории языка, анализу тех слов, которые в современном русском языке или совсем не сохранились, или же существенно изменили свое первоначальное значение.

О врачах и знахарях. Но даже и в древнейших памятниках русской письменности далеко не всегда удается найти те «исходные» значения слова, которые позволяют решить вопрос о его этимологии. И здесь языковеды вынуждены обратиться к материалу родственных языков, в которых нередко сохраняются этимологические связи, утраченные в русском языке.

Возьмем в качестве примера этимологию таких слов, как *лекарь*, *доктор*, *врач*. Первое из этих слов в настоящее время является устаревшим. Этимология его (связь с глаголом *лечить*) не вызывает никаких сомнений. Слово *доктор* — латинское по своему происхождению. Оно было образовано от латинского глагола *doceo* [до́кео:][1] «учу, обучаю»

[1] В латинском языке времен Цицерона и Цезаря *c* во всех случаях произносилось как *k*. Позднее — в средние века — *c* перед гласными *e*,

и буквально значит «ученый» (ср. в русском языке: *доктор математических наук*). Отсюда слово *доктор* приобрело в разговорном языке значение «врач», то есть «ученый врач» — в отличие от простых недипломированных лекарей или знахарей.

Значительно труднее поддается этимологизации слово *врач*. Материал русского языка оказывается в данном случае недостаточным. Поэтому исследователю приходится обращаться здесь к данным родственных славянских языков. Основным и наиболее древним значением болгарского слова *врач* будет значение «знахарь, колдун». Сербскохорватское[1] *врач* также означает «чародей, колдун, предсказатель; знахарь», а *вра́чити* — «ворожить, гадать, предсказывать; лечить (знахарством)». В результате этих сопоставлений удается прояснить этимологию интересующего нас русского слова. *Врач* — это (разумеется, в этимологическом плане) знахарь, заговаривающий болезни.

Значение «говорить», заключенное (здесь также — только исторически) в слове *врач*, сохранилось — как это ни странно — в современном русском глаголе *врать*. О том, что последнее слово когда-то имело значение «говорить» и только позднее стало означать «говорить неправду, лгать», опять-таки свидетельствуют данные родственных языков. Впрочем, не только родственных. Сравните, например, у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Не всё то ври, что знаешь».

В словообразовательном отношении сло́во *врач* связано с глаголом *врать* так же, как *ткач* связано с *ткать*, *рвач* — с *рвать*, *драч* («живодёр») — с *драть* и т. п.

Таким образом, два слова (*врач* и *врать*), которые в современном русском языке не имеют между собой ничего

---

i, *y*, *ae*, *oe* стало произноситься как русское *ц*. В русский язык латинские слова проникали, как правило, в средневековом произношении (*цирк*, *центр*, *Цицерон*, *Цезарь*). Но в древнем Риме во всех этих случаях на месте *ц* произносился звук *к*. Здесь и ниже в транскрипции дается обычно так называемое классическое произношение. Исключение составляют лишь примеры, взятые из средневековой латыни.

[1] Сербскохорватский язык распространен на территории современной Югославии.

общего, исторически оказываются неразрывно связанными друг с другом. И установление этой связи оказалось возможным лишь благодаря привлечению материала родственных славянских языков.

Кто родил обезьяну? Хорошо известно, что маленькие дети очень рано начинают интересоваться вопросом происхождения человека.

— Мама, ты родила меня. Тебя родила бабушка. А кто родил бабушку? — спрашивает любознательный ребенок.

— Прабабушка,— следует естественный ответ.

— А прабабушку кто родил?

— Прапрабабушка.

— А кто родил прапрабабушку?

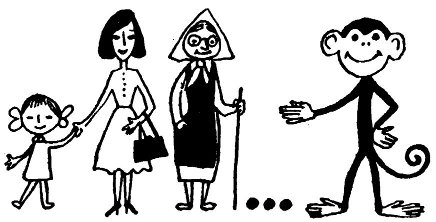
. . . .

Эти вопросы и ответы могут следовать до бесконечности. Чтобы удовлетворить любознательность ребенка, маме приходится в самой элементарной форме изложить теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Но и это объяснение не всегда приводит к цели. Продолжая свою серию вопросов, неутомимый «исследователь» может спросить:

— А кто же родил обезьяну?

Таким образом, вопрос о происхождении человека перерастает в более сложный вопрос о происхождении видов, о возникновении жизни на Земле.

Аналогичное явление можно наблюдать и в этимологии. Возьмем в качестве примера хотя бы слово *семенной*. Совершенно ясно, что это прилагательное образовано от слова *семя* (родительный падеж: *семен-и*) с помощью суффиксального *-н-*. В свою очередь слово *семя* является производным от глагола *сеять* (точнее: от древнерусского *сѣти*). Следовательно, этимология слова *семя* также определяется без особого труда. Но каково происхождение самого слова *сеять*? Некоторые соответствия в родственных индоевропейских языках позволяют думать, что наиболее древним у глагола *сеять* было значение «бросать».

И вот здесь мы могли бы поставить вопрос, сходный с вопросом о происхождении обезьяны: а какова же этимология древнего слова с

корнем *sē-*, который когда-то имел значение «бросать»? На вопросы подобного рода этимологи, как правило, ответить не в состоянии, так как они не располагают достаточными сведениями о столь древних этапах развития языка.

Но даже если бы эти данные и находились в нашем распоряжении, можно было бы, постоянно повторяя вопросы о том, «кто кого родил», прийти в конце концов к проблеме происхождения языка. А эта проблема существенно отличается от задач, стоящих перед этимологией.

Этимология не может проследить «родословную» каждого слова вплоть до его этимологической «обезьяны». Задачи, стоящие перед этой наукой, гораздо скромнее: довести «биографию» исследуемого слова до самого момента его рождения. При этом часто удается установить «бабушек», «прабабушек» и других близких и дальних «родственников» этимологизируемого слова, но этот анализ не может продолжаться до бесконечности. В любом случае мы вынуждены остановиться на каких-то простейших словах, которые не подлежат дальнейшему этимологическому объяснению. Касаясь истории языка в целом, известный датский лингвист О. Есперсен писал: «Необъясненной остается самая ранняя стадия, доступная для изучения, и ее надо принимать как она есть». С этим положением постоянно приходится считаться и этимологу.

Возможно, что некоторые из слов были исконно н е м о т и в и р о в а н н ы м и этимологически (особенно если говорить о происхождении и о начальных этапах развития языка). Однако в большинстве своем слова представляются нам немотивированными только потому, что мотивы или причины, на основании которых предмет или явление называется так, а не иначе, оказались скрытыми во мраке веков.

Восстановить древнейшие доступные нам этапы истории слова, вскрыть причины, приведшие к возникновению слова, определить его ближайших «родственников» — таковы основные задачи, стоящие перед этимологией.

Глава вторая

ОТ РОМУЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Рассмотрим вкратце историю развития этимологических знаний в древнем мире, в средние века и в новое время.

Пещерные этимологи. Никто, пожалуй, так живо не интересуется вопросами, связанными с происхождением слов, как маленькие дети.

Нужно думать, что и в ту отдаленную эпоху, которая относится к детству человечества, в эпоху, когда наши предки еще жили в пещерах и охотились на мамонтов, в уме первобытных людей уже появлялись первые проблески интереса к этимологии. Ведь уже на самой заре истории человеческого общества люди пользовались языком [1]. Каким бы примитивным ни был язык на первых этапах своего развития, это был все же язык, в котором имелись определенные (пусть элементарные) связи между словами. И этот язык должен был постепенно развиваться, причем он постоянно пополнялся новыми словами. А в процессе словотворчества человек невольно опирался на те закономерности, которые были характерны для языка. Иначе говоря, древний человек практически вынужден был прибегать к своего рода методам этимологического анализа, устанавливать на базе имеющихся образцов этимологические связи между словами.

Вероятно, уже в глубокой древности люди задумывались над происхождением отдельных слов, как они задумывались над происхождением Солнца и Луны, Земли и человека. Прямых доказательств этого у нас нет, так как в ту отдаленную эпоху люди не писали этимологических словарей, да и вообще ничего не писали (письменность была изобретена человеком сравнительно недавно). Но у нас имеются косвенные доказательства того, что люди с древнейших времен пытались этимологизировать непонятные им слова. Эти доказательства нам сохранила мифология.

Пенорожденная Афродита. У древних греков широкой известностью пользовался миф о рождении из морской пены прекрасной богини любви и красоты — Афродиты. Как же

---

[1] Сложный вопрос о происхождении языка здесь рассматриваться не будет. Интересующиеся этим вопросом могут обратиться к увлекательной книге Л. В. Успенского «Слово о словах», где автор во второй главе разбирает различные теории происхождения языка.

возник этот миф? Ученые считают, что само имя *Афродита* когда-то было заимствовано древними греками у финикийцев. Позднее то же самое имя финикийской богини было заимствовано греками в форме *Astartē* [Аста́рте:] «Астарта». Самим грекам имя *Афродита* было непонятно. И вот, пытаясь как-то объяснить это темное имя, они сопоставили его с греческими словами *aphros* [афро́с] «пена» и *dyno* [дю́:но:] «ныряю». Получилось что-то вроде «вынырнувшая, явившаяся из пены». Так возник миф о рождении богини любви Афродиты из белоснежной морской пены.

Имя другой древнегреческой богини — Афины — часто сопровождалось эпитетом *Тритогения (Tritogéneia)*. Вторая половина этого эпитета — *-гения (-geneia)* по-гречески значит «рожденная». Но что означает первая его половина? В одном из древнегреческих диалектов слово *trito* [три:то́:] имело значение «голова». Возможно, что именно стремление как-то осмыслить непонятный эпитет *Три́тогения* и привело к возникновению мифа о рождении Афины из головы Зевса, которую бог-кузнец Гефест расколол ударом молота.

Этимологии слова *Тритогения* мы не знаем и до сих пор. Одни ученые считают, что *Тритогения* буквально означает «трижды рожденная», так как по-гречески *tritos* [три́тос] значит «третий». Другие связывают возникновение этого эпитета с именем морского божества *Тритона*. И действительно, по одному из мифов, Афина была дочерью Океана. Наконец, еще в древности известный греческий историк Геродот считал, что слово *Тритогения* происходит от названия озера *Тритонида*, расположенного в Ливии.

Каким бы ни было действительное происхождение эпитета Афины *Тритогения*, несомненным остается тот факт, что «народная этимология является крупнейшим источником мифов» (В. Пизани). Свидетельства мифологии говорят нам о том, что уже в очень древние времена человек интересовался происхождением слов, пытался так или иначе объяснить их этимологию.

Этимология в античном мире. Одним из первых ученых, который специально писал об этимологии, был древнегреческий философ Платон (427—347 гг. до н. э.). Он стремился связать этимологию с проблемой происхождения языка и с общими вопросами теории познания. При всем этом конкретная этимологическая часть рассуждений Платона зачастую оказывается очень наивной. Слова, по его мнению, лишены исторического развития, они представляют собой

результат установления «законодателей», которые раз и навсегда определили как звучание, так и значение слов в языке.

Фонетические закономерности и изменения звукового облика слова Платоном, как правило, не принимаются во внимание. Представление о словообразовании, о формировании новых слов с помощью суффиксов также было чуждо Платону.

В Древнем Риме вопросами, связанными с происхождением слов, занимался известный ученый и грамматик В а р р о н (116—27 гг. до н. э.). Он определил этимологию как часть науки о языке, которая устанавливает, «почему и откуда явились слова».

Варрон в своих сочинениях предвосхищает многие идеи, которые получили дальнейшее развитие в трудах этимологов нового времени. Так, он уже имеет представление о развитии языка, о том, что одни слова со временем исчезают из языка, другие появляются вновь. Большое значение римский грамматик придавал анализу фонетических изменений. В связи с этим он писал, что «тот, кто обращает внимание, каким образом произошло изменение звуков, легче сможет обнаружить происхождение слов».

В сочинениях Варрона мы находим интересные мысли об изменениях значения слова, о разграничении исконных и заимствованных слов. Он был близок к тому, чтобы, подобно лингвистам нового времени, ввести понятие корня слова.

Варрон еще не имел ясного представления об образовании слов с помощью суффиксов, но он вплотную подошел к современному нам пониманию словообразовательного анализа. Так, в одном из своих сочинений римский грамматик писал: «Тот, кто говорит, что слово *equitatus* ([эквита́:-тус] «конница») происходит от *equites* ([э́квите:с] «конники»), а слово *equites* («конники») — от *equus* ([э́квус] «конь»), хотя и не говорит, откуда явилось слово *equus* («конь»), все же многое удовлетворительно объясняет».

Теоретические рассуждения Варрона нередко повторяют мысли, высказанные еще до него древнегреческими грамматиками. Практическая часть его этимологических сочинений, за исключением отдельных удачных примеров, все еще стояла на очень низком уровне. Например, латинское слово *luna* [лу́:на] «луна» Варрон расчленяет на две части *lu-* и *-na*, из которых первую он связывает с латинским глаголом *lucere* [лу:ке́:ре] «светить», а вторую — со словом *nox*

[нокс] «ночь». *Luna*, в соответствии с этим объяснением, является небесным телом, которое светит ночью. В одной из последующих глав мы увидим, что связь слова *luna* с глаголом *lucere* была установлена Варроном правильно. А вот латинское *nox* «ночь» не имеет совершенно никакого отношения к происхождению слова *luna*.

Еще более фантастической является предложенная Варроном этимология латинского слова *aqua* [а́ква] «вода»[1]. Это слово он также делит на две части: *a-* и *-qua*. По-латыни *a* означает «от», а *qua* — «которая». Варрон считал, что латинское слово *aqua* означает жидкость, от которой (*a quā*) или с помощью которой поддерживается жизнь.

«Псы го́спода». Средние века не прибавили ничего ценного для развития этимологической науки. Усилия средневековой этимологии сводятся в основном к совершенно беспочвенным попыткам установить происхождение отдельных слов, причем эти попытки по своей наивности могут быть поставлены в один ряд с наиболее фантастическими этимологиями ученых древности.

В средние века существовал монашеский орден (особая организация) доминиканцев, которые занимались борьбой с различными ересями и ведали делами инквизиции. Доминиканцы, как верные псы церкви, рыскали повсюду, отыскивая инакомыслящих еретиков, с тем чтобы предать их в руки инквизиции.

Свое название доминиканцы (по-латыни *dominicānī* [доминика́:ни:]) получили от имени святого Доминика — *Dominicus* [доми́никус]. Оно в свою очередь было образовано от

[1] Сравните русские слова, образованные на основе латинского слова *aqua*: *аквариум, акваланг, акварель, акведук.*

латинского слова *dominus* [до́минус] «господин», которое христианами употреблялось в значении «господь» (то есть «бог»).

Эти довольно простые отношения между словами некоторым средневековым этимологам были совершенно непонятны. Не имея ни малейшего представления о суффиксальном словообразовании, они пытались объяснить происхождение слов *dominicani* и *Dominicus* по-своему.

В результате появились совершенно нелепые, с лингвистической точки зрения, этимологии. Слово *dominicani* стали объяснять как *domini canes* [ка́не:с], то есть «псы господа (бога)» (*canis* по-латыни значит «собака, пес»)[1]. А самое имя святого Доминика — *Dominicus* — средневековые этимологи рассматривали как сокращенную форму от *domini custos* [до́мини: ку́стос], что означает «страж господа».

***Наверхия* и *Удалия*.** Количество совершенно несостоятельных этимологий, целиком основанных на безудержной фантазии их авторов, не уменьшалось и в последующие века. Примеры, аналогичные этимологическим рассуждениям средневековых схоластов, можно привести из любого европейского языка.

В России XVIII века подобного рода этимологическими штудиями занимался историк А. Л. Шлёцер, всюду стремившийся видеть результаты влияния немецкого языка на русский. Так, например, слово *князь* он производил от немецкого слова *Knecht* [кнехт] «слуга», а слово *дева* — от *Dieb* [ди:б] «вор». На таком же примерно уровне находились и остальные этимологии Шлёцера.

Отсутствие какого бы то ни было представления о родстве языков, об изменениях звуков и о словообразовании очень часто приводило к тому, что незнакомые чужеземные слова, проникшие в русский язык, нередко пытались этимологизировать, исходя из материала русского языка, опираясь при этом лишь на случайное звуковое сходство и на совершенно фантастические «аргументы» семантического (смыслового) характера.

Так, русский поэт и филолог В. К. Тредиаковский, живший в XVIII веке, считал, что название страны *Норвегия* представляет собой искаженную форму слова *Наверхия* и что страна эта получила свое наименование якобы потому,

---

[1] В одной из церквей Флоренции (Италия) имеется фреска, где доминиканцы изображены в виде собак, которые преследуют волков-язычников.

что расположена она на севере, то есть *наверху*. Столь же наивно Тредиаковский этимологизировал и другое географическое название — *Италия*. Здесь он также «восстанавливал» более древнюю форму *Удалия*, считая, что эта страна была названа так потому, что на много верст *удалена* от России, от севера.

Не только в России, но также и в других странах нередко встречались попытки объяснить все языки мира из своего родного языка. Так, например, Г. Беканус из Антверпена, исходя из «патриотических» побуждений, пытался возвести все языки к своему родному голландскому языку. Приводимые им толкования в принципе ничем существенным не отличались от толкований Тредиаковского.

Этимология под обстрелом скептиков. Большое количество нелепых этимологий, бытовавших в древнем мире, в средние века и в новое время, привело к тому, что многие стали относиться к этимологическим исследованиям со скепсисом и даже с откровенной насмешкой.

Еще в Древнем Риме знаменитый писатель, оратор и политический деятель I века до н. э. Марк Туллий Цицерон, предлагая одну из своих этимологий, не без иронии писал, что он делает это, «чтобы подражать нелепостям» греческих философов, которые много занимались вопросами происхождения слов.

Один из так называемых «отцов церкви» Августин (IV — V вв. н. э.) сравнивал этимологические объяснения с толкованиями... сновидений. В обоих случаях, по мнению Августина, успех определяется остроумием и прирожденными способностями толкователя. Как сон, так и этимологию слова каждый может понимать в меру своего разумения.

Но наиболее язвительный выпад по адресу этимологов был сделан выдающимся французским писателем и философом XVIII века Вольтером. По его словам, этимология — это наука, в которой гласные ничего не значат, а согласные почти ничего не значат.

Нужно сказать, что Вольтер имел все основания для своей желчной насмешки. Так, автор одного этимологического словаря, вышедшего в 1662 году в Амстердаме,— Фосс — утверждал следующее: а) любая гласная буква[1]

[1] Правильнее было бы говорить об изменениях звуков, а не букв. Однако ученые XVII—XIX вв. практически не различали звука и буквы.

может превратиться в любую другую гласную (сравните у Вольтера: «гласные ничего не значат»); б) любая согласная может превратиться в любую другую согласную («согласные почти ничего не значат»); в) любая гласная может превратиться в любую согласную и наоборот. Окончательный вывод Фосса: любая буква может превратиться в любую другую...

Таким образом, скептицизм и ироническое отношение к этимологии были в достаточной степени обоснованы обилием тех совершенно нелепых этимологических толкований, количество которых росло не по дням, а по часам.

На заре научной этимологии. Разумеется, не следует думать, что все без исключения этимологии, появившиеся до XIX века, были совершенно несостоятельными. Среди них можно найти и отдельные очень интересные догадки и наблюдения. Более простые этимологии типа латинского *equitatus* «конница» от *equites* «конники» также объяснялись в основном правильно. Но происхождение подавляющего большинства слов, требующих глубокого этимологического анализа, почти во всех случаях истолковывалось неверно — на основании случайных звуковых совпадений или надуманных семантических сопоставлений.

В XVIII веке европейские ученые ближе познакомились с памятниками древнеиндийской письменности, самые архаичные из которых создавались 3—4 тысячи лет тому назад. Почтенный возраст этих памятников явился причиной того, что родоначальником всех языков стали считать не древнегреческий, латинский или древнееврейский (как до этого считали некоторые ученые), а язык древнеиндийский (санскрит). В нем находили много общего с древнейшими языками Европы, и именно обращение к этим общим чертам привело позднее к созданию научного языкознания, научной этимологии.

Кто чей сын? Однако объявление санскрита «праязыком» было заблуждением. Такой подход к решению проблемы мало чем отличался от рассмотренных выше попыток вывести европейские языки из того или иного конкретного языка. Принцип оставался прежним: один из языков объявлялся «прародителем», а все остальные — его «потомками».

С другой стороны, сходство древнеиндийского языка со многими европейскими языками было просто разительным. Возьмем для примера такой территориально удаленный от санскрита язык, как язык литовский. Вот небольшой список

слов, совпадающих (частично или полностью) в двух этих языках — как по своему звучанию, так и по значению[1].

Значение	Древнеиндийский язык	Литовский язык
„кто"	*kas* [кас]	*kas* [кас]
„который (из двух)", „другой"	*kataras* [катара́с]	*kataras* [катара́с]
„сын"	*sūnus* [су:ну́с]	*sūnus* [су:ну́с]
„новый"	*nauyas* [на́уяс]	*naujas* [на́уяс]
„когда"	*kada* [када́]	*kada* [када́]
„тогда"	*tada* [тада́]	*tada* [тада́]
„овца"	*avis* [а́вис]	*avis* [ави́с]
„бог"	*devas* [де:ва́с]	*dievas* [дé:вас]
„лошадь, кобыла"	*ašvas* [а́швас]	*ašva* [ашва́]
„слеза"	*ašram* [а́шрам]	*ašara* [а́шара]
„столб, ствол"	*stambhas* [стамбхас]	*stambas* [ста́мбас]

Этот список можно было бы продолжать и далее. Мало того, можно подобрать целые предложения (пусть несложные), которые будут звучать почти одинаково по-древнеиндийски и по-литовски. Например:

а) *kas tava sūnus*? [кас та́ва су:ну́с] «кто твой сын?» (древнеиндийский);

б) *kas tavo sūnus*? [кас та́во: су:ну́с] «кто твой сын?» (литовский).

Не менее яркие совпадения у этих языков можно обнаружить и в грамматике. Естественно, возникает вопрос: кто же чей сын? Является ли язык, из которого возник язык литовский, потомком или предком древнеиндийского? Пришли ли в глубокой древности носители одного из этих языков с берегов Немана в долину Ганга или наоборот?

Не прародитель, а брат. Удивительные совпадения, подобные только что рассмотренным, наблюдались при сравнении древнеиндийского языка не только (а на первых порах — и не столько) с литовским, но и с другими европейскими языками: германскими, славянскими, древнегреческим, латинским. Это-то и служило основанием для того, чтобы признать древнеиндийский язык «прародителем» почти всех европейских языков.

Однако в конце XVIII века видный английский санскритолог (специалист по древнеиндийскому языку) У. Джоунз высказал мысль о том, что и древнеиндийский язык, и древнегреческий, и латинский представляют собой более позд-

[1] Конечное древнеиндийское ослабленное *s*, обозначаемое также посредством *ḥ* (висарга), передается здесь как *-s*.

ние формы какого-то исчезнувшего доисторического языка. Иначе говоря, древнеиндийский оказался не «прародителем», а кровным «братом» европейских языков.

Выявленная группа родственных языков Европы и Индии впоследствии стала называться индоевропейской. Основная идея У. Джоунза оказалась весьма плодотворной. В начале XIX века усилиями немецких ученых Ф. Боппа и Я. Гримма, а также датчанина Р. Раска и некоторых других лингвистов — на базе сопоставления материала ряда родственных индоевропейских языков — были заложены основы сравнительно-исторического метода в языкознании. Этот метод продолжал разрабатываться на протяжении всего XIX и XX вв. и дал мощный толчок к дальнейшему развитию различных областей языкознания.

Этимология как наука также сформировалась в XIX веке вместе с возникновением сравнительно-исторического метода. Но о родстве языков, о сравнительно-историческом методе и о широких перспективах, которые вместе с его появлением открылись перед этимологическими исследованиями, речь будет идти уже в следующей главе.

Глава третья

О РОДСТВЕ ЯЗЫКОВ

Уже давно было замечено, что степень различия между языками земного шара далеко не одинакова. Украинец без особого труда может понять русского, но он совсем не поймет испанца или японца. Румын, хотя и с трудом, может объясниться с итальянцем, но, не изучив специально английского языка, он не поймет англичанина.

В чем же здесь дело? Оказывается, языки, которыми пользуются люди, объединяются в группы, связанные между собой большей или меньшей степенью родства. Это родство объясняется общностью происхождения языков, входящих в одну и ту же группу.

Языковые группы. Очень близки между собой языки русский, украинский и белорусский, образовавшиеся на основе древнерусского языка. Эти языки называются восточнославянскими. Изменения, происшедшие в них на протяжении нескольких столетий, привели к ряду

серьезных расхождений. Но эти расхождения не столь велики, чтобы лишить носителей русского, украинского и белорусского языков возможности понимать друг друга при взаимном общении.

Значительно более серьезные расхождения мы обнаружим, если сопоставим восточнославянские языки с западнославянскими (чешский, польский) и южнославянскими (болгарский, сербскохорватский). Но восточно-, западно- и южнославянские языки все же имеют между собой много общего, так как все они входят в единую родственную группу славянских языков.

Общность происхождения этих языков проявляется уже в многочисленных лексических (словарных) совпадениях, представление о которых дает приведенная ниже таблица.

Русский язык	Чешский язык	Болгарский язык	Сербскохорватский язык
отец	*otec*	*оте́ц*	*о̀тац*
сестра	*sestra*	*сестра́*	*сѐстра*
вода	*voda*	*вода́*	*во̀да*
нога	*noga*	*нога́*	*но̀га*
зеленый	*zelený*	*зеле́н*	*зѐлен*
новый	*nový*	*нов*	*нови*
два	*dva*	*два*	*два*
три	*tři*	*три*	*три*
бедро	*bedro*	*бедро́*	*бѐдро*
окно	*okno*	*окно́*	*о̀кно*

Разница между приведенными словами в основном сводится к расхождениям в месте ударения и к сравнительно незначительным особенностям в произношении отдельных звуков. Количество подобных соответствий между славянскими языками можно было бы увеличить во много раз.

О близком родстве славянских языков говорят не только многочисленные лексические соответствия, но и общие черты грамматического строя этих языков. В склонении существительных и прилагательных, в спряжении глаголов славянские языки имеют немало точек соприкосновения, свидетельствующих об общности их происхождения.

Однако праславянский, или общеславян-

ский, язык, к которому восходят все современные славянские языки, не сохранился. В нашем распоряжении нет никаких праславянских памятников письменности. Поэтому праславянский язык может быть частично восстановлен главным образом лишь на основании сравнения сохранившихся славянских языков.

В этом отношении иначе обстоит дело у другой группы родственных языков, в которую входят итальянский, испанский, португальский, французский, румынский и некоторые другие языки (романская группа). Общим источником, к которому восходят все романские языки, является латинский язык, многочисленные письменные памятники которого сохранились до нашего времени. Латинский язык — это язык древних римлян. Вместе с ростом могущества Рима — в результате захвата всё новых и новых земель — латинский язык между III в. до н. э. и II в. н. э. постепенно распространился сначала по всей Италии, а затем на территории современной Франции, Испании, Румынии. Именно здесь во второй половине I тысячелетия н. э. на базе латинского языка возникли новые романские языки. По-латыни слово *Romanus* [ромá:нус] означает «римский». Поэтому языки, явившиеся дальнейшим этапом развития латинского языка, стали называться романскими.

Так как происхождение этих языков из общего источника засвидетельствовано исторически, нет особой необходимости приводить здесь таблицу с лексическими соответствиями из разных романских языков.

Близкие родственные связи обнаруживаются также между германскими языками (английский, немецкий, голландский, датский, шведский и др.). Как и в случае с языками славянскими, здесь мы также не располагаем памятниками письменности, относящимися к прагерманской эпохе. Однако близкое родство германских языков ясно выступает в приводимой таблице.

Значение	Английский язык	Голландский язык	Немецкий язык	Шведский язык
„человек“	*man*	*man*	*Mann*	*man*
„рука“	*hand*	*hand*	*Hand*	*hand*
„зима“	*winter*	*winter*	*Winter*	*vinter*
„пить“	*drink*	*drinken*	*trinken*	*dricka*
„сын“	*son*	*zoon*	*Sohn*	*son*
„петь“	*sing*	*zingen*	*singen*	*sjunga*
„нос“	*nose*	*neus*	*Nase*	*näsa* [1]

[1] Примеры здесь не снабжены транскрипцией. Общность происхождения приведенных слов видна и при обычной орфографии.

Родство каждой языковой группы, относящейся к индоевропейским языкам, как и в случае со славянскими и германскими языками, может быть подтверждено большим количеством лексических (а также и грамматических) соответствий.

О близких и дальних «родственниках». Ученые давно заметили, что и за пределами отдельных языковых групп можно обнаружить немало интересных совпадений. Так, например, славянские языки имеют большое сходство с балтийскими языками (древнепрусский[1], литовский, латышский), меньше сходства имеют латинский с древнегреческим и т. д.

Приведенная выше таблица лексических совпадений между древнеиндийским и литовским языками (стр. 24) показывает, что между ними также имеется немало общего. Однако количество совпадений здесь будет не столь велико, как, например, между отдельными славянскими, романскими или германскими языками. Оказывается, родственные связи между разными языковыми группами (но внутри индоевропейской семьи) не являются столь же тесными, как у языков, относящихся к одной и той же группе. Так, германские и славянские языки стоят дальше друг от друга в «семейной иерархии», чем, к примеру, английский и немецкий или русский и болгарский языки. То же самое можно сказать и о других языковых группах. Тем не менее совершенно определенные связи прослеживаются и при сравнении между собой весьма дальних индоевропейских «родственников». В этом можно убедиться, обратившись к следующей таблице:

Русский язык	Литовский язык	Латинский язык	Древнегреческий язык	Древнеиндийский язык
новый	*navas* [нáвас]	*novus* [нóвус]	*ne(v)os* [нéвос]	*navas* [нáвас]
ов-ца	*avis* [ави́с]	*ovis* [óвис]	*o(v)is* [óвис]	*avis* [áвис]
ночь[2]	*naktis* [накти́с]	*noctis* [нóктис]	*nyktos* [нюктóс]	*naktis* [нáкти:с]
дом	—	*domus* [дóмус]	*domos* [дóмос]	*damas* [дáмас]

---

[1] Древнепрусский — один из балтийских языков, вымерший несколько столетий тому назад.

[2] Примеры из латинского, древнегреческого и древнеиндийского языков даны для слова «ночь» в родительном падеже единственного числа.

везу	*vežu*	*veho*	*(v)echo*	*vahami*
	[вяжу́]	[ве́хо:]	[ве́хо:]	[ва́хами]
ты	*tu*	*tu*	*ty*	*tu*
	[ту]	[ту:]	[тю]	[ту:]
два	*du*	*duo*	*dyo*	*duva(u)*
	[ду]	[ду́о]	[дю́о:]	[дува́у]

Количество приведенных здесь примеров можно было бы значительно расширить. Однако и рассмотренный нами материал дает достаточно наглядное представление о соответствиях, которые подтверждают исконное родство перечисленных в таблице индоевропейских языков[1].

Исконное родство и заимствования. Однако не всякое совпадение может служить доказательством родства языков. Например, такие слова, как *фабрика*, *революция*, *Советы*, *спутник*, известны многим языкам. Но это обстоятельство нельзя рассматривать как аргумент, подтверждающий родство тех языков, в которых (с некоторыми особенностями в произношении) встречаются названные слова. В большинстве современных европейских (да и не только европейских) языков слова эти появились в результате распространения образований, сформированных на латинской основе (*фабрика*, *революция*), или же — прямого заимствования из русского языка (*Советы*, *спутник*).

Но, может быть, и те соответствия, которые наблюдаются в индоевропейских языках, также явились следствием каких-то очень древних заимствований? Оказывается, нет. Правда, сами по себе одни лишь лексические совпадения не могут служить окончательным подтверждением родства языков. Но общность происхождения языков, входящих в индоевропейскую семью, определяется не только многочисленными лексическими совпадениями.

Ученые установили, что индоевропейские языки обладают сходным грамматическим строем. Однако если мы будем сравнивать между собой, например, грамматику современного русского и английского языков, то нам не удастся обнаружить между ними большого сходства. Для того чтобы установить общие грамматические черты индоевропейских языков, нужно было, обратившись к истории каж-

---

[1] В трудах немецких ученых эти языки называются часто также и н д о г е р м а н с к и м и. Позднее были обнаружены новые индоевропейские языки (тохарские, хеттские), которые территориально не связаны ни с Индией, ни с Европой, но термин «индоевропейские» остался по-прежнему без изменений.

дого языка в отдельности, восстановить древнейшие этапы их развития. Только в этом случае сравнение языков могло дать какие-то положительные результаты.

Обращаясь к истории языков и сравнивая их между собой, языковеды сумели ответить на многие неясные до того времени вопросы. Именно так и возник сравнительно-исторический метод, который впервые превратил языкознание в подлинную науку.

«Чего тебе надобно, *старче?*» Общность грамматического строя индоевропейских языков проявляется во многом. Возьмем несколько примеров из склонения. В современном русском языке звательный падеж (падеж, в котором стоит обращение) слился с именительным: «*Молодой человек*, скажите, пожалуйста...»; «*Колобок-колобок*, я тебя съем!» Иначе обстояло дело в древнерусском языке. Здесь многие существительные имели особую форму звательного падежа, отличную от именительного.

Некоторые из этих форм в качестве архаизмов сохранились и в современном русском языке: «Чего тебе надобно, *старче?*» — спрашивает золотая рыбка в известной сказке А. С. Пушкина. *Боже* (именительный падеж: *бог*), *отче (отец)*, *друже (друг)* — такие примеры сейчас в русском языке единичны и воспринимаются в большинстве случаев как устаревшие формы.

Но именно это древнее окончание звательного падежа на *-е* обнаруживается также и в родственных индоевропейских языках. Так, латинское слово *amicus* [ами́:кус] «друг» в звательном падеже имеет форму *amice* [ами́:ке], древнегреческое *anthrōpos* [а́нтхро:пос] «человек» — *anthrōpe* [а́нтхро:пе].

Таким же образом ученым удалось выявить много других общих черт древнего индоевропейского склонения и спряжения. Сравните хотя бы современные русские местоимения в дательном падеже *тебе*, *себе* с латинскими местоимениями *tibi* [ти́би] «тебе», *sibi* [си́би] «себе».

Если взять, например, спряжение латинского глагола *sidere* [си́:дере] «садиться» в настоящем времени, то мы увидим не только совпадение в звучании корня слова с русским *сидеть*, но и очень близкие окончания:

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	*sid-o* [си́:до:]	*sid-imus* [си́:димус]
2-е лицо	*sid-is* [си́:дис]	*sid-itis* [си́:дитис]
3-е лицо	*sid-it* [си́:дит]	*sid-unt* [си́:дунт]

Конечно, совпадения с русскими формами *сиж-у*, *сид-ишь*, *сид-ит*, *сид-им*, *сид-ите*, *сид-ят* будут здесь не совсем полными, но зато они распространяются на все лица единственного и множественного числа. Если же мы сопоставим между собой формы повелительного наклонения *sidite*! [сй:дите] и *сидите*!, то здесь почти всё различие будет заключаться только в месте ударения. Эти и многие другие совпадения сохранились, несмотря на тысячелетия раздельного существования латинского и славянских языков.

Примеров частичного или полного совпадения в грамматическом строе индоевропейских языков было обнаружено очень много, особенно — в системе склонения. Это послужило самым весомым аргументом в пользу исконного родства индоевропейских языков. И вот почему.

Окончательное решение выносят... окончания. На первый взгляд может показаться, что, например, слово со значением «вдова», имеющее удивительно сходные формы в различных индоевропейских языках, убедительно свидетельствует о родстве этих языков:

вьдова — старославянский язык;
vidhava [видха́ва:] — древнеиндийский;
vidua [ви́дуа] — латинский;
widuwo [ви́дуво:] — готский[1] и т. д.

Однако, несмотря на этот, казалось бы, бесспорный пример, у нас нет основания на 100% исключить (как и в других подобных случаях) возможность заимствования. Пусть очень древнего, но всё же — заимствования. А заимствуются слова, как известно, не только из одного родственного языка в другой. Возьмем, например, список, на первый взгляд, ничем не отличающийся от только что приведенного:

камыш — русский язык;
katyš [камы́ш] — турецкий, татарский;
камъш — болгарский;
gamyš [гамы́ш] — азербайджанский, туркменский.

Можно ли на основании этих примеров говорить о том, что русский или болгарский язык находится в родстве с турецким, туркменским, азербайджанским, татарским? Нет. Эти языки относятся к группе так называемых т ю р к с к и х языков, в которую входят также башкирский, киргизский, узбекский и некоторые другие языки. Именно из

[1] Г о т с к и й — один из древних германских языков.

тюркских языков слово *камыш* и было заимствовано в русский и в некоторые другие славянские языки. Вот почему приведенное нами сопоставление ровно ничего не говорит в пользу родства русского языка с языками тюркскими. Более того. Пример со словом *камыш* не может считаться также и аргументом в пользу родства русского и болгарского языков, хотя эти языки, действительно, родственные. Однако родство в данном случае доказывается с помощью иных аргументов.

Итак, мы убедились в том, что одни лексические совпадения явно недостаточны для доказательства исконного родства языков. Но там, где надежным аргументом не может служить целое слово, нам на помощь приходит его часть — окончание.

Отвлечемся на некоторое время от значения рассматриваемых слов, а также от того, какой вид имеют их корни. Сосредоточим всё наше внимание только на одних окончаниях. Посмотрим, как склоняются — пусть даже разные! — существительные женского рода с окончанием *-а* (в именительном падеже единственного числа) в ряде родственных индоевропейских языков. Поскольку не все эти языки сохранили равное количество падежей, мы ограничим нашу таблицу четырьмя падежами единственного числа.

Разумеется, в приведенную таблицу можно было бы включить такой пример, где совпадали бы не только окончания, но от этого таблица не стала бы более убедительной. Ибо, как мы уже видели, сами слова могли оказаться древними заимствованиями. А вот грамматические формы (в том числе падежные окончания), как правило, не заимствуются. Взять хотя бы такие слова, как *бухта* и *почтамт*. Оба они были заимствованы из немецкого языка, но если мы захотим просклонять эти существительные, то они при склонении будут выступать не с немецкими, а с русскими окончаниями. Например, в родительном падеже единственного числа вместо немецкого *der Bucht-en* [дер бýхт-ен], *des Postamt-(e)s* [дес пóстамт-(е)с] мы будем иметь: *бухт-ы*, *почтамт-а* — с обычными русскими окончаниями.

Отсюда следует естественный вывод о том, что совпадения в окончаниях четырех падежей единственного числа не могут быть объяснены как результат заимствования. Именно такого рода совпадения и позволили ученым сделать окончательный вывод о родстве индоевропейских языков, о том, что все они восходят к единому древнейшему «предку» — к праиндоевропейскому языку.

Падежи / Языки	Именительный	Родительный	Дательный	Винительный
Индоевропейские окончания	*-ā [1]	*-ās	*-āi	*-ān[3]
Древнеиндийский	sut-ā „дочь“	sut (āy)-ās[2]	sut (āy)-ai	sut-ām
Древнегреческий	the-ā „богиня“	the-ās	the-āi	the-ān
Латинский	esc-a „еда“	esc-ās	esc-ai	esc-am
Готский	gib-a „дар“	gib-os[4]	gib-ai	gib-a
Литовский	put-a „пена“	put-os[4]	put-ai	put-an
Старославянский	вод-а	вод-ы[5]	вод-ѣ[6]	вод-ѫ[7]

Примечания к таблице. 1) Звездочкой (*) принято обозначать формы, не засвидетельствованные в памятниках письменности, но реконструированные учеными на основе сравнения родственных языков. Прямая черточка над гласным (ā) указывает на его долготу.

2) В родительном и дательном падежах древнеиндийские окончания присоединяются не прямо к корню (sut-), а к основе, состоящей из корня и суффикса -āy-[-а:й-].

3) Носовой согласный в окончании винительного падежа варьируется в разных индоевропейских языках (m или n). Литовский пример дан с диалектным окончанием. В готском языке конечный носовой был утрачен.

4) Как мы увидим в следующей главе, индоевропейское долгое *ā отражается в готском и литовском языках в виде o.

5) Происхождение старославянского окончания -ы в родительном падеже единственного числа не выяснено. Оно не совпадает с окончаниями в других языках.

6) Старославянское ѣ («ять») образовалось из древнего *ai (см. следующую главу).

7) Старославянское ѫ («юс большой») представляет собой назализованный (носовой) гласный, развившийся из *an. В русском языке этот носовой гласный изменился в у.

«Я не нездýжаю нiврóку». Общность происхождения индоевропейских языков, совпадения в лексике и грамма-

тические соответствия могут навести неискушенного читателя на мысль о том, что, зная русский язык, можно сравнительно легко изучить любой другой индоевропейский язык.

К сожалению, такого читателя ждет горькое разочарование. Родство индоевропейских языков было установлено благодаря сравнению наиболее архаичных особенностей каждого языка в отдельности. В течение столетий и даже тысячелетий эти языки претерпели существенные изменения. В результате в этих языках стало гораздо больше расхождений, чем общих черт, которые ученым удается выявить лишь с помощью сравнительно-исторического метода.

Возьмите даже наиболее близкий к русскому украинский язык. Всё ли нам в нем понятно? Например, стихотворная строка, принадлежащая великому украинскому поэту Т. Г. Шевченко: «У всякого своя доля»,— будет понятна любому русскому. А вот многие ли поймут слова того же Шевченко: «Я не нездýжаю нівpóку»? Пожалуй, никто из тех, кто не знает украинского языка, этих слов не поймет[1].

Еще больше непонятных слов и выражений мы встретим в польском или болгарском языке. Но здесь кое-что мы всё же поймем. А вот в немецком или французском языке, если мы специально его не изучали, практически всё будет непонятным (за исключением отдельных слов, которые стали интернациональными).

Итак, мы вновь вернулись к вопросу о том, что языки различаются между собой не одинаково. Но теперь мы уже знаем, что объясняется это различной степенью родства между языками.

Этимология и сравнительно-исторический метод. Пытаясь установить происхождение того или иного слова, ученые уже давно сопоставляли между собой данные различных языков. Сначала эти сопоставления были случайными и, по большей части, наивными. Взять хотя бы сравнение русского слова *дева* с немецким *Dieb* [ди:б] «вор».

Постепенно, благодаря этимологическим сопоставлениям сначала отдельных слов, а затем и целых лексических групп, ученые пришли к выводу о родстве индоевропейских языков, которое позднее было окончательно доказано с помощью анализа грамматических соответствий.

---

[1] Украинское *нездýжати* означает «болеть» (ср. русское слово *недуг*), а *нівpóку* — «не сглазить бы». В целом строку можно перевести словами: «Я, слава богу, не болею».

Таким образом, этимологии принадлежит видное место в становлении сравнительно-исторического метода в процессе формирования языкознания как науки. В свою очередь сравнительно-исторический метод открыл новые возможности перед этимологией.

Происхождение многих слов любого отдельно взятого языка часто остается для нас неясным потому, что в процессе его развития утрачивались древние связи между словами, изменялся фонетический облик слов и их значение. Но эти древние связи между словами, их первоначальную звуковую форму, их древнее исходное значение очень часто можно обнаружить с помощью родственных языков.

Сравнение наиболее древних языковых форм с архаическими формами родственных языков, или, иначе говоря, использование сравнительно-исторического метода в этимологических исследованиях, может привести к успешному раскрытию тайн происхождения слова.

Глава четвертая

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Каждый язык постоянно изменяется в процессе своего развития. Если бы не было этих изменений, то языки, восходящие к одному и тому же источнику (например, индоевропейские), вообще не различались бы между собой. Однако на самом деле мы видим, что даже близкородственные языки значительно отличаются друг от друга. Взять хотя бы языки русский и украинский. В период своего самостоятельного существования каждый из этих языков претерпел различные изменения, которые привели к более или менее существенным расхождениям в области фонетики, грамматики, словообразования и семантики.

***Читатель* и *читач*.** Уже простое сопоставление русских слов *место*, *месяц*, *нож*, *сок* с украинскими *місто*, *місяць*, *ніж*, *сік* показывает, что в ряде случаев русским гласным *е* и *о* будет соответствовать украинское *і*.

Аналогичные расхождения можно наблюдать и в области словообразования: русские слова *читатель*, *слушатель*, *проситель*, *деятель*, *сеятель*, *обвинитель* выступают с суффиксом действующего лица *-тель*, а соответствующие им

слова в украинском языке — *читáч, слухáч, прохáч, дiя́ч, сiя́ч, обвинувáч* — имеют суффикс *-ч* (ср. русск. *ткач, толкач, трепач* и т. п.).

Наконец, существенные изменения произошли также и в семантической области. Например, приведенное выше украинское слово *мiсто* имеет значение «город», а не «место»; украинский глагол *дивлюся* означает «смотрю», а не «удивляюсь».

Гораздо более сложные изменения можно обнаружить при сравнении других индоевропейских языков. Эти изменения, происходившие в течение многих тысячелетий, привели к столь значительным расхождениям, что носители разных языков, не столь близких между собой, как русский и украинский, уже давно перестали понимать друг друга.

Вавилонское столпотворение. Еще в глубокой древности люди пытались как-то объяснить расхождения, существующие между языками земного шара. Согласно одной из библейских легенд, жители древнего города Вавилона, возгордившись, решили построить огромную башню (*столп*) высотой до самого неба. Разгневавшись на людей за столь нечестивый замысел, бог решил воспрепятствовать строительству башни (*столпотворению*) и с этой целью «смешал» язык строителей, которые с тех пор перестали понимать друг друга и в результате не смогли продолжить начатую работу. Отсюда и берет свое начало выражение *вавилонское столпотворение*.

Сравнительно-историческое языкознание показало, что действительные причины «смешения языков» (по крайней мере в рамках отдельных языковых семей) заключаются в тех изменениях, которые произошли в процессе исторического развития. И здесь одно из наиболее важных мест принадлежит фонетическим изменениям.

Тигрица и волчица. Попробуем сопоставить между собой слова *тигр — тигрица* и *волк — волчица*. В первом случае существительное женского рода образуется путем присоединения суффикса *-иц(а)* к форме мужского рода. Больше ничем существенным слова *тигр* и *тигрица* между собой внешне не различаются[1]. Иное дело в случае *волк — волчица*. Здесь у формы женского рода изменился послед-

[1] По крайней мере в написании. Что касается произношения, то *р* в слове *тигр* — твердое, а в слове *тигрица* — мягкое.

ний звук корня: *к* перешло в *ч*. В результате этого изменения возникло чередование *к/ч*, которое можно наблюдать во многих русских словах: *рука — ручка*, *река — речка*, *бак — бачок*, *пеку — печешь* и др.

Эти изменения произошли перед гласными *е*, *и*, *ь* (ср. древнерусские формы: *ручька*, *речька*), в то время как в остальных позициях сохранилось древнее *к*. Сходные, хотя и неодинаковые явления мы имеем в случаях *нога — ножка*, *княгиня — князь — княжеский*, а также *писать — пишу*, *горох — горошек*, *свет — свеча* и т. п.

Очень часто в истории языка происходили и такие фонетические изменения, которые не оставляли никаких очевидных следов прежнего состояния. Например, для русского слова *луч*, в котором конечное *ч* также восходит к более древнему *к*, мы не в состоянии найти пары типа *волк — волчица* или *пеку — печешь*. Тогда на помощь можно привлечь данные родственных индоевропейских языков. Слово *луч* оказывается в родстве с такими латинскими словами, как *lux* [лу:кс] «свет» и *luceo* [лу́:кео:] «свечу». Следовательно, мы вправе говорить о том, что в этом случае русское *ч* с о о т в е т с т в у е т латинскому *к*.

О звуковых соответствиях. Выше были приведены примеры лишь самых простых звуковых изменений, имевших место в истории русского языка. На протяжении тысячелетий в индоевропейских языках произошло большое количество различных фонетических изменений, многие из которых значительно сложнее рассмотренных нами примеров.

Однако, несмотря на всю свою сложность, эти изменения не были случайными, хаотическими. Они носили ярко выраженный с и с т е м н ы й характер. Если, например, изменение *к* в *ч* произошло в случаях *рука — ручка*, *река — речка*, то оно должно было проявиться и во всех других примерах подобного рода: *собака — собачка*, *щека — щечка*, *щука — щучка* и т. д.

Эта закономерность фонетических изменений в каждом языке привела к тому, что между звуками отдельных индоевропейских языков возникли строгие фонетические соответствия. Так, начальное индоевропейское **bh* [бх] в славянских языках превратилось в простое *б*, а в латинском языке оно изменилось в *f* [ф]. В результате между начальным латинским *f* и славянским *б* установились определенные фонетические соотношения:

Латинский язык	Русский язык
faba [фа́ба] „боб“	—*боб*
fero [фе́ро:] „несу“	—*беру*
fiber [фи́бер] „бобр“	—*бобр*
fū(imus) [фу́:имус] „(мы) были“	—*были* и т. д.

В этих примерах сопоставлялись между собой только начальные звуки приведенных слов. Но и остальные звуки, относящиеся к корню, здесь также полностью соответствуют друг другу. Например, латинское долгое *ū* [у:] совпадает с русским *ы* не только в корне слов *fū-imus* — *бы-ли*, но и во всех других случаях: латинск. *tū* — русск. *ты*, латинск. *rūd-ere* [ру́:дере] «кричать, реветь» — русск. *рыд-ать* и др.

Таблицы, таблицы, таблицы... Для того чтобы получить наглядное представление о звуковых соответствиях в индоевропейских языках, обратимся к таблицам. Эти таблицы помогут читателю самостоятельно проверить правильность приводимых в книге (или в других работах по этимологии) сопоставлений. С помощью этих таблиц можно научиться более квалифицированно (а временами и критически) пользоваться этимологическими словарями русского языка.

Содержание таблиц ограничено материалом шести групп языков. Включение в таблицы русского языка в обоснованиях не нуждается. Старославянский — древнейший из славянских языков, а литовский из всех индоевропейских языков наиболее близок к славянскому. Готский — древнейший из известных нам германских языков, а именно германские языки (английский, немецкий) чаще всего изучаются в школе. Древнегреческий и латинский — это так называемые «классические языки», на базе которых было образовано большое количество интернациональных слов и научных терминов. Этими обстоятельствами и был обусловлен отбор материала для таблиц, к рассмотрению которых мы можем теперь обратиться (см. стр. 39—41).

Рассмотренные таблицы могут служить читателю надежным компасом, вооружившись которым он сумеет отправиться в плавание по этимологическому морю. С помощью таблиц мы можем проверять правильность этимологических сопоставлений и давать ответы на многие этимологические вопросы. На некоторых из них мы и остановимся (см. стр. 41).

Краткие таблицы звуковых соответствий в индоевропейских языках

I. Гласные

1	2	3	4	5	6	7	8
*e	a	ε [e]	e	i, ai [e][1]	e	е	е
*o	a	ο [o]	o	a	a	о	о
*a	a	α [a]	a	a	a	о	о
*i	i	ι [i]	i	i, ai [e][1]	i	ь	е, —[2]
*u	u	υ [ü]	u	u	u	ъ	о, —[2]
*ē	ā	η [ē]	ē	e	ė[3]	ѣ	е
*ō	ā	ω [ō]	ō	o	o	а	а
*ā	ā	ᾱ [ā]	ā	o	o	а	а
*ī	ī	ῑ [ī]	ī	ei [ī]	y [ī]	і	и
*ū	ū	ῡ [ū]	ū	ū	ū	ы	ы

Примечания к таблице I. В этой и следующих таблицах цифрами обозначены языки: 1. Реконструированный индоевропейский. 2. Древнеиндийский. 3. Древнегреческий. 4. Латинский. 5. Готский. 6. Литовский. 7. Старославянский. 8. Русский.

1) В квадратных скобках произношение дано в латинской транскрипции.

2) О том, что древние *ь* и *ъ* изменяются в гласные полного образования или исчезают, говорилось в примечании 1 на стр. 12. (В графе 8 они обозначены как *е* и *о* или отмечены прочерком.)

3) Произносится как долгое узкое *ē*.

II. Дифтонги[1]

1	2	3	4	5	6	7	8
*eu	ō	ευ [eu]	ū	iu	(i) au	ю	ю
*ou	ō	ου [ou]	ū	au [o:]	au	оу	у
*au	ō	αυ [au]	au	au [o:]	au	оу	у
*ei	ē	ει [ei]	ī	ei [i:]	ei, ie	и	и
*oi	ē	οι [oi]	oe, ū	ai [e:]	ai	ѣ	в
*ai	ē	αι [ái]	ae	ai [e:]	ai	ѣ	е
*en	an	εν [en]	en	in	en	ѧ[2]	я
*on	an	ον [on]	on	an	an	ѫ	у
*an	an	αν [an]	an	an	an	ѫ	у
*em	am	εμ [em]	em	im	em	ѧ	я
*om	am	ομ [om]	om	am	am	ѫ	у
*am	am	αμ [am]	am	am	am	ѫ	у

Примечания к таблице II. 1) Дифтонги представляют собой сочетания двух гласных, которые произносятся в один слог. В качестве гласного во второй половине дифтонга могут выступать также сонанты (см. примечание 1 к следующей таблице).

2) Старославянский «юс малый» (ѧ) — это носовой гласный, развившийся из **en* или **em*. В русском языке этот гласный изменился в *а* с одновременным смягчением предшествующего согласного, что в написании отразилось в виде *я*. О «юсе большом» речь у нас уже шла выше (стр. 33).

Примеры с плавными сонантами (*r* и *l*) в исходе дифтонга в таблице опущены.

III. Сонанты[1]

1	2	3	4	5	6	7	8
*r̥	r̥	ρα, αρ [ra, ar]	*or*	*aúr*	*ir*, *ur*	рь, ръ	*ер*, *ор*
*l̥	r̥	λα, αλ [la, al]	*ul*	*ul*	*il*, *ul*	ль, лъ	*ел*, *ол*
*m̥	*a*	α [a]	*em*	*um*	*im*, *um*	ѧ	*я*
*n̥	*a*	α [a]	*en*	*un*	*in*, *un*	ѧ	*я*
*j	*y* [j]	z[dz], ʻ[h]	*j*	*j*	*j*	[*j*]	[j][2]
*v	*v*	ʻ[h], —	*v*	*w*	*v*	в	*в*
*r	*r	ρ [r]	*r*	*r*	*r*	р	*р*
*l	*r*, *l*	λ [l]	*l*	*l*	*l*	л	*л*
*m	*m*	μ [m]	*m*	*m*	*m*	м	*м*
*n	*n*	ν [n]	*n*	*n*	*n*	н	*н*

Примечания к таблице III. 1) Сонанты — от латинского *sonans* [со́на : нс] «звучащий» — это такие (обычно согласные) звуки, которые можно произносить протяжно, причем в их произношении активно участвуют голосовые связки: [ллл...], [ррр...], [ммм...], [ннн...], [ввв...], [*jjj*...]. А если попробовать так же произнести, например [ббб...], ничего не получится.

Как известно, гласные отличаются от согласных тем, что с их помощью может быть образован слог. Самой замечательной особенностью индоевропейских сонантов было то, что они могли выступать и как согласные, и как гласные (отчасти эта особенность древних сонантов сохранилась и в некоторых современных индоевропейских языках). Например, в русских словах *волк* и *верх* *л* и *р* выступают как согласные звуки, а вот в чешских словах *vlk* «волк» и *vrch* «верх» *l* и *r* —гласные, с их помощью образуются слоги.

В таблице приведены 4 гласных (1—4) и 6 согласных сонантов (5—10), ибо **i* и **u*, являющиеся гласными вариантами сонантов **j* и **v*, даны в таблице I.

2) «Йот» (*j*) на письме не обозначается. Однако *ja* → *я*, *jo* → *ё*, *ju* → *ю*.

IV. Согласные

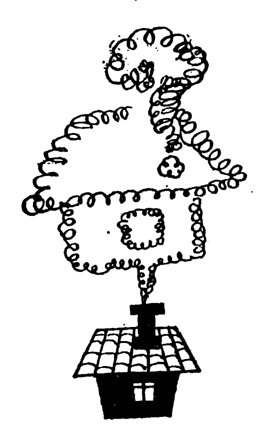
1	2	3	4	5	6	7	8
**p*	*p*	π [p]	*p*	f (b)	*p*	п	*п*
**b*	*b*	β [*b*]	*b*	*p*	*b*	б	*б*
**bh*	*bh*	φ [ph]	*f* (b)	*b*	*b*	б	*б*
**t*	*t*	τ [t]	*t*	th (d)	t	т	*т*
**d*	*d*	δ [d]	*d*	*t*	*d*	д	*д*
**dh*	*dh*	ϑ [th]	*f d*	*d*	*d*	д	*д*
**k*	*k*	ϰ [k]	*c* [k]	*h*	k	к (ч, ц)[1]	к (ч, ц)
**k'*[2]	*š*	ϰ [k]	*c* [k]	*h*	š[3]	с	*с*
**g*	*g*	γ [g]	*g*	*k*	*g*	г (ж, з)	г (ж, з)
**g'*	*j* [dž]	γ [g]	*g*	k	ž	ѕ	*з*
**gh*	*h*	χ [kh]	*f, h (g)*	*g*	*g* (ž)	г (з)	*г (з)*
**s*	*s*	σ [s], '[h],—	*s (r)*	*s (r)*	s (š)	с (х, ш)	*с (х, ш)*

Примечания к таблице IV. 1) Славянские *к* и *г* изменяются в *ч* и *ж* перед так называемыми гласными переднего ряда: *е, и, ѣ* (из **ē*), *ь*, а в *ц* и *з*—после гласных переднего ряда или перед *ѣ* и *и*- восходящими к дифтонгам **oi*, **ai*. Все эти явления называются палатализацией (смягчением) заднеязычных.

2) Посредством **k'* и **g'* обозначаются особые смягченные (палатализованные) индоевропейские согласные.

3) Литовское *š* произносится примерно как русское *ш*.

Одного ли корня *дом* и *дым*? В древности на Руси дань собиралась от дыма, то есть «от очага», «от дома». Видимо, это обстоятельство привело к тому, что иногда даже языковеды, недостаточно искушенные в этимологии, считают слова *дом* и *дым* «однокоренными»[1]. Проверим, так ли это на самом деле, воспользовавшись приведенными таблицами. Выше (стр. 28) мы уже видели, что соответствиями русскому слову *дом* (древнерусское *домъ*) являются древнегреческое *domos*, латинское *domus*, древнеиндийское *damas*. На основании этого сопоставления мы можем реконструировать (восстановить) индоевропейскую форму этого

[1] См.: «Русская речь», 1969, № 2, стр. 103. Нужно заметить, что в целом статья, в которой приводится этот пример, написана очень интересно.

слова: **domos*. Легко убедиться, что в корне этого слова (**dom-*) только в древнеиндийском языке произошло изменение гласного (**o*→*a*). В остальных трех языках корень слова не претерпел существенных изменений. Конечное *-*os* сохранилось без изменений только в древнегреческом языке; в древнеиндийском гласный **o* опять изменился в *a*, а в латинском — в *u*. Более сложные «метаморфозы» произошли в русском слове: конечное **s* было утрачено во всех славянских языках, а гласный **o* сократился (редуцировался) в ъ («ер»). В русском языке конечное ъ было давно утрачено в произношении, но до реформы 1918 года продолжало обозначаться на письме.

Теперь обратимся к слову *дым(ъ)*. Его ближайшими «родичами» являются латинское *fūmus* [фу́:мус] и древнеиндийское *dhūmás* [дху:ма́с] «дым». Эти и некоторые другие родственные слова позволяют реконструировать индоевропейскую праформу («исходную» форму) **dhūmos*. Следовательно, начальное *д-* в слове *дым* — иного происхождения, нежели в слове *дом*: в первом случае это индоевропейское **dh*, а во втором — **d*. Корневые гласные в словах *дым* и *дом* также различные. Поэтому у нас нет никаких оснований для сближения этих слов в этимологическом отношении, ибо образованы они были от разных корней.

Что сказала корова? Скептически настроенный читатель, вероятно, уже заготовил ряд каверзных вопросов. Во-первых, чем языковеды могут подтвердить правильность своих реконструкций? Ведь мы не располагаем магнитофонными записями речи древних индоевропейцев, да и письменности тогда еще не было. Во-вторых, почему при сравнении древнерусского слова *дымъ* с латинским *fūmus* и древнеиндийским *dhūmas* мы приходим к выводу, что в корне этого слова исконным было долгое **ū* [у:], изменившееся в русском (и в других славянских языках) в *ы*? А не может ли быть, что именно *ы* было исконным, изменившись в других языках в *ū*?

Всё это вопросы, на которые далеко не всегда можно дать простой и ясный ответ. Правда, в корне индоевропейских слов со значением «дым» в большинстве языков мы находим *ū* [у:], а не *ы*. Но это обстоятельство еще не является достаточным аргументом, ибо лингвистические проблемы отнюдь не во всех случаях могут решаться простым «подсчетом голосов». Следовательно, вопрос о приоритете *ū* или *ы* в данном случае остается открытым.

И вот здесь на помощь языковедам приходит... корова. Да, да — самая обыкновенная корова. Посмотрим, как «мычит» корова в разных индоевропейских языках:

латинский	— *mūgīre*	[му:ги́:ре] „мычать",
немецкий	— *muhen*	[му́:эн] „мычать",
литовский	— *mūkti*	[му́:кти] „мычать",
древнегреческий	— *mȳkaomai*	[мю:ка́омай], в более древнем произношении — [му:ка́омай] „мычу".

Сюда же относятся слова со значением «немой» (буквально: «мычащий»): *mūtus* [му́:тус] — латинский язык; *mūkas* [му́:-кас] — древнеиндийский язык.

Все перечисленные слова — з в у к о п о д р а ж а т е л ь н ы е по своему происхождению: в их основе воспроизводится мычание коровы — *mū* [му:—]. Едва ли «артикуляция» («произношение») коровьего мычания существенно изменилась за время существования индоевропейских языков. Вот почему звук *ū* в приведенных словах следует признать исконным.

А как же быть с русским глаголом *мычать* или со старославянским существительным *мыкъ* «мычание»? Быть может, русские коровы мычат по-особому? Вопрос этот не так наивен, как может показаться на первый взгляд. Известно, что представители разных народов могут по-разному воспроизводить «язык» животных. Мы с вами ясно «слышим» петушиное *кукареку*, гусиное *га-га-га*, собачье *гав-гав-гав*. Но спросите, например, немца, и он вам скажет, что вы воспроизводите кукареканье, гоготанье и лай неверно, что петух на самом деле кричит *kikeriki* [кикерики́], гусь — *gickgack* [ги́кгак], собака — *kliffklaff* [кли́фклаф].

В случае с коровой дело обстоит несколько иначе. Глагол *мычать* отнюдь не свидетельствует о том, что восприятие коровьего мычания у нас отличается особой оригинальностью. В самом деле, подойдите к любому двух-, трехлетнему носителю русского языка, который с широко раскрытыми от удивления глазами уставился на мычащую корову. Отведите его в сторонку и спросите: «Что тебе сказала корова?» Малыш наверняка ответит, что корова «сказала» ему *муу*, а не *мыы*[1].

Следовательно, поставленный выше вопрос может быть решен только так: в корне глагола *мычать* произошло ф о-

[1] Сравните также болгарский глагол *му́кам* «мычу» и украинский *му́кати* «мычать», где реальное «произношение» коровы внесло свои коррективы в фонетическое развитие слов.

нетическое изменение *ū* [у:] → *ы* — точно такое же, какое языковеды устанавливают для русских слов на основании сопоставлений типа литовское *sūnus* [су:нýс] — русское *сын*, латинское *fūmus* — русское *дым* и т. д.

И не только корова... Разумеется, «коровья» аргументация отнюдь не была решающим, а тем более — единственным подтверждением правильности реконструкций этимологов. Эти реконструкции опираются на анализ фонетических изменений, которые произошли в исторически засвидетельствованных языках. Так, например, латинское *c* [к] в определенной позиции стало сначала произноситься как [ц], а затем — уже в романских языках — как [ч] (итальянский язык) или [с] (французский). Сравните хотя бы латинское *centum* [кéнтум] «сто» с позднелатинским *centum* [цéнтум][1], итальянским *cento* [чéнто], французским *cent* [сан][2]. Сходные изменения произошли и в русском языке. Соотношение между словами *лик* — *лицо* — *личный* фонетически аналогично соотношению между приведенными выше словами [кентум] — [центум] — [чento].

Можно было бы привести и другие примеры, доказывающие, что в разных языках [к] может изменяться в [ц], [ч] и [с], но не наоборот. Вот почему, например, при сравнении латинского *cord-is*[3] [кóрдис] «сердце» со старославянским *срьд-ьце* (русск. *серд-це*)[4] мы первый согласный основы возводим к индоевропейскому **k'*, а не **s*.

Из других особенностей, на которые стоит обратить внимание при рассмотрении таблиц, можно отметить, что славянскому *о* в готском (и вообще в германских языках), а также в литовском, как правило, соответствует *а*, а славянскому *а* в этих же языках соответствует *о*. В результате при сопоставлении славянских слов с германскими или литовскими словами гласные *о* и *а* будут отражаться в сопоставляемых языках полярно противоположным образом:

русск. *мать*, *матери* — английск. *mother* [мáдзе] «мать» — литовск. *motė* [мó:те:], род. пад. *moters* [мó:терс] «женщина»;

русск. *море* — готск. *marei* [мáри:] — литовск. *marios* [мá:рё:с] (множественное число) «море».

---

[1] Отсюда в русском языке: *центнер* «сто килограммов».

[2] Сравните наше слово *сантиметр* «сотая часть метра».

[3] Форма родительного падежа единственного числа, где основа существительного выступает в полном виде.

[4] С уменьшительным суффиксом *-(ь)це*, ср. *окно* — *оконце*.

Особенно показательны случаи, когда в слове встречаются оба гласных: русск. *вода* — готск. *wato* [вáто:]; русск. *копать* — литовск. *kapoti* [капó:ти] «рубить».

Задача по этимологии. Давайте теперь проверим, умеем ли мы пользоваться приведенными таблицами фонетических соответствий. Попробуем решить задачу более сложную, чем сопоставление слова *дом* с латинским *domus* или даже — *дым* с *fūmus*. Возьмем латинское слово *angulus* [áнгулус], значение которого пока пусть останется для нас тайной. Допустим, что слово это достаточно древнее и что оно имеет соответствие в современном русском языке. Что же это будет за слово или, выражаясь математически, чему равен *x*?

Прежде всего, мы должны условно реконструировать индоевропейскую форму этого слова. Поскольку мы уже с вами знаем, что конечное латинское *-us* отражает более древнее *-os*, задача реконструкции оказывается совсем несложной: латинск. *angulus* восходит к **angulos*. Если уж мы начали с окончания, то, наверное, без труда вспомним, что в старославянском языке индоевропейское конечное **-os* дает -ъ («ер»). Теперь остается проследить за судьбой основы **angul-*.

По таблице соответствий (№ 2) мы находим, что **an* дает в старославянском ѫ («юс большой»), а в русском языке *-у*, **g* дает в обоих случаях *г*, **u* — *ъ*, а **l* — *л*. Получается старославянское слово *ѫгълъ* и древнерусское *угълъ*. Позднее в русском слове первый «ер» дал гласный полного образования *о*, а второй (в конечной позиции), как и в других русских словах, исчез. Таким образом, искомым соответствием латинскому слову *angulus* оказалось русское слово *угол*. Правильно ли решена наша задача? Теперь мы можем посмотреть ответ. Где? В любом латинско-русском словаре. Открываем страницу с нужным нам словом и находим ответ: *angulus* — *угол*. Задача решена верно!

Закономерные соответствия и случайные совпадения. Далеко не все слова, одинаково или почти одинаково звучащие в двух родственных языках, отражают древние фонетические соответствия. В одних случаях мы сталкиваемся с простым совпадением в звучании двух слов. Вряд ли, например, кто-нибудь станет серьезно доказывать, что латинское слово *rana* [рá:на] «лягушка» имеет общее происхождение с русским словом *рана*. Полное звуковое совпадение этих слов — всего лишь результат случая.

Правда, пример со словами *rana* и *рана* не совсем показателен, так как слова эти имеют слишком далекие друг от друга значения и едва ли кому-нибудь придет в голову мысль о сравнении их между собой. Другое дело, когда значение таких слов будет очень близким или даже одинаковым.

Так, японское слово *soku* [сóку] и немецкое *Socke* [зóкe] означают «носок»; ацтекское[1] *mati* [мати] «знать», а древнеиндийское *mati-* [мати-] — «память, знание». Однако всё это не более чем простые совпадения. Правда, последние примеры взяты из заведомо неродственных языков. Но от подобных совпадений не «застрахованы» и слова в исконно родственных языках.

Например, немецкий глагол *habe* [хá:бе] означает «имею». То же самое значение будет и у латинского глагола *habeo* [хáбео:]. В форме повелительного наклонения эти глаголы орфографически совпадают даже полностью: *habe!* «имей!». Казалось бы, у нас есть все основания для того, чтобы сопоставить эти слова друг с другом и говорить об общности их происхождения. Но на самом деле такой вывод был бы ошибочным.

В результате фонетических изменений, происшедших в германских языках, латинскому *c* [к] в немецком языке стало соответствовать *h* [х].

Латинский язык	Немецкий язык
collis [кóллис]	***Hals*** [хальс] „шея“
caput [кáпут]	***Haupt*** [хáупт] „голова“
cervus [кéрвус]	***Hirsch*** [хирш] „олень“
cornu [кóрну]	***Horn*** [хорн] „рог“
culmus [кýльмус]	***Halm*** [хальм] „стебель, соломина“

Здесь перед нами не случайные единичные совпадения, а закономерная система соответствий между начальными звуками приведенных латинских и немецких слов, в чем также можно убедиться, заглянув в таблицу соответствий. В этой таблице нет места для сопоставления немецкого *habe* с латинским *habeo*. Но зато полным фонетическим соответствием немецкому *habe* будет латинское *capio* [кáпио:] «беру», хотя значение этого слова, на первый взгляд, не совсем подходит для сравнения. Однако значения глаголов «беру» и «имею» очень часто бывают тесно между собой

---

[1] Ацтеки — древнее население, жившее на территории современной Мексики.

связаны, так как глагол «имею» выражает результат действия глагола «беру»[1].

Таким образом, при сопоставлении родственных слов следует опираться не на чисто внешнее звуковое их сходство, а на ту строгую систему фонетических соответствий, которая установилась в результате изменений звукового строя, происшедших в отдельных исторически связанных друг с другом языках.

Слова, звучащие совершенно одинаково в двух родственных языках, если они не входят в установленный ряд соответствий, не могут быть признаны родственными друг другу. И, наоборот, очень непохожие по своему звуковому облику слова могут оказаться словами общего происхождения, если только при их сравнении обнаруживаются строгие фонетические соответствия (латинск. *fūmus* и русск. *дым*, латинск. *angulus* — русск. *угол*).

Фонетика и этимология. Знание фонетических закономерностей дает возможность ученым восстановить более древнее звучание слова, а сравнение с родственными индоевропейскими формами очень часто проясняет вопрос о происхождении анализируемых слов, позволяет установить их этимологию.

Строгое следование системе фонетических соответствий — непременное условие любого серьезного этимологического исследования, выходящего за рамки одного языка. Без этого условия всякое этимологизирование превратится в беспочвенное жонглирование словами, лишенное какой бы то ни было научной доказательности.

Но фонетическая сторона не является единственной в этимологическом анализе. Не менее важное значение имеет также словообразовательный и семантический аспект этимологического исследования.

---

[1] Это находит свое отражение во многих языках, в том числе и в русском. Так, *иметь* представляет собой результативный глагол по отношению к литовскому *imti* [ймти] «брать». В русском языке корень соответствующего глагола (**im-*) через «юс малый» (см. табл. II) закономерно дает *я*. Литовскому *imti* будет соответствовать древнерусское *яти* «брать» (сравните русские глаголы *вн-ять*, *от(н)-ять*, *при(н)-ять* и др.).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЭТИМОЛОГИЯ

Давайте попробуем внимательно присмотреться к словам, которые нас окружают. Многие из этих слов мы можем довольно легко разделить на составные части. Возьмем, например, слово *подводниками*. Здесь *под-* — приставка, *-вод-* — корень, *-ник-* — суффикс, *-ами* — окончание творительного падежа множественного числа.

«Скучные» суффиксы. Что греха таить — при изучении суффиксов на уроках русского языка многим эта тема кажется неинтересной и скучной. Но именно анализ суффиксов очень часто позволяет ученым проникнуть в тайну этимологии слова. Как же это происходит?

Суффиксы — это тот «строительный материал», с помощью которого в языке формируются новые слова. То же самое происходило и в глубокой древности. Но язык, как мы уже видели, постоянно подвергается изменениям. Изменяются в языке и способы образования новых слов: одни суффиксы отмирают, становятся непродуктивными; им на смену приходят другие — как старые (ранее утраченные, но затем вновь переживающие «вторую молодость»), так и новые — суффиксы, которые получают более широкое распространение.

Взять хотя бы суффикс действующего лица *-чий*. Когда-то он был продуктивным в языке. Об этом говорят такие древние по своему происхождению слова, как *певчий*, *ловчий*, *кравчий*, *зодчий*, *стряпчий*. В современном русском языке этот суффикс утратил свою продуктивность. Зато очень многие слова, обозначающие действующих лиц, продолжают оформляться с помощью суффиксов *-чик* и *-щик* (ср. *наладчик*, *летчик*, *наводчик*, *зенитчик*; *бетонщик*, *нормировщик*, *атомщик* и др.).

Обычно суффиксы, не утратившие своей продуктивности в современном русском языке, могут быть выделены в слове без особого труда. Иное дело, когда этимологу приходится сталкиваться с устаревшими суффиксами, особенно если они настолько прочно вросли в слово, что, с точки зрения современного языка, вообще не могут быть отделены от корня.

Каракатица. Для начала остановимся на сравнительно простом примере, где суффиксы не утратили еще своей

продуктивности. Возьмем слово *каракатица* (вид морского моллюска со щупальцами в виде коротких ножек), болгарский «родич» которого имеет форму *кракатица*. Поскольку болгарскому (и старославянскому) *-ра-* в русском языке обычно соответствует «полногласная» форма *-оро-* (*враг — ворог, град — город, крава — корова, краста — короста* и т. п.), болгарское слово *кракатица* говорит о том, что русское *каракатица* происходит от *корокатица* (как *каравай* от *коровай*).

В слове *корокатица* мы без труда выделяем уменьшительный суффикс *-ица* (ср. *дева — дев-ица, лужа — луж-ица, кура — кур-ица*) и восстанавливаем простое слово **корокатa*. Но в этом «простом» слове можно выделить еще один суффикс: *-ат-* (с окончанием женского рода *-а*). По своей форме слово **корокатa* представляет собой женский род краткого прилагательного **корокат(ъ), *корокатa, *корокато*, а суффикс *-ат-* полностью совпадает с суффиксом таких прилагательных, как *полосат(ъ), полосата, полосато* или *волосат(ъ), волосата, волосато*. Но если *полосата* (полная форма: *полосатая*) означает «имеющая много полос», *волосата* — «имеющая много волос», то **корокатa* — «имеющая много. . .» каких-то «короков». Но в русском языке слова **корок* нет. Обратимся за помощью к ближайшим «родственникам». Из только что рассмотренных соответствий мы знаем, что в болгарском языке интересующее нас слово должно иметь форму. . . Открываем болгарско-русский словарь и действительно находим: *крак* — «нога».

Таким образом, если слово **корокатa* должно было означать «имеющая много ног», то прибавление к нему уменьшительного суффикса *-ица* дает нам возможность этимологически истолковать слово *корокатица* (→ *каракатица*) как «многоножка». Для установления этой этимологии нам пришлось дважды вычленять разные суффиксы, обращая внимание на их значение и находя другие аналогичные образования в русском языке. Не разобравшись в суффиксах, мы не смогли бы разобраться и в этимологии слова *каракатица*.

***Раменское* и *рамень*.** В памятниках древнерусской письменности начиная с XV века упоминается большое количество деревень, носящих название *Рамень* и *Раменье*. То же самое происхождение имеет и подмосковный город *Раменское*. Свое название все эти населенные пункты получили от слова *рамень* «густой, дремучий лес (обычно еловый)».

Но каково было происхождение самого слова *рамень*? На этот вопрос ответить очень трудно. Ученые предлагали много различных этимологий слова *рамень*, но ни одна из них не была признана удовлетворительной.

Попытаемся рассмотреть словообразовательную структуру слова *рамень*. Из каких морфологических элементов оно состоит? На первый взгляд может показаться, что *рам-* является корнем этого слова, а *-ень-* его суффиксом (ср. *греб-ень*, *студ-ень*, *бред-ень*). Так ли это на самом деле?

Среди слов, образованных от *рамень*, нам известны такие производные, как *раменный*, *раменский*, *раменье*. А вот слова *гребень*, *студень* и *бредень* таких производных не имеют. С другой стороны, слово *раменный* целиком совпадает по своей структуре с такими образованиями, как *каменный* и *пламенный*; топоним (название местности) *Раменское* формально ничем не отличается от *Знаменское*, а слово *раменье* — от древнерусских форм *каменье* и *знаменье*.

Но слова *камень*, *пламень*, *знамя* (родительный падеж *знамен-и*), имеющие одинаковые производные со словом *рамень*, являются образованиями с очень древним суффиксом *-мен-*, который можно обнаружить также у слов *время*, *племя*, *семя*, *темя* и др. Некоторые из этих слов имеют достаточно ясную этимологию: *семя* — к древнерусскому *сѣти* «сеять», *знамя* — к *знати* (в смысле «отличать, замечать»; иначе говоря, *знамя* — это «отличительный знак»), *пламень* и *пламя* — к *полѣти* «пылать, гореть» и т. д.

Итак, нам удалось пока установить, что слово *рамень* образовано с помощью древнего суффикса *-мен-* и что оно, по-видимому, может быть сопоставлено с каким-то глагольным корнем (ср. *семя* — *сеять*, *знамя* — *знать* и др.). Но с каким же именно?

В древнерусском и отчасти в современном русском языке сохранились такие слова, как *ра-тай* «пахарь» (для ясности сразу же отделяем суффикс от корня), *ра-ло* «плуг, соха», *ра-ль* «нива, пашня», *ра-тва* «пахота». Все они образованы от утраченного глагола **рати*, варианта другого глагола *орать* «пахать», который до сих пор сохранился в ряде диалектов русского языка. Слово *ра-мень* также было образовано от глагола **рати*, и означало оно когда-то совсем не «лес», а «пашню».

О том, как пашня превратилась в лес. Как объяснить столь резкое расхождение в значениях слова *рамень*? Для этого нам необходимо обратиться к фактам древней истории.

Когда-то наши далекие предки занимались подсечным земледелием. Жили они в лесах, а для посевов расчищали более или менее обширные участки леса и обрабатывали их. Каждый из распаханных участков подобного типа стал называться *раменью*. Со временем земля на этих участках истощалась и древние земледельцы переходили на новые места, где они опять вырубали и выжигали лес, выкорчевывали пни и распахивали землю. Старые участки постепенно вновь зарастали лесом. Эта заросшая лесом пашня продолжала по-прежнему называться *раменью*. Постепенно название *рамень* перешло на лес вообще и даже на дремучий лес.

Следы этого семантического изменения сохранились в диалектах русского языка, где *рамень* — это не просто «лес», а «лес, находящийся по соседству с пашней». Кроме того, в диалектах сохранилось родственное нашей *рамени* слово *рама* «пашня возле леса».

Изложенное этимологическое объяснение слова *рамень* подтверждается и материалом родственных индоевропейских языков. Например, литовское слово *armuo* [армýо] «пашня», родительный падеж *armens* [арьмя́нс] образовано от глагола *arti* [áрьти] «пахать» точно так же, как русское *рамень* образовано от **рати* (=*орать*) «пахать».

Пример с историей слова *рамень* показывает, какое важное значение в этимологических исследованиях имеет словообразовательный анализ. Он помогает не только установить происхождение неясного слова, но и определить порой совершенно неожиданные пути его семантического развития.

***Колотый* и *колоный*.** Интересный детский диалог приведен в книге К. И. Чуковского «От двух до пяти»:

— Лампа уже з а ж г и т á.
— Зачем ты говоришь «з а ж г и т á»? Надо говорить: «з а ж г и н á»!
— Ну вот, «з а ж г и н á»! З а ж г ё н а!»

Проблема суффиксального словообразования, вставшая перед этими начинающими лингвистами, совсем не проста. Спор возник вокруг вопроса о том, с помощью какого суффикса, *-т-* или *-н-*, образовать нужное причастие. Дело в том, что в русском языке в подобных случаях могут употребляться оба суффикса: *разби-т*, *расколо-т*, *взя-т;* но *слома-н*, *зажже-н*, *виде-н*.

В употреблении того или иного суффикса есть определенные закономерности, но усвоить их сразу бывает нелегко. Кроме того, эти закономерности иногда нарушаются.

А в диалектах русского языка имеется большое количество параллельных образований, использующих оба суффикса: *моло-т-ый* и *моло-н-ый*, *коло-т-ый* и *коло-н-ый*, *тка-т-ый* и *тка-н-ый*, *рва-т-ый* и *рва-н-ый* и т. п.

Этот параллелизм в использовании близких или одинаковых по своему значению суффиксов имеет очень древнее происхождение. Например, в древнерусском языке наряду с существительным *пѣ-н-ие* засвидетельствовано *пѣ-т-ие* (с тем же значением; ср. слово *петух*, совпадающее по своему исходному смыслу с украинским *півень* «петух»). Латинское слово *donum* [до́:нум] «дар» образовано с помощью суффикса *-n-* (как и русское слово *да-н-ь*), а вот в греческом *dōron* [до́:рон], как и в русском *да-р*, в этой же роли выступает другой суффикс: *-r-*. Да и в самом русском языке для слова *да-н-ь* мы находим близкое по значению родственное образование: *(по)-да-т-ь*. В первом случае перед нами выступает слово с древним суффиксом *-n-*, во втором — *-t-*.

Иногда ученые называют это явление морфологическим чередованием или чередованием суффиксов, в отличие от фонетических чередований типа *ру-к-а — ру-ч-ка*. Анализ такого рода морфологических чередований может оказать этимологу существенную помощь при определении происхождения многих неясных слов.

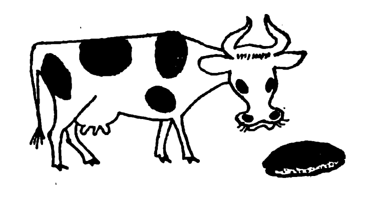
***Каравай* и *коротай*.** Хорошо известное каждому из нас слово *каравай* в памятниках древнерусской письменности, как правило, встречается в более древней форме *коровай*. Ученые уже давно задумывались над происхождением этого слова. Но ответить на вопрос о том, какова его этимология, было нелегко.

По своему звуковому облику *коровай*[1] очень напоминает слово *корова*. Но как связать между собой значения этих столь различных слов? Оказывается, связать их можно, хотя нужно прямо сказать, что предполагаемая связь выглядит весьма надуманной. Так, например, некоторые этимологи ссылались на слово *коровяк* «куча коровьего навоза», считая, что название *коровай* было дано хлебу широкой круглой формы за его внешнее сходство с коровьей «лепешкой».

Другие исследователи, связывавшие между собой слова *коровай* и *корова*, объясняли эту связь иначе. Они ссылались

[1] Здесь и в дальнейшем приводится эта наиболее древняя форма слова. Кстати, еще совсем недавно — в словарях 30-х годов XX века — написание *коровай* соответствовало обычной орфографической норме.

на свадебный коровай, который, по народным обычаям, символизировал собой «быка-жениха». Отсюда и возникла связь между словами *корова* и *коровай*. Однако, несмотря на интересные ссылки на свадебные обычаи некоторых народов, сторонники этой этимологии не смогли дать удовлетворительного лингвистического объяснения связи между двумя словами.

Но попробуем подойти к этой трудной этимологической задаче с другой стороны. Какой суффикс или какие суффиксы можно выделить в слове *коровай*? Очень редкий в русском языке суффикс *-ай* (ср. близкие, хотя и не полностью совпадающие образования: *ратай*, *глашатай*, *ходатай*) вычленяется без особого труда. Анализ слов на *-ай* показывает, что этот суффикс обычно присоединялся не прямо к корню, а к другому суффиксу, главным образом к *-т-*: *(о)рати* «пахать» → *(о)ратай*, *(воз)глашати* → *глаша-т-ай* и др.

Особенно близким в своей структуре к слову *коровай* оказывается засвидетельствованное в диалектах русского языка слово *коротай* «короткий кафтан». Трудно признать удачной попытку поставить это слово в один словообразовательный ряд с такими диалектными названиями одежды, как *расстегай* и *шугай*[1]. Дело в том, что все три слова (*коротай*, *расстегай*, *шугай*), внешне сходные между собой (конечное *-ай*), отражают три разные словообразовательные модели. *Расстегай* представляет собой форму повелительного наклонения — типа чеховских *Догоняя* и *Угадая* (ср. также *поцелуй*, *нагоняй*). Слово *шугай* было заимствовано из тюркских языков и вообще не имеет прямого отношения к русскому словообразованию. Вот почему слово *коротай* лучше объединить с диалектным словом *долгай* «рослый парень» и *коровай*, чем со словами, явно относящимися к иному словообразовательному типу.

У слова *коротай* можно выделить два суффикса: *-т-* и *-ай*. Этимология слов *коротай* и *короткий* уже давно была установлена учеными. Древний корень *кор-* имел значение «резать», а слово *корот(кий)* буквально означало «обрезанный, усеченный» (ср. также *кор-н-ать* «резать» и древнерусское *кор-нъ* «человек с обрезанными ушами»). Таким обра-

---

[1] Так, например, делает Т. А. Иванова в рецензии на первое издание настоящей книги (см.: «Русский язык в школе», 1969, № 2, стр. 119).

зом выясняется, что слово *коротай* обозначало «короткий кафтан» не только в реалиях, но и этимологически.

Но если у слов на *-ай* мы находим по большей части два суффикса, то почему бы не предположить, что и *-в-* в слове *коровай* является суффиксальным по своему происхождению? Нужно только выяснить, как этот суффикс относится к суффиксу *-т-* в слове *коротай*. Оказывается, что в глубокой древности суффиксы *-в-* и *-т-* очень часто чередовались друг с другом, выступая в одних и тех же или в очень близких по значению словах:

литовск. *kar-v-ė* [ка́рве:]	др.-греч. *kar-t-e* [ка́рте:] „корова“
латинск. *cur-v-us* [ку́рвус]	др.-греч. *kyr-t-os* [кю́ртос] „кривой“
др.-русск. *прѣ-в-ъ*	др.-греч. *prō-t-os* [про́:тос] „первый“
русск. диал. *чер-в* „серп“	др.-русск. *чьр-т-а* „резец“
русск. диал. *пе-в-ун*	русск. диал. *пе-т-ун* „петух“.

В этом же ряду суффиксальных чередований находит себе место и наша пара слов: *коро-в-ай* — *коро-т-ай*.

Значение общего глагольного корня *кор-* «резать» позволяет объяснить и древнейшую семантику слова *коровай*: «резень», «отрезанный (ломоть)», «кусок (хлеба)». Семантическая связь между значениями «резать» и «хлеб» вообще достаточно хорошо известна. В качестве примера можно сослаться хотя бы на русские слова *кроить* «резать» и *краюха*.

Во многих языках значение «отрезанный кусок (хлеба, пищи)» приобретает более общее значение «хлеб» (в том числе — «круглый хлеб»). Кто из нас, например, не знает, что *колобок* — это «круглый хлебец», а отнюдь не отрезанный его кусок. Тем не менее и здесь значение «резень», «отрезанный кусок» оказывается этимологически более древним, сохранившимся у близкого «родича» нашего колобка — диалектного латышского слова *kalbaks* [ка́лбакс], которое, кстати, фонетически полностью совпадает с русским словом.

Важно отметить, что в древнерусском языке слово *коровай* означало не только «круглый хлеб», но также и «кусок сыра», «кусок сала» и т. п. Эти значения слова *коровай* хорошо согласуются с изложенной его этимологией («резать» → «резень», «кусок»), хотя в древнерусском языке словом *коровай* обозначались, по-видимому, уже не отрезанные, а цельные или крупные куски сала и сыра.

Не суффиксом единым... Определенные словообразовательные закономерности проявляются не только в суффиксальной части слова, но и в его корне. Одной из наиболее

интересных особенностей индоевропейского корня является чередование гласных. В современном русском языке мы можем проследить остатки древнего чередования гласных *e/o* в составе корня.

Обычно гласный *e* выступает в составе простого глагольного корня, а гласный *o* типичен для имен существительных, прилагательных и вторичных отыменных (то есть образованных от имени) глаголов:

вез-у	—	*воз, воз-ить,*
вед-у	—	*(от) вод, вод-ить,*
пек-у	—	*(о) пок-а,*
тек-у	—	*ток,*
греб-у	—	*гроб, (су) гроб, (у) гроб-ить,*
плет-у	—	*(о) плот, (с) плот-ить* и т. п.

Нередко древнее чередование *e/o* оказывается «завуалированным» позднейшими фонетическими изменениями. Например, слова *трясу* и *трус* отражают то же самое чередование в корне, где когда-то выступали основы **trens-* и **trons-* (с *e* у глагола и с *o* у имени). Если мы заглянем в таблицу II фонетических соответствий, то увидим, что индоевропейский дифтонг **en* дает в старославянском ѧ («юс малый»), а **on* — ѫ («юс большой»). В русском языке эти звуки изменились соответственно в *я* и *у* (*трясу* — *трус*). Уже одно это сопоставление слов с чередующимися гласными в корне проливает яркий свет на этимологию слова *трус*. Оказывается, этимологически *трус* — это человек, трясущийся от страха.

Словообразовательные соответствия. Нам уже часто приходилось иметь дело с фонетическими соответствиями в родственных индоевропейских языках. Однако соответствия могут быть не только фонетическими, но и словообразовательными. Это — такие случаи, когда слова в разных родственных языках построены по одной и той же словообразовательной модели. Возьмем хотя бы такую словообразовательную «цепочку» из русского языка: *жи-ть* → *жи-в-ъ* → *жи-в-от-ъ*. Здесь к глагольной основе *жи-* последовательно присоединяются суффиксы *-в-* и *-от-*. Та же самая картина наблюдается в литовском языке: *gy-ti* [гй:ти] «жить» → *gy-v-as* [гй:вас] «живой» → *gy-v-at-as* [ги:вáтас] «жизнь».

В литовском языке сохранилось более древнее значение последнего слова, чем в русском. Впрочем, в ряде славянских языков (например, в болгарском) слово *живот* также означает «жизнь» (сравните русское *не на живот, а на*

смерть). Поскольку для такого сложного по своему составу слова, как *живот*, имеются соответствия и в других индоевропейских языках (например, др.-греч. *biotos*[1] [бйотос] «жизнь»), мы можем говорить не только о фонетических, но и о словообразовательных соответствиях во всех случаях, подобных приведенному.

***Сажа* и *кожа*.** Вообще же фонетические и словообразовательные закономерности очень часто бывают связаны между собой неразрывными нитями. Так, если взять образования с древним суффиксом **-ja* (→ *-я*), то окажется, что эта некогда единая словообразовательная модель претерпела в русском языке заметные фонетические изменения. На первый взгляд, может показаться, что к интересующему нас словообразовательному типу относятся такие слова, как, например, *судья*. Но на самом деле слово *судья* было образовано не от **суд-ja*, а от *судия*.

В тех же случаях, когда суффикс **-ja* присоединялся непосредственно к основе на *-д-*, сочетание *-дj-*, как правило, изменялось в *-ж-*: **жид-ja* → *жижа*, **крад-ja* → *кража*, **студ-ja* → *стужа*, **сад-ja* → *сажа*. Во всех приведенных здесь примерах, кроме последнего, связь с такими словами, как *жид-кий*, *крад-у*, *студ-ёный* и т. п., до сих пор ощущается носителями русского языка. А вот связь слова *сажа* с глаголом *сад-иться* (*сажа* «осадок копоти») далеко не очевидна. И этимология слова *сажа* устанавливается в данном случае благодаря объединенной фонетико-словообразовательной реконструкции.

Но суффиксальный *j* («йот») дает *ж* в сочетании не только с *д*, но и с *з*. Наиболее яркий и далеко не очевидный пример здесь может представить этимология слова *кожа*:

кожа ← **коз-ja* (шкура), образовано от слова *коза*. Следовательно, словом *кожа* (разумеется, в его древнейшей форме) обозначалась когда-то к о з ь я шкура, затем стала обозначаться шкура (и кожа) вообще и, наконец, кожа человека.

Однако *j* давал *ж* в сочетании со звонкими согласными *д*, *з* (и *г*). Встречаясь же с глухими *т* и *к*, *j* вызывал иные фонетические изменения, которые видны из приведенных ниже примеров:

**свет-ja* → *свеча*,	**сек-ja* → *сеча*,
**крут-ja* → *круча*,	**грек-ja* → *греча* (*букв.* „*греческая*“).

[1] Сложные отношения этого слова к русскому *живот* не отражены в таблице фонетических соответствий.

Таким образом, одна и та же словообразовательная модель в разных фонетических условиях претерпевает различные изменения. Поэтому словообразовательный анализ в этимологическом исследовании должен всегда идти рука об руку с анализом фонетическим.

О словообразовательных рядах. В предыдущей главе мы имели возможность убедиться в том, что фонетические изменения происходят в языке не хаотически, а закономерно. В результате этого между звуками родственных индоевропейских языков установилась строгая система соответствий.

Такой же закономерный, системный характер наблюдается и в словообразовательных процессах. «Строительный материал», с помощью которого создаются слова, только на первый взгляд кажется разнородным. На самом деле, как и при производстве машин, мы обычно сталкиваемся с целым рядом установившихся «стандартов», позволяющих наладить «серийное производство» слов.

Одни из этих «стандартов» сохранили свою продуктивность вплоть до наших дней. Например, *охот-ник* или *спут-ник*. Другие «стандарты» уже давно были «сняты с производства»: *ка-мень*, *пла-мень*, *ра-мень* или *зод-чий*, *лов-чий*, *пев-чий*.

Каждое слово при его этимологическом анализе обязательно должно быть отнесено к тому или иному словообразовательному типу. В этом отношении показателен пример с этимологией слова *рамень*, которое было включено нами в следующий словообразовательный ряд:

сеять	— *семя*,
знать	— *знамя*,
полѣти „пылать“	— *пламя*, *пламень*,
(*о*)*рать „пахать“*	— *рамень* и т. д.

Такой же типовой характер носят и чередования суффиксов. Если бы мы, например, просто сопоставили между собой слова *коровай* и *коротай*, то такое сопоставление вряд ли убедило бы кого-нибудь. Но когда нам удалось обнаружить целый ряд слов, в которых суффиксы *-в-* и *-т-* находятся в состоянии регулярных чередований, правомерность приведенного сопоставления получила достаточно надежное обоснование.

Анализ существующих или существовавших в глубокой древности словообразовательных рядов и суффиксальных

чередований — это один из наиболее важных исследовательских приемов, с помощью которых ученым удается проникнуть в самые сокровенные тайны происхождения слов.

Глава шестая

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Нам уже неоднократно приходилось сталкиваться с примерами, когда в результате языковых изменений слово преображается не только внешне, но и внутренне, когда меняется не только фонетический облик слова, но и его смысл, его значение. Так, например, этапы семантического развития слова *рамень* могут быть представлены в виде: «пашня» → «пашня, поросшая лесом» → «лес на заброшенной пашне» → «лес». Аналогичное явление имело место в случае со словом *коровай*: «резень, кусок» → «кусок пищи» → «кусок хлеба» → «хлеб» → «круглый хлеб».

Нередко в истории языка встречаются случаи семантических изменений, засвидетельствованные документально. Вот один из таких примеров.

«Прелесть» князя Витовта. В Псковской первой летописи о захвате Смоленска литовцами во главе с князем Витовтом рассказывается следующим образом: «Князь Литовскіи Витовтъ Кестутьевичь взя Смоленескъ прелестью и свои намѣстники посади». Не правда ли — странно? Еще можно было бы понять, если бы литовская княгиня или княжна своей прелестью покорила защитников Смоленска. Но князь?! А ларчик, оказывается, просто открывался. Слово *прелесть*, как и бесприставочное *лесть*, означало в древнерусском языке «обман, хитрость, коварство». Это значение у «родственников» слова *лесть* до сих пор сохранилось в целом ряде славянских языков.

Вот почему, читая в старинных документах, что Лжедимитрий (Гришка Отрепьев) писал п р е л е с т н ы е письма, мы не должны думать, что письма эти названы прелестными из-за их изысканного стиля или милого сердцу летописцев той поры содержания. Нет, это были лживые, крамольные письма, целью которых было совращение, призыв к измене, к подчинению иноземным завоевателям.

Таким образом, слова *прелесть* и *прелестный* претерпели в русском языке весьма существенные семантические из-

менения, приобретя при этом вместо резко отрицательной положительную эмоциональную окраску. Интересно отметить, что близкое по своему значению к слову *прелестный* английское прилагательное *nice* [найс] «милый, приятный» означало когда-то... «глупый» (от латинского *nescius* [нéскиус] «не знающий»).

«Прошу *простыню* за грехи свои». Вообще, если мы обратимся к древнерусскому языку, на котором говорили наши предки во времена Киевской и Московской Руси, то окажется, что многие привычные для нас слова выступают в памятниках древнерусской письменности в совершенно неожиданных сочетаниях. Значения этих слов оказываются подчас весьма далекими от их современных значений — даже, казалось бы, у самых обыденных слов. Возьмем, к примеру, слово *простыня*.

В одном из памятников XI века мы находим такое странное сочетание слов (орфография дается в упрощенном виде): *простынею и послушаниемь украшена*... Прежде всего, трудно себе представить, чтобы простыня могла служить украшением кому-либо; кроме того, в сочетании *простынею и послушаниемь украшена*, кажется, несколько хромает логика.

В другом древнерусском памятнике XVI века (это уже эпоха Ивана Грозного) мы читаем о человеке, который просил и получил простыню... за многочисленные свои грехи.

Попробуем разобраться во всех этих «простынях». Наше современное слово *простыня* является производным от прилагательного *прост(ой)*. *Простыня* — это п р о с т о е (то есть не сшитое и не стеганое) покрывало на постель. В первом из приведенных древнерусских примеров слово *просты́ня* (с ударением на *ы*) также этимологически связано с прилагательным *простъ* (как *гордыня* — с *гордъ*). *Простыня* здесь имеет значение «простота, скромность». Следовательно, слова *простынею и послушаниемь украшена* означают: «украшена скромностью и послушанием». Во втором примере слово *простыня* этимологически связано с глаголом *простить* и означает оно «прощение». Таким образом, речь здесь идет всего лишь о п р о щ е н и и за грехи...

Примеры со словами *прелесть* и *простыня* показывают, с какой осторожностью следует относиться к значению тех древнерусских слов, которые, казалось бы, нам хорошо знакомы. Но семантические изменения не всегда документи-

рованы в памятниках письменности. Нередко они могут быть восстановлены только в случае привлечения материала родственных языков.

Гость и гостиный двор. Возьмем хотя бы русское слово *гость*. В латинском языке ему полностью соответствует — как в фонетическом, так и в словообразовательном отношении — слово *hostis* [хо́стис]. Но вот значение латинского слова, казалось бы, не имеет ничего общего с русским *гость*. Дело в том, что латинское слово *hostis* означает «враг».

Как можно объяснить столь существенные семантические расхождения? Обратимся к истории русского языка. Оказывается, в древности слово *гость* имело значение «купец». Вспомните, например, варяжского или индийского гостя из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Или самого Садко — новгородского гостя. Глагол *гостити* имел в древнерусском языке значение «торговать», «приезжать с торговой целью» и только позднее слова *гость* и *гостить* приобрели их современное значение. Следы более древнего значения слова *гость* сохранились и в наши дни. Взять хотя бы *Гостиный двор* в Ленинграде. Раньше так называлось место, где останавливались приезжие купцы и торговали своими товарами.

Но как же быть со значением латинского слова *hostis* «враг»? Оказывается, это значение также не было первичным. Сравнение со славянскими и другими индоевропейскими языками показывает, что наиболее древним у слов *hostis* и *гость* было значение «чужой, чужеземец». Отсюда в латинском языке возникло значение «враг», а в русском — «чужеземный купец» и «купец» вообще.

О свежем и черством хлебе. Как-то раз один чешский студент, учившийся в Ленинграде и не очень хорошо знавший русский язык, зашел в булочную купить хлеба. Продавщица любезно предупредила его, что хлеб, который он выбрал себе,— черствый. Студент-чех поблагодарил продавщицу и сказал, что это как раз то, что ему нужно. Но увы — оказалось, что покупатель и продавщица не поняли друг друга. Дело в том, что чешское *čerstvý chléb* [че́рствы: хле:б] означает совсем не черствый, а, наоборот, «свежий хлеб».

Такие недоразумения особенно часто встречаются в близкородственных языках. Например, сербскохорватское слово *зној* значит «пот», *куча* — «дом», *и́грати* — «танцевать»,

слово — «буква», *кйснути* — «мокнуть», *лю́бити* — «целовать»; болгарское *стая* имеет значение «комната», *гора* — «лес», *дума* — «слово», *неделя* — «воскресенье», *стол* — «стул» и т. п. Сербскохорватское слово *до̀мовина* означает «родина», а украинское *домови́на* — «гроб».

Иногда расхождения в значении слов ограничиваются лишь стилистической окраской. Так, русские слова *сдохнуть* и *издохнуть* употребляются обычно только по отношению к животным. В применении к людям этот глагол приобретает оскорбительно-бранный оттенок. А вот сербскохорватское *изда́хнути*, наоборот, имеет возвышенное значение: «скончаться, испустить дух». На первый взгляд такие расхождения могут показаться несущественными. Но попробуйте сказать: «О п о ч и в ш у ю лошадь свезли на живодерню» или в предложении «Наполеон умер на острове Святой Елены» заменить слово *умер* глаголом *издох* — и вам сразу же станет ясной разница в употреблении соответствующих слов.

Как *стая* стала «комнатой». Почему же слова, несомненно восходящие к одному и тому же общему источнику, приобретают иногда даже в близкородственных языках совершенно различное значение? Как это происходит?

Возьмем в качестве примера русское слово *стая* и болгарское *стая* «комната». В древнерусском языке и в диалектах современного русского языка словом *стая* обозначалось «стойло, хлев». Этимология этого слова достаточно прозрачна: *стая* представляет собой место, где *стоит* скот. Позднее значение слова *стая* развивалось в двух различных направлениях: 1) «стойло» → «стоянка скота» → «стадо (домашних животных)» → «стая» (русский язык); 2) «стойло» → «сарай» → «помещение» → «комната» (болгарский язык).

Подобного же рода семантические изменения произошли и в других приведенных выше случаях. Но подробный их разбор занял бы слишком много места и времени.

***Бесценный* — «дешевый» и *бесценный* — «дорогой».** Иногда значение слова изменяется столь существенно, что оно приобретает прямо противоположный смысл. Так, например, сербскохорватское слово *вредно* имеет значение «полезно», *спори*[1] — «медленный», польское *uroda* [уро́да] — «красота», *zapominać* [запоми́нач] — «забывать». В диалектах

---

[1] Ср. русское слово *спорый* «быстрый».

русского языка слово *ядовитый* может означать «съедобный, вкусный», *вонь* — «приятный запах» (ср. *благовоние*), *ученик* — «учитель». Одно и то же слово *погода* (без всякого определения к нему) в одних говорах русского языка значит «ясное, сухое время, вёдро» (ср. *погожий день*), а в других — «ненастье».

Не только в диалектах, но и в литературном русском языке мы нередко сталкиваемся с такими же явлениями. Сравните между собой, например, выражения *исход дела* и *исходная точка*. В первом случае *исход* означает «конец», а во втором — «начало». Слово *хулить*, как свидетельствует его этимологический анализ, оказывается неразрывно связанным с противоположным по значению словом *хвалить*, а *хула* — с *хвала*. В слове *честить* «ругать» мы без труда ощущаем связь со словом *честь* «почет». Таких примеров можно привести немало из самых различных языков. Пути развития противоположных значений в слове не всегда одинаковы. И не во всех случаях эти пути могут быть прослежены с достаточной определенностью.

Сравнительно простой в этом отношении пример — развитие значений у слова *бесценный*. Если предмет не имеет никакой ценности, если он слишком дешев для того, чтобы за него можно было назначить хоть какую-то цену, его называли *бесценным*, то есть д е ш е в ы м. Это значение в современном русском языке является устаревшим, но оно сохранилось, например, в выражении *купить за бесценок*. Чешское слово *bezcenný* [бэ̑сцены:] также означает «ничего не стоящий» и (в переносном смысле) — «ничтожный». В настоящее время мы обычно употребляем слово *бесценный* в прямо противоположном значении: «дорогой». Такое употребление слова довольно легко объяснимо. Речь в данном случае идет о столь дорогом предмете, который мы не согласны уступить ни за какую цену, о предмете, которому и цены нет. Так возникло у слова *бесценный* его второе значение, ставшее основным в современном русском языке.

Пароход идет... по суше. В большинстве рассмотренных нами примеров семантические изменения слова происходили в сравнительно давние времена. Однако не нужно думать, что в наши дни эти изменения прекратились. Они происходят в языке постоянно. Например, еще во времена Пушкина слово *пароход* означало «паровоз». До сих пор на концерте или по радио мы можем услышать несколько необычные

для наших представлений стихи Н. В. Кукольника, музыку к которым написал М. И. Глинка:

Дым столбом стоит, дымится *пароход*.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

С точки зрения этимологической подобное употребление слова *пароход* было вполне естественным: ведь паровоз тоже «паром ходит». Однако позднее для обозначения сухопутного парохода стало употребляться слово *паровоз*.

Еще позднее изменилось значение русских слов *ударник* и *ударная бригада*. Всего каких-нибудь 50 лет тому назад наиболее распространенные современные значения этих слов еще не существовали. *Ударниками* во время первой мировой войны называли тех, кто входил в состав ударной войсковой группы[1]. *Ударные* батальоны и *ударные* бригады представляли собой передовые воинские части, предназначенные для нанесения решающего удара по врагу. В советское время *ударными бригадами* стали называть передовые производственные коллективы, а *ударниками* — передовиков производства, систематически перевыполняющих задания.

Таким образом, мы видим, что изменение значения слов — это постоянно развивающийся процесс, характерный для языка в самые различные эпохи его истории.

Анализ семантических изменений. В большинстве случаев, когда языковеды обращаются к семантической стороне этимологического исследования, они сталкиваются с целым рядом значительных трудностей. Прежде всего, бросается в глаза неимоверная пестрота, а подчас — неожиданность этих изменений. В рассмотренных нами выше примерах «пашня» свободно превращалась в «лес», существительные и прилагательные со значениями «враг» и «гость», «дешевый» и «дорогой», «начало» и «конец», «полезный» и «вредный» оказывались словами общего происхождения. Еще более неожиданной представляется этимологическая общность таких слов, значения которых, на первый взгляд, даже логически трудно увязать между собой («простыня», «скромность» и «прощение», «гроб» и «родина», «стая» и «комната»).

Весьма пестрым является и тот языковой материал, который позволяет констатировать наличие семантического

[1] Для краткости оставляем в стороне такие значения слова *ударник*, как «музыкант, играющий на ударном инструменте» и «часть затвора для разбивания капсюля патрона при выстреле».

изменения. В одних случаях это изменение или расхождение значений происходит в рамках самого русского языка, и мы можем установить его, не выходя за пределы последнего (*прелесть* и *прелестный*, *ударник*). В других — нам приходится прибегать к помощи близкородственных славянских языков, опираясь иногда также на данные русских диалектов (*бесценный*, *черствый*, *стая*). Но часто и эти данные оказываются недостаточными, и тогда мы вынуждены историю значений слова, его семантических изменений и расхождений восстанавливать при помощи более дальних «родственников» русского языка (*рамень*, *гость*).

Таким образом, перед нами — большое разнообразие случаев, отсутствие какого-либо единого «штампа». А это, естественно, значительно затрудняет семантическую сторону этимологического анализа.

***Стрелы* и *порох*.** Разнообразными являются также и т и п ы семантических изменений. В одних случаях слово может расширить свое значение. Например, *кров* этимологически означает «крышу», но в сочетаниях типа *гостеприимный кров* или *делить и хлеб, и кров* (А. С. П у ш к и н) это слово имеет уже более широкое значение: «дом». В основе подобного рода семантических изменений нередко лежит распространенный обычай употреблять в речи «часть вместо целого» (перевод латинского выражения *pars pro toto* [парс про: то́:то:]): «Эй, *борода*! А как проехать отсюда к Плюшкину?» (Н. В. Г о г о л ь).

В других случаях, напротив, значение слова может сузиться. Выше в одной из предыдущих глав мы уже видели, что более древним значением слова *порох* было значение «пыль», что уменьшительной формой от *порох* является слово *порошок*. Но в современном русском языке далеко не всякий порошок является порохом, а только тот, который представляет собой особое взрывчатое вещество. Следовательно, слово *порох* в истории русского языка сузило свое значение, к тому же стало специализированным.

Мы не будем перечислять здесь основные типы семантических изменений, так как это не входит в задачи нашей книги. Подчеркнем только еще раз, что эти типы весьма разнообразны.

Различными являются также и п р и ч и н ы изменения семантики слова. С некоторыми из них мы уже встречались. Так, например, слово может приобрести новое значение вследствие изменения того предмета, с которым оно связано.

Например, мы до сих пор употребляем слово *перо* и *перочинный нож*, хотя уже давно не пишем гусиными перьями, а перочинным ножом делаем всё, что угодно, но никогда не чиним перьев. Стреляем мы тоже не стрелами, и здесь опять причина семантического сдвига лежит в тех изменениях, которые произошли в реальной жизни.

Котелок не варит. Другая причина семантических изменений — это ироническое словоупотребление. «Отколе, *умная* бредешь ты, *голова*?» (И. А. Крылов) — это обращение к Ослу, как известно, не отличающемуся высокими интеллектуальными достоинствами, является типичным примером подобного употребления слов. «*Молодец*,— говорит отец сыну, вернувшемуся из школы с очередной двойкой,— продолжай в том же духе!».

В обоих приведенных случаях слова *умная голова* и *молодец* сами по себе не приобрели еще нового значения. Они воспринимаются с отрицательной эмоциональной окраской только в определенной речевой ситуации. Но если подобная ситуация часто повторяется, если слово в его «ситуативном» значении начинает употребляться даже чаще, чем в прямом смысле,— это может привести к возникновению нового значения слова, и это новое значение может стать у него основным.

Образованный от существительного *честь* глагол *честить* когда-то имел в русском языке значение «оказывать честь, чествовать; величать». Но представьте себе, например, такую ситуацию: князь «распекает» за какую-то провинность своего дружинника. «Ишь, как он ч е с т и т его!» — замечает один из стоявших в стороне воинов. Метко брошенное словечко понравилось — и пошло оно гулять по белу свету в своем новом значении. В современном русском языке глагол *честить* в разговорной речи означает

«бранить, ругать, поносить», а его основное, исходное значение почти совсем забыто и в словарях дается с пометой «устаревшее».

Котелок не варит — довольно распространенное просторечное выражение, означающее «голова не соображает». Здесь, как и в ряде других случаев, слово *котелок* выступает в его переносном значении: «голова», но при этом оно не утратило своего основного значения (ср. *котелок щей*). *Котелок* «голова» ясно воспринимается как переносное значение слова с ироническим оттенком. А вот аналогичное семантическое изменение в случае с латинским словом *testa* [тéста] «горшок», давшим итальянское *testa* [тéста] и французское *tête* [тет] «голова», привело к тому, что переносное значение слова стало здесь его основным значением.

Пути семантики неисповедимы? Пестрота, разнообразие и неожиданность семантических изменений привели к тому, что некоторые ученые стали подвергать сомнению наличие каких бы то ни было закономерностей в семантическом развитии слова. Неоднократно высказывались мысли о том, что, в отличие от фонетики, морфологии и синтаксиса, семасиология, или семантика, не является подлинно научной дисциплиной, что здесь очень многое зависит от субъективных оценок исследователя.

Скептическое направление в области семасиологии всячески стремится подчеркнуть непостижимость, непознаваемость путей развития значений слова. Не анализ объективных закономерностей, а субъективный подход, опирающийся на «здравый смысл»,— вот чем нередко руководствуются языковеды, обращаясь к семантической истории слова. Но так ли уж «неисповедимы» пути семантического развития слова? Об этом речь пойдет у нас в следующей главе.

Глава седьмая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Семантический анализ — это, пожалуй, наиболее сложная часть этимологического исследования. Мы уже видели, что фонетические изменения в языке и различные типы словообразования обычно носят ярко выраженный системный характер. Это обстоятельство в значительной мере облегчает работу этимологов. В этом отношении более сложным

является семантический аспект этимологического анализа, где системность и закономерность изменений далеко не столь очевидны, как в области фонетики или морфологии.

И всё же, несмотря на это, определенная закономерность может быть прослежена и в изменениях значения слова. Эта закономерность проявляется уже в наличии отдельных типов и общих причин семантических изменений, в чем мы имели возможность убедиться, знакомясь с предыдущей главой. Но наиболее важным для этимолога является типовой, «стандартный» характер целого ряда семантических изменений.

***Достигать* и *постигать*.** Так, например, в некоторых языках значение «хватать, схватывать» развивается в сторону значения «понимать»: латинск. *comprehendo* [компрехéндо:] «схватываю, ловлю» → «понимаю, постигаю»; немецк. *greifen* [гра́йфен] «хватать» → begreifen [бегра́йфен] «понимать».

Подобное же изменение значения (возможно, под влиянием западных языков) произошло и у русских слов *схватывать*, *улавливать*. Сравните, например, выражения: *схватывать на лету*, *улавливать смысл*.

Аналогичное явление мы имеем также в случае с глаголом *понимать*, который состоит из приставки *по-* и простого глагола *имать* «брать», однокорневого с *иметь*. Но откуда же у глагола *по-н-имать* взялось *-н-*? Оказывается, его этот глагол «позаимствовал» у образований с другими приставками, сравните: древнерусское *сън-имати* (→ *снимать*) и *вън-имати* (→ *внимать*, *внимание*). В результате в русском языке появилось два слова-близнеца: древнерусское *по-имати* → русское *поймать* и *понимать*. Причем первое из этих слов сохранило свое прямое значение, несколько изменив его («брать» → «ловить»), а второе стало употребляться только в переносном значении (*понимать* — это, собственно: «ловить, схватывать мысль»).

Другим семантическим источником значения «понимать» могут служить глаголы движения, достижения какой-то цели. В частности, в грубовато-ироническом стиле разговорной речи такое значение может иметь глагол *дойти*. Представим себе, например, что один ученик объясняет другому решение задачи. «Ну как — д о ш л о?» — спрашивает он своего товарища.

Однако глагол *дойти* в значении «понять» (или близком к нему) употребляется только в определенных словосочетаниях. *Д о й т и своим умом* — значит самостоятельно по-

нять что-либо. *Дошло как до жирафа* — говорят о человеке, понявшем объяснение, мягко выражаясь, с некоторым опозданием. Более того, глагол *дойти* не утратил в русском языке своего исходного значения (*дойти до какого-то пункта*), которое и в наши дни остается у него основным.

Иное дело — глагол *постигать*. В древнерусском языке он имел примерно такое же значение, как и глаголы *достигать* (однокорневое с *постигать*), *доходить*. Но в современном русском языке это древнее исконное значение глагола *постигать* утрачено. *Постигать* теперь значит «понимать, уяснять смысл чего-либо». Там, где глагол *дойти* сделал лишь первые шаги в направлении к значению «понимать», синонимичное ему слово *постигать (постигнуть, пóстичь)* прошло весь этот путь, утратив свое древнее значение.

Иную семантическую модель отражает развитие значений слова от «взвешивать» к «обдумывать, размышлять». Такого рода изменение можно обнаружить у латинского слова *delibero* [де:лú:беро:] и у французского *penser* [пансé]. Русское *взвешивать*, *взвесить* (например, в выражении *взвесить все обстоятельства*), по-видимому, явилось результатом западного (французского) влияния [1].

Немецкое слово *sehr* [зе:р] имело когда-то значение «мучительно, больно»; сейчас это слово означает «очень». Сходное семантическое изменение можно наблюдать и в русском языке: «Вижу, Азамат, что тебе *больно* понравилась эта лошадь» (М. Ю. Лермонтов). В современном разговорном языке это значение слова *больно* имеет широкое распространение.

Значения «зависть» и «завидовать» часто развиваются на основе глагола «видеть». Взять хотя бы русское слово *зависть* (из **за-вид-ть*, ср. *за-вид-овать*), латинское *in-vīd-ia* [инвú:диа] и литовское *pa-vyd-as* [павú:дас] «зависть». Все три слова образованы на основе одного и того же глагольного корня **veid/*vīd-* «видеть», то есть семантическое развитие шло здесь в одном и том же направлении. В то же время формирование этих слов проходило независимо во всех трех языках, о чем говорят различные приставки и разные суффиксальные модели приведенных образований.

Рассмотренные примеры говорят о том, что в разных языках нередко происходят одинаковые, часто независимые друг от друга семантические изменения. Этот типовой характер

---

[1] См. ниже о кальках (гл. XVIII).

изменений значения слова объясняется общностью мышления человека, общностью, которая проявляется несмотря на различия, существующие между языками.

Семантические ряды. До сих пор мы в основном останавливались на случаях типового, «стандартного» изменения значений слова. Но особенно ярко сходство семантических типов проявляется в самом процессе формирования слов. Например, большое количество слов со значением «мука́» представляют собой образования от глаголов, означающих «молоть, толочь, размельчать»:

русск. *молоть*	— *помол*,
сербскохорватск. мле́ти „молоть"	— *мле́во* „размолотое зерно";
литовск. *malti* [ма́льти] „молоть"	— *miltai* [ми́лтай] „мука";
немецк. *mahlen* [ма́:лен] „молоть"	— *Mahlen* „помол", *Mehl* [ме:ль] „мука";
др.-инд. *pinasti* [пинасти] „дробит, толчет"	— *pistam* [писта́м] „мука".

Во многих языках значения «зрелище, театр» развиваются на базе глаголов «смотреть, видеть». Ниже приводится ряд примеров, иллюстрирующих эту семантическую модель:

др.-греч. *theaomai* [тхеа́омай] «смотрю» → *theatron* [тхе́атрон] «зрелище, театр»;
латинск. *spectare* [спекта́:ре] «смотреть» → *spectaculum* [спекта́:кулум] «зрелище, спектакль»;
чешск. *dívati* [ди́:вати] «смотреть» → *dívadlo* [ди́:вадло] «зрелище, театр»;
русск. *зреть* → *зрелище*;
литовск. *regėti* [ряге́:ти] «видеть» → *reginys* [рягини́:с] «зрелище»;
латышск. *skatīt* [скати:т] «смотреть» → *skats* [скатс] «зрелище».

Русское слово *остров* образовано с помощью приставки *о́-* от основы *стров-*, родственной слову *струя* и латышскому *strava* [стра́ва] «течение» (к корню **s(t)reu* — «течь»). Иначе говоря, *остров* — это «то, что обтекается (со всех сторон водой)». По той же самой семантической модели образовано древнепольское и сербскохорватское *о́ток*, русское диалектное *ото́к* «остров» и украинское диалектное *о́бтік* «маленький остров». Все эти слова образованы от глаголов, родственных русскому *теку*, *течь*.

Очень часто слова со значениями «считать» и «число» этимологически оказываются связанными с глаголами, означающими «рубить, резать». Так, древнеисландское слово *skora* [ско́ра] означает и «резать», и «считать». Сербскохорватское слово *број* и болгарское *брой* имеют значение «число», а образованы они были от глаголов, родственных русскому

брить, но в его более древнем («неспециализированном») значении: «резать». В основе этой семантической закономерности лежит очень древний обычай считать по зарубкам, по насечкам, которые вырезались для памяти и для счета.

Древнейшие письмена также представляли собой разного рода зарубки, вырезанные и выцарапанные знаки. Отсюда — связь глаголов «писать» и «читать» со значениями «резать», «царапать» и т. п. Так, например, нам известно, что древнейшие письмена на Руси представляли собой *черты* и *резы*. Этимология последнего слова достаточно очевидна. А слово *черта* находится в ближайшем родстве с литовским глаголом *kertu* [кярту́] «рублю». Иначе говоря, слово *черта* этимологически означает «зарубка, насечка, рез». Аналогичные случаи можно привести и из других индоевропейских языков.

Примеры, подобные рассмотренным нами, дают достаточно ясное представление о с е м а н т и ч е с к и х р я д а х, анализ которых позволяет внести некоторые элементы системности в такую трудную область этимологического исследования, какой является изучение значений слова.

От значения «резать» до значения «судьба». В одних случаях связь между словами с двумя значениями устанавливается непосредственно и без особых затруднений. Например, такие слова со значением «водка», как украинское *горілка*, чешское *pálenka* [па́:ленка], литовское *degtiné* [дягти́не:], легко возводятся к соответствующим глаголам: *горіти* «гореть, пылать», *páliti* [па́:лити] «палить, жечь», *degti* [дя́гти] «гореть». Точно так же слова *элегантный* и *изящный* оказываются непосредственно связанными с глаголами, означающими «избирать». Первое слово, пришедшее к нам из французского языка, в конечном итоге, восходит к латинскому *elegans* [э́:леганс] «изысканный» — причастному образованию от глагола *eligo* [э́:лиго:] «избираю». Второе слово было заимствовано из старославянского языка, где оно также было образовано от глагола со значением «избрать» — *изѧти*. Таким образом, исходным значением слов *элегантный* и *изящный* является значение «избранный, изысканный».

Но не всегда развитие значений слова бывает столь же очевидным и прямолинейным. Возьмем, к примеру, несколько слов, синонимичных слову *судьба: доля, участь, жребий*. Первое из этих слов, наряду со значением «судьба», имеет

также значение «часть». Слово *участь* (кстати, так же, как и *счастье*) является приставочным образованием, в основе которого лежит слово *часть*. Но особенно отчетливо значение «часть, кусок (чего-либо)» выступает у слова *жребий*: старославянское слово *жрѣбъ* означает «отрезанный кусок», в диалектах украинского языка *жереб* — это «участок земли», а буквально: «отрезок», о чем свидетельствуют такие соответствия в родственных индоевропейских языках, как, например, немецк. *kerben* [кéрбен] «делать зарубки» или английск. *carve* [ка:в] «резать; делить»[1].

Все эти (а также и другие) данные позволяют восстановить следующую общую картину семантического развития: «резать» → «делить» → «часть» → «доля, участь, судьба». Здесь семантическое развитие идет в направлении постепенной абстрактизации значений. Однако наряду с перечисленными возникали и иные — более конкретные — значения. Так, значение «резать» могло дать производные «кусок; отрезок», а значение «делить» — производные «надел, участок земли». Причем, эти значения могли развиться на основе одного и того же по своему происхождению слова. Например, для славянской именной основы **gerb-* выше были приведены значения «отрезанный кусок», «участок земли» и «судьба».

Об *удилах* и *ранах*. Иногда ряды семантически однотипных связей могут поставить исследователя в затруднительное положение. Например, в некоторых языках одно и то же слово или общие по своему происхождению слова имеют одновременно значения «удила» и «рана (от укуса)»: сербскохорват. *жвáле*, итал. *morso* [мóрсо], испан. *bocado* [бокáдо], англ. *bit* [бит] «удила» и *bite* [байт] «рана от укуса» и др.

Анализ этих примеров позволяет выделить семантический ряд «удила» — «рана». Но как связать между собой эти два столь далеких друг от друга значения? Трудно себе даже представить, чтобы одно из этих значений превратилось в другое в результате какого-нибудь семантического изменения. Вопрос о связи между значениями «удила» и «рана» решается иначе. Здесь нужно найти то общее третье значение, которое было исходным для обоих случаев.

[1] Воспользовавшись таблицей фонетических соответствий, можно убедиться в том, что индоевропейское **gerbh-* закономерно дает германское **kerb-* и праславянское **gerb-* (→ ст.-слав. *жрѣб-*, русск. *жереб-*).

В данном конкретном примере таким исходным пунктом явилось значение глаголов «кусать» и «жевать»:

сербскохорватск. *жва́(та)ти* „жевать“	→	1) *жва́ле* „удила“, 2) *жва́ле* „заеды, ранки в углах рта“
итал. *mordere* [мо́рдере] „кусать“	→	1) *morso* „удила“, 2) *morso* „рана (от укуса)“;
англ. *to bite* [ту байт] „кусать“	→	1) *bit* „удила“, 2) *bite* „рана (от укуса)“ и т. д.

Приведенные семантические ряды позволяют объяснить не только этимологию слов со значениями «удила» — «рана (от укуса)», но и выявить характер отношений между этими двумя значениями.

Когда взнуздывают лошадь, ей в рот вкладывают удила (обычно железные). К кольцам удил прикрепляют поводья, с помощью которых всадник управляет лошадью. Всем известно выражение *закусить удила*. Поскольку удила обычно находятся во рту у лошади, она может их кусать, грызть, жевать. Отсюда — такие названия удил, как итальянское *morso* (к *mordere* «кусать»), нижнелужицкое[1] *gryzadlo* [гри́задло] — к *грызть*, сербскохорватское *жва́ле* — к *жевать*.

Еще проще объясняется семантическая связь между значениями «кусать» → «рана от укуса» → «рана».

Рассмотренные примеры показывают, как важно при семантическом анализе слов выделить то исходное третье значение, которое позволяет связать между собой, казалось бы, совершенно различные в этимологическом отношении значения. Приведенный случай — далеко не единственный в этом плане. Выше мы уже встречались и с другими случаями подобного рода. Например, русское слово *гость* и латинское *hostis* «враг» восходят к общему третьему значению «чужой, чужеземец». Болгарское слово *стая* «комната» и русское *стая* имеют в качестве единого источника значение «хлев, стойло», восходящее в свою очередь к значению глагола «стоять».

Семантика и родство языков. Закономерности фонетические и словообразовательные наблюдаются, как правило, в рамках родственных языков. Напротив, семантика, связанная неразрывными нитями с мышлением человека,

[1] Нижнелужицкий — один из западнославянских языков.

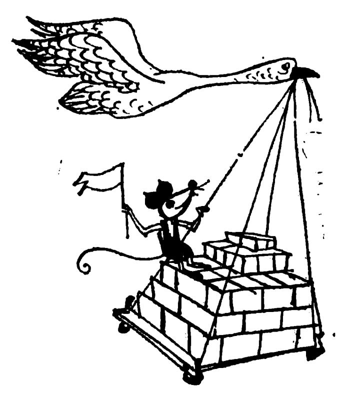
обычно не признает языковых границ. Смысловые связи между словами отражают связи между понятиями, а эти последние в свою очередь опираются на связи между предметами и явлениями окружающего нас реального мира. Вот почему закономерности семантического развития могут проявляться совершенно одинаково в языках, не связанных друг с другом общностью своего происхождения.

Так, семантический ряд «кусать» — «удила» (и «узда») — «рана (от укуса)» может быть дополнен примером из монгольского языка: *хазах* [хáдзах] «кусать» — *хазаар* [хáдза:р] «узда» — *хазах* «укус». Латинское слово *cubitus* [кýбитус], монгольское *тохой* и русское диалектное *локоть* претерпели одинаковое семантическое развитие от значения «локоть» к значению «изгиб, излучина (реки)». Монгольское *нáран цэцэг* и латинизированное греческое *helianthēs* [хелиáнтхе:с] «подсолнечник» имеют одно и то же буквальное значение: «солнечный цветок».

Все эти примеры говорят о том, что в процессе семантического анализа этимолог может привлекать материал не только родственных языков, хотя и в области семантики сравнение с родственными языками обычно дает более эффективные результаты, так как общность происхождения и исторических судеб наложила на близкородственные языки свой определенный отпечаток.

Журавли и лебедки. Интересные ряды семантических отношений могут быть обнаружены во многих языках у слов со значением «журавль». В русском языке и его диалектах *журавль* — это не только птица, но и особого рода колодезный рычаг для подъема воды. Впрочем, в диалектах русского языка слово *журавль* употребляется также для обозначения крана, который используют при подъеме не только воды, но и других тяжестей. В литературном русском языке это приспособление получило наименование по имени другой птицы: *лебёдка* (от слова *лебедь*). Столь же образ-

ные названия крана мы встречаем и в других языках: англ. *crane* [крейн], греч. *geranos* [еранóс], литовск. *gervė* [гя́рьве:] — все эти слова означают и «журавль», и «кран, лебедка». Совершенно ясно, что семантическое развитие во всех этих случаях[1] шло от значения «журавль» к значению «кран, лебедка» и что определяющим здесь явилось внешнее сходство.

Изосемантические ряды[2], которым в основном и посвящена настоящая глава, могут послужить важным подспорьем в работе этимолога, особенно в тех случаях, когда имеются две или более примерно равноценные этимологии. Тогда наличие надежного ряда одинаковых или сходных семантических связей может послужить решающим аргументом в пользу одной из этих этимологий. Посмотрим же, как это происходит, обратившись к одному из таких примеров.

Журавли и клюква. В диалектах русского языка широкое распространение имеют слова *журавйка*, *журавйца*, *журавйна*, имеющие значение «клюква». Обычно было принято считать, что этимологически *журавика* — это «журавлиная ягода». Но в последние 10—15 лет появились статьи, авторы которых выражали сомнение в правильности этимологического сопоставления слов *журавика* и *журавль*, считая, что связь между этими словами была не исконной, а вторичной. Взамен была предложена новая этимология. Наличие диалектных форм *жеравика*, *жоравица*, *жарав(л)ика* и т. п. стало рассматриваться как аргумент в пользу сопоставления этих названий клюквы со словом *жар* в значении яркого огненного цвета. Тем более что в некоторых говорах русского языка клюква называется *красницей*. В пользу новой этимологии можно было бы привести материал древнерусского языка, в котором *жеравь* означало «журавль», а *жеравыи* — «горящий, раскаленный».

---

[1] Возможность отдельных калек не меняет общей картины.

[2] Начальное *изо-* происходит от греческого *isos* [йсос] «равный, одинаковый». Изосемантические ряды — это ряды слов с одинаковыми семантическими изменениями или связями.

И всё же новая этимология, по-видимому, должна быть отвергнута. Прежде всего, наличие в диалектах русского языка вариантов названия клюквы с гласными *е*, *а* и *о* в корне (*жерав-*, *жарав-*, *жорав-ика*), наряду с более распространенной формой *журав-ика*, *-ица*, совсем не говорит о том, что эти формы образованы от слова *жар*. Как раз наоборот: слово *жар* и его производные не имеют такого богатого «набора» фонетических вариантов, а поэтому сопоставление его с диалектными вариантами названия клюквы оказывается фонетически неубедительным. В то же время все перечисленные — отличные от литературного — варианты (*жеравика*, *жаравика*, *жоравица*) полностью совпадают с вариантами древнерусского слова «журавль»: *жеравь*, *жаравь*, *жоравь*. Кстати, названия журавля с гласными *е* и *о* в первом слоге засвидетельствованы также в целом ряде родственных славянских языков, а о значительной древности формы с гласными *е* свидетельствует литовск. *gervė* [гя́рве:] «журавль».

Но главный аргумент против этимологии *жар* → *жаравика* → *журавика* — это наличие надежного и широко распространенного изосемантического ряда «журавль» → «клюква» (как «журавлиная ягода»). Неразрывная связь между частями этого ряда может быть наглядно представлена с помощью следующей таблицы.

Язык	«журавль»	«ягода»	«клюква»
Английский	*crane* [крейн]	*berry* [бе́ри]	*cranberry* [кре́нбери]
Шведский	*trana* [тра́на]	*bär* [бер]	*tranbär* [тра́нбер]
Эстонский	*kure* [ку́ре]	*mari* [ма́ри]	*kuremari* [ку́рема́ри]
Ненецкий	*харё*	*нгодя*	*харё нгодя*
Марийский	*турня́*	*пӧчиж* „брусника“	*турня пӧчиж*
Латышский	*dzērve* [дзе́:рве]	—	*dzērvene* [дзе́:рвене]
Русский	*журав(л)ь*	—	*журавика*

Разумеется, приведенный список является далеко не полным. Но он ясно указывает на бесспорную семантическую связь между названиями журавля и клюквы. В первых пяти случаях мы имеем дело со словосложением («журавль» + «ягода»), в последних двух примерах — с суффиксальным словообразованием. Но по своему значению «клюква» во всех этих случаях оказывается «журавлиной ягодой». Сле-

довательно, *жар* здесь ни при чем, ибо семантическое явление, с которым мы сталкиваемся в русских диалектных названиях клюквы, выходит далеко за пределы русского языка. Не нужно только думать, что клюква во всех языках обязательно называется «журавлиной ягодой» или, напротив, что сочетание «журавлиная ягода» во всех случаях непременно будет обозначать клюкву. В литовском языке, например, словом *gervuogė* [гя́рвуоге:] «журавлиная ягода» называется ежевика. Изосемантический ряд отражает определенную закономерность, тенденцию, а не закон.

Необычный словарь. На примере со словом *журавика* мы убедились в том, что выявленные семантические закономерности могут явиться важным аргументом в пользу одной из двух спорных этимологий. В отдельных случаях наличие изосемантического ряда может даже послужить своего рода «отправным пунктом» при решении той или иной этимологической задачи.

Например, известный литовский этимолог А. Сабаляускас, опираясь на изосемантический ряд «белый, светлый» → «пшеница», предложил новую интересную этимологию литовского слова *kvietys* [квиети́:с] «пшеница», связав его с основой *šviet-* [швиет-] «светить, быть светлым» (сравните русские слова *цвет* и *свет*)[1]. Закономерный характер предложенной А. Сабаляускасом этимологии может быть подтвержден примерами типа английского *white* [уа́йт] «белый» → *wheate* [уи́:т] «пшеница» и немецкого *weiß* [вайс] «белый» → *Weizen* [ва́йцен] «пшеница».

Рассмотренные нами примеры с рядом одинаковых семантических изменений или отношений показывают, что в области семантики далеко не все столь хаотично и бессистемно, как это может показаться. Наблюдая определенные закономерности в области формирования и развития значений слова, лингвисты выдвинули интересную идею. Они предложили создать несколько необычный словарь, в котором слова не переводятся с одного языка на другой (как в двуязычных словарях), не объясняются (как в толковых

[1] Расхождение между начальными *k* и *š* в приведенных литовских основах объясняется колебаниями в отражении индоевропейских **k* и **k'* (см. таблицу фонетических соответствий). Подобные же колебания мы находим, например, в случаях типа русск. *при-клонить* и *при-слонить*, *цвет* и *свет*, литовск. *pirkti* [пи́рькти] «покупать» и *piršti* [пи́рьшти] «сватать» (собственно: «покупать невесту») и др.

словарях) и не располагаются в алфавитном порядке (как почти во всех «обычных» словарях). В новом словаре должны быть собраны все наиболее распространенные «стандартные» типы семантических изменений, а также «стандартные» модели формирования семантики слова. Иначе говоря, здесь должны быть собраны не слова, а значения слов.

Например, под единой рубрикой «клюква» здесь окажутся такие внешне непохожие, разные по своему происхождению слова, как русское диалектное *журавика*, английское *cranberry*, эстонское *kuremari* и т. д. Но все эти слова объединены не только общим значением «клюква», но и общим буквальным смыслом: «журавлиная ягода», то есть все они построены по одной и той же семантической модели.

Создание такого словаря, несомненно, даст в руки этимолога ключ к решению многих этимологических задач, облегчит самую сложную — семантическую — часть этимологического анализа. Но пока что создание подобного словаря — это дело будущего.

Глава восьмая

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

При рассмотрении отдельных этимологий нам уже неоднократно приходилось обращаться к материалу родственных индоевропейских языков. Но во всех этих случаях этимология слова обычно устанавливалась на основании данных русского языка (включая сюда и древнерусский язык). Индоевропейский материал, как правило, привлекался только для того, чтобы подтвердить правильность приведенной этимологии. Иначе говоря, материалу родственных языков по большей части отводилась второстепенная роль.

Однако нередки случаи, когда ни памятники древнерусской письменности, ни данные близкородственных славянских языков не в состоянии прояснить происхождение того или иного слова, особенно если речь идет о каком-то очень древнем образовании, восходящем еще к индоевропейской эпохе. Именно в этих случаях существенную помощь в этимологическом исследовании может оказать привлечение соответствий из родственных индоевропейских языков: балтийских, индоиранских, германских, латинского, древнегреческого и других.

О соответствиях, которые объясняют, и о соответствиях, которые не объясняют. Достаточно открыть любой этимологический словарь русского языка, чтобы убедиться в том, как много индоевропейских соответствий приводится обычно при объяснении происхождения русских слов. Очень часто эти соответствия позволяют установить правильную этимологию интересующих нас слов. Взять хотя бы слово *бобр*, имевшее в древнерусском языке форму *бебръ*. Это слово хорошо известно во всех славянских языках; встречается оно также в литовском языке — *bebras* [бя́брас], в древневерхненемецком — *bibar* [би́бар], в латинском — *fiber* [фи́бер] и в других индоевропейских языках. Всюду это слово означает «бобр»; приведенные соответствия оказываются абсолютно бесспорными, но этимология слова от этого нисколько не проясняется.

Такого рода соответствия сами по себе еще не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос о происхождении слова. Наличие сравнительно большого количества соответствий (то есть трех-четырех надежных примеров) в родственных языках может служить лишь доказательством значительной древности данного слова, которое возникло, по-видимому, еще в индоевропейскую эпоху. Но для решения вопроса о том, какое древнейшее значение было у данного слова в момент его возникновения, нужно, чтобы это слово этимологизировалось достаточно надежным образом хотя бы в одном из родственных языков.

В случае со словом *бобр* таким языком, дающим ключ к решению этимологической задачи, является древнеиндийский язык, в котором слово *babhrus* [бабхру́с] означает «коричневый, бурый». В близком родстве с этим словом находится литовское *bėras* [бе́:рас] «коричневый, гнедой» и немецкое *braun* [бра́ун] «коричневый, бурый». Следовательно, свое название бобр получил по цвету шерсти и первоначальным значением этого слова было «бурый, коричневый».

Но здесь может возникнуть вполне естественный вопрос: не было ли соотношение между значениями «бобр» и «коричневый» прямо противоположным? Не явилось ли значение «коричневый» — вторичным, развившимся из значения «цве́та бобра» (как *вороной* — «цве́та во́рона», *голубой* — «цвета голубя» и т. п.)? На этот вопрос следует ответить отрицательно. И вот почему.

Древнеиндийское слово *babhrus* имеет не только значение «коричневый, бурый», но также и «вид крупного ихневмона» (животное, лишь весьма отдаленно напоминающее

бобра). Кроме того, в древнеиндийском языке имеется слово *babhru* [бабхру] «красно-бурая корова» (ср. по значению: русск. *буренка*), литовское *bėris* [бе́:рис] значит «лошадь гнедой (коричневой) масти», а немецкое *Bär* [бер] — «медведь» (буквально: «бурый, коричневый»). Таким образом, самые различные — непохожие друг на друга — животные (бобр, лошадь, корова, медведь) получили свое название по бурому или коричневому цвету шерсти. Некоторые из этих названий относятся лишь к животным определенной масти (лошадь, корова), другие — вообще ко всем видам животных (бобр, медведь), ибо в последнем случае бурая окраска шерсти является наиболее распространенной или даже единственно возможной.

Как и в случае со словом *бобр*, привлечение материала родственных индоевропейских языков позволяет установить происхождение целого ряда русских слов, не получивших надежного этимологического объяснения в рамках одного лишь русского языка.

Так, древнейшим значением слова *заяц* оказалось «прыгун». Эта этимология подтверждается литовским глаголом *žaisti* [жа́йсьти] «играть, прыгать» (основа *žaid-*). Интересно отметить, что ближайший «родственник» слова *заяц* в древнеиндийском языке имеет значение «конь» (*hayas* [ха́яс]), в готском — «коза» (*gaits* [гетс]), а в латинском — «козленок» (*haedus* [хе́:дус]). Обратившись к таблице индоевропейских фонетических соответствий, мы можем убедиться, что русское начальное *з-*, литовское *ž-*, готское *g-*, древнеиндийское и латинское *h-* могут быть возведены к индоевропейскому **gh-*. Славянская и древнеиндийская форма слова отражает его простую основу **ghai-*, а в литовском, готском и латинском эта основа была осложнена суффиксальным **-d-* (**ghaid-*), давшим в готском языке закономерное соответствие в виде *-t-*[1].

Подобного же рода сопоставления с родственными языками показывают, что древнейшим значением слова *береза* было значение «светлая, белая». Слово *галка* этимологизируется как «черная», *груздь* — как «хрупкий», *корова* — «рогатая» и т. д.

Но далеко не во всех случаях привлечение индоевропейских соответствий позволяет решить вопрос об этимоло-

---

[1] В слове *заяц* мы находим гласный *а* вместо ожидаемого *о*. Однако литовское *zuikis* [зу́йкис] «заяц», заимствованное из славянского *зайка*, возможно, отражает более древнюю славянскую основу **зойк-*,.

гии слова. Например, русское существительное *мясо* имеет большое количество надежных соответствий в целом ряде индоевропейских языков. А вот этимологии у этого слова, по существу, нет. То же самое можно сказать о таких словах, как *червь*, *овца*, *огонь*, *блоха*, *камень* и др. Конечно, перечисленные слова тоже пытались как-то этимологизировать, но широкого признания эти этимологические объяснения не получили.

Следовательно, соответствия, приводимые из родственных языков, могут быть подразделены на две различные группы. Одни из этих соответствий позволяют раскрыть этимологию анализируемого слова, другие же сами по себе не объясняют этой этимологии, лишь свидетельствуя о том, что перед нами очень древнее слово, исторические корни которого восходят еще к периоду индоевропейского языкового единства.

Что такое *луна*? Этимология слова *луна* показательна во многих отношениях. Во-первых, материал русского языка не дает нам возможности определить, каково было происхождение этого слова. Попробуйте найти в русском языке какие-нибудь слова, связанные по своему происхождению с *луной*. Такие слова есть, но найти их без привлечения материала родственных языков практически почти невозможно.

Во-вторых, при рассмотрении вопроса об этимологии слова *луна* нам придется опираться и на фонетические соответствия в родственных языках, и на словообразовательный анализ, и на исследование различных семантических изменений.

Латинское слово *lūna* [лý:на] почти полностью совпадает с русским словом как по своему звучанию, так и в смысловом отношении. Однако приведенное сопоставление нисколько не продвигает нас вперед. Иное дело, если обратиться к балтийским и индоиранским языкам. Соответствия, имеющиеся в этих языках, показывают, что *-на* в слове *луна* когда-то было суффиксом[1], а в конце корня находились

---

[1] Ср. аналогичный пример: русск. *(про-)стор* и *сторо-на*, *страна*, где конечное *-на* также является суффиксальным. То же самое можно сказать о словах *волна*, *струна*, *борона*, *цена* и др.

Строго говоря, во всех этих случаях суффиксальным является только *-н-*, а конечное *-а* относится к окончанию (ср. *вол-н-а*, но *вол-н-ы*). Однако в работах по этимологии этот момент обычно не является существенным.

согласные *-ks-* [*-кс-*], утраченные в латинском и русском, но сохранившиеся в некоторых других индоевропейских языках. Следы одного из этих согласных можно обнаружить также в одном древнем имени латинской богини: *Losna* [Лóсна].

Кроме того, родственные соответствия показывают, что у древнего индоевропейского слова **lǒuksna* [лоукснá:] значение «луна» не было единственным. В одних языках это слово означало «звёзды» (древнепрусский), в других — «свет» (ирландский), в третьих — «светильник» (древнегреческий). Наличие в слове **louk-s-na* корня **louk-* позволило ученым сопоставить его с латинскими словами *lūx* [лу:кс] «свет» и *lūceo* [лý:кео:] «свечу», а также с русскими соответствиями *луч* (где *ч* восходит к более древнему *к*; ср. *ру-к-а — ру-ч-ка*) и *из-луч-ать* «светить».

В одном из древних иранских языков индоевропейское слово **louksna*, по своей форме близкое к современным причастиям, сохранило наиболее архаичное значение: «блестящий, светящий». Таким образом, буквальным значением слова *луна* было когда-то «блестящая, светящая», «светило». Отсюда становится понятным, почему в одних языках это слово приобрело значение «луна», в других — «звезды», в третьих — «свет» или «светильник». Приведенная этимология легко объясняет развитие всех этих значений из исходного «блестеть, светить».

Интересно отметить, что даже в близкородственных славянских языках значения слова *луна* расходятся между собой весьма существенно. Так, в чешском, польском и украинском языках это слово означает «отблеск, зарево». Значение «зарево, сияние» засвидетельствовано у слова *луна* и в диалектах русского языка, где встречается также и родственное ему слово *лунь* «тусклый свет».

Можно ли *ковать мясо?* Разумеется, мясо не куют, а режут или рубят. Но есть в русском языке одно слово, этимология которого в известной мере оправдывает постановку такого, казалось бы, совершенно нелепого вопроса. Слово это — *оковалок* «часть говяжьей туши около таза» (в диалектах также — около шеи или около лопатки). В ряде диалектов русского языка слово *оковалок* или *ковалок* имеет еще значение «кусок, отрезок». В последнем значении *кавалак* употребляется также в белорусском языке.

Морфологическая структура слова *оковалок* достаточно очевидна: *о-* — приставка, *-кова-* — основа, *-л-* и *-ок* —

суффиксы. Следовательно, слово *о-кова-л-ок* может быть связано с глаголом *ковать* — подобно тому, как сходное по своей структуре слово *о-коло-т-ок* связано с *колотить*[1]. Но как объяснить расхождение значений у слов *ковать* и *оковалок* «кусок (мяса)»? На этот вопрос пытался ответить А. Г. Преображенский в своем «Этимологическом словаре русского языка», где говорится следующее:

«Вероятно, *о-кова-л-ок* к *ковать*; первоначальное значение остаток, кусок железа; отсюда вообще кусок, отрезок... Впрочем, это только предположение».

Приведенное объяснение не может быть признано удовлетворительным. Прежде всего, у слов *оковалок* и *ковалок* нигде не сохранилось никаких следов предполагаемого древнего значения «кусок железа». Белорусское слово *кавал*, образованное без помощи позднейшего суффикса *-ок*, также означает лишь «большой кусок, ломоть», но не «кусок железа». Кроме того, этимология А. Г. Преображенского опирается на современное нам значение глагола *ковать*, которое, как показывают индоевропейские соответствия, не было у него ни единственным, ни первоначальным.

Наиболее близкими «родственниками» русского глагола *ковать* (за пределами славянских языков) являются литовское слово *kauti* [ка́ути] «бить, рубить, разить» и немецкое *hauen* [ха́уен] «бить, рубить, косить (траву)». Эти соответствия говорят о том, что древний глагол со значением «бить» семантически развивался в двух направлениях: 1) «бить» → «рубить, резать» (литовский и немецкий языки); 2) «бить» → «ударять (молотом)» → «ковать» (русский и другие славянские языки).

Поскольку ковка металлов — явление сравнительно позднее в истории человеческого общества, можно предполагать, что значение «рубить, резать» у рассматриваемого

[1] Этимологическая связь слов *околоток* и *колотить* была отмечена еще В. И. Далем. Согласно этому сопоставлению, *околоток* представляет собой участок, на котором слышится стук колотушки одного сторожа, охраняющего данный участок.

глагола было более древним, чем значение «ковать». Следы этого более древнего значения и сохранились в русском языке в виде слов *ковалок*, *кавалок* и *оковалок* «кусок, отрезок, вырезка (мяса)».

Таким образом, *оковалок*, действительно, происходит от слова *ковать*, но только не в его современном, а в более древнем значении «рубить, резать». И опять-таки при установлении этимологии слова *оковалок* решающую роль сыграло привлечение материала родственных индоевропейских языков, без которого семантическая связь этого слова с глаголом *ковать* оставалась бы неясной[1].

***Пшено, пест* и *пихать*.** На первый взгляд может показаться, что у приведенных слов, кроме начального *п-*, нет между собой ничего общего. И гласные, и согласные у этих слов не одинаковы. Но тем не менее именно сопоставление со словами *пест* и *пихать* позволило ученым установить этимологию слова *пшено*.

Правда, для этого им пришлось сначала 1) восстановить древнейшую форму перечисленных слов и 2) привлечь к анализу материал родственных языков.

Слова *пихать* и *пшено* в древнерусском языке засвидетельствованы в формах *пьхати* и *пьшено*. Корень в этих словах выступает с чередующимися согласными *х(пьх-)* и *ш(пьш-)*. То же самое чередование *х/ш* можно обнаружить, например, в случаях: *пух — пушок*, *дух — душа*, *петух — петушиный* и т. п. Следовательно, с фонетической точки зрения, слова *пьхати* и *пьшено* вполне сопоставимы одно с другим. Звук *ш* в слове *пьшено* явился следствием смягчения более древнего *х*. Однако и самый звук *х* нередко представляет собой в славянских языках результат фонетического изменения *s* → *ch* [с → х]. Об этом можно судить на основании следующих соответствий:

Литовский язык	Древнерусский язык
sau-s-as [сáусас]	*су-х-ъ* „сухой“
blu-s-a [блусá]	*блъ-х-а* „блоха“
mu-s-ē [мýсе:]	*му-х-а* „муха“
pai-s-au [пайсáу]	*пь-х-аю* „толку“

Последнее сопоставление позволяет выделить у слов *пьхати* и *пьшено* древний корень **pis-* «толочь». С иным

[1] Иначе объясняет происхождение слова *оковалок* М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка». Он видит в этом слове переоформление позднего германского заимствования.

гласным можно обнаружить тот же самый корень в слове *пест* (в древнерусском языке: *пѣстъ*) «толкач, толкушка».

Следовательно, *пьшено* было образовано от той же основы, что и глагол *пьхати* «толочь», и имело буквальное значение «толченое (зерно)». Позднее слово *пшено* приобрело значение «крупа из проса». В словообразовательном и отчасти в семантическом плане слово *пьшено* относится к *пьх(ати)* так же, как *толокно* — к *толочь* или как древнегреческое *ptisanē* [птисáне:] «очищенный ячмень» — к *ptissō* [птúссо:] «толку, размалываю».

Таким образом, и здесь — уже в который раз! — фонетический, словообразовательный и семантический анализ, связанный с этимологией слова *пшено*, постоянно опирался на материал родственных индоевропейских языков. Можно определенно сказать, что без привлечения этого материала ученым не удалось бы столь убедительно решить вопрос об этимологии слова *пшено*, как это не удалось бы сделать и при установлении целого ряда других этимологий.

Дружеская помощь. Особенно большую пользу при этимологизировании русских слов может принести языковеду знание литовского языка, поскольку из всех индоевропейских языков именно литовский (как и латышский) наиболее близок к славянским языкам. На значение литовского языка для славянского языкознания еще в середине XIX века указывал выдающийся русский славист А. Ф. Гильфердинг.

«Без литовского языка,— писал он,— научное исследование славянского невозможно, немыслимо, и одна из главнейших причин тех ошибок, в которые впадали некоторые наши ученые, рассуждавшие о законах и свойствах славянской речи, состоит именно в том, что они не брали в соображение фактов, представляемых языком литовским»[1].

Чтобы это высказывание А. Ф. Гильфердинга не показалось кому-нибудь голословным, рассмотрим несколько примеров той «дружеской помощи», которую литовский язык может оказать русской этимологии.

Начнем со слова *лук* «оружие для метания стрел». Ни в русском, ни в других славянских языках нет слов, которые могли бы послужить для слова *лук* таким же этимологическим «ключом», каким, например, для слова *воз* является глагол *везу* или для слова *(су)гроб* — глагол *гребу*. Наиболее близкими внеславянскими соответствиями русскому слову

---

[1] А. Гильфердинг. Собр. соч., т. II. СПб., 1868, стр. 367.

лук являются литовск. *lankas* [ла́нкас] «лук; дуга, обруч», *lankus* [ланку́с] «гибкий». И если на славянской почве слово *лук*, по существу, не этимологизируется, то приведенные литовские слова имеют совершенно «прозрачную» этимологию, отражающую хорошо известный нам тип корневого чередования **е* (глагол): **о* (имя)[1].

lenk-ti [ля́ньктн] «сгибать» → *lank-us* «гибкий», *lank-as* «лук, дуга».

Благодаря этим сопоставлениям с литовским материалом, становятся этимологически совершенно ясными и такие русские слова, как *лука* «изгиб, излучина реки» или *лукавый* «хитрый, коварный» (кстати, в древнерусском языке слово *лукавый* — применительно к *реке* — означало также «извилистый»).

Аналогичным образом этимология русского слова *рука*, не имеющая никакой опоры на славянской почве, легко проясняется благодаря сопоставлению с литовскими словами *renku* [рянку́] «собираю» и *ranka* [ранка́] «рука» (с тем же индоевропейским чередованием **е*: **о*). Следовательно, этимологически слово *рука* — это «собирающая» или «собиралка». И здесь опять только литовский язык проливает свет на этимологию русского слова.

Точно так же слово *бес* (ст.-слав. *бѣсъ*) становится этимологически понятным при сопоставлении с наиболее близким индоевропейским соответствием: литовск. *baisus* [байсу́с] «страшный, ужасный». Легко убедиться, что старославянское слово *бѣсъ* и литовское *baisus* фонетически являются совершенно тождественными: *-ѣ-* и *-ai-* отражают индоевропейский дифтонг **oi*.

Подобного рода случаи, когда этимологические истоки русского слова невозможно вскрыть без помощи литовского материала, встречаются довольно часто. Они являются наглядным доказательством справедливости приведенного выше высказывания А. Ф. Гильфердинга.

* * *

Теперь можно подвести некоторые итоги. Примеры, рассмотренные в настоящей главе, показывают, что многие этимологические связи между словами, утраченные в современном русском и даже в древнерусском языке, могут быть восстановлены с помощью материала родственных индоев-

---

[1] Индоевропейское **о* в литовском языке, естественно, отражается в виде *а*.

ропейских языков. Этот материал позволяет ученым восстановить наиболее архаичный фонетический облик анализируемого слова, выделить в нем древние суффиксы, которые в наши дни уже совсем не воспринимаются как таковые[1], определить, какие семантические изменения претерпело слово в течение длительной истории своего развития.

Многочисленные индоевропейские соответствия, которые можно встретить почти в любом этимологическом словаре русского языка и которые иногда отпугивают читателя своей «ученостью»,— не просто дань традиции. Соответствия эти по большей части дают богатейший материал для восстановления древнейшей истории слов, для выяснения сложных вопросов, связанных с их этимологией.

Глава девятая

АНАЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ И В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В предшествующих главах нам уже неоднократно приходилось приоткрывать дверь в этимологическую «кухню» лингвистического исследования. Попробуем теперь войти в эту «кухню» и ознакомиться с некоторыми вопросами методики этимологических «раскопок», с тем, какими приемами пользуются языковеды, докапываясь до этимологии слова. Начнем с одного очень важного общего вопроса.

О комплексном подходе к этимологическому анализу. В главах IV — VII мы рассмотрели особенности этимологических исследований, связанные с фонетическим, словообразовательным и семантическим анализом. При этом у читателя мог возникнуть естественный вопрос: а какая же из этих трех сторон является наиболее важной для установления правильной этимологии слова?

Ученые конца XIX века свое основное внимание уделяли фонетической стороне этимологического исследования. И действительно, без знания строгих фонетических закономерностей работа этимолога будет заранее обречена на неудачу.

В последнее время все более важное значение придается словообразовательному анализу в этимологических иссле-

---

[1] В самом деле, кто мог бы подумать, например, что *-н-* в слове *луна* исторически относится не к корню этого слова, а к суффиксу.

дованиях. Поскольку каждое слово в языке относится к тому или иному словообразовательному типу, всякая недооценка словообразовательного аспекта исследования может привести к грубым этимологическим ошибкам.

Семантическая сторона этимологического анализа до сих пор остается наименее разработанной. К тому же закономерности, которые проявляются в семантическом развитии слова, не столь последовательны и постоянны, как в области фонетики и словообразования. Вот почему некоторые ученые считают, что именно разработка семантического плана является самой важной в работе этимолога. Без знания семантических закономерностей эта работа может превратиться в оторванное от реальных фактов пустое жонглирование не связанными друг с другом значениями слов.

Таким образом, каждая из трех рассмотренных сторон этимологического исследования является неотъемлемой органической частью подлинно научного анализа. Лишь к о м п л е к с н о е (объединенное) использование всех основных аспектов исследования может привести к надежным результатам в этимологической работе.

Слова, которые окружают нас, не одинаковы. Они имеют различное происхождение, разную историю. В одних случаях этимолог сталкивается с совершенно ясным словом как в фонетическом, так и в словообразовательном отношении. Но его семантика, его значение ставит исследователя в тупик. В других случаях, наоборот, непонятным оказывается фонетический облик или словообразовательная структура слова. Естественно, что «центр тяжести» исследования перемещается во всех этих случаях в ту область, где возникают наиболее серьезные затруднения.

Но в целом, как уже было сказано, лишь учет всех рассмотренных аспектов анализа может обеспечить успешное решение той или иной этимологической задачи.

О слове *кривой*. Старославянское слово *кривъ*, как и соответствующее ему литовское *kreivas* [крéйвас] «кривой», не имеет надежно установленной этимологии. Путь к этимологическим истокам этого слова приходится начинать издалека.

Одним из частных случаев индоевропейского чередования **e* : **o* является чередование этих же гласных в составе дифтонгов **ei* : **oi*. Как видно из таблицы фонетических соответствий, индоевропейское **ei* дает на славянской почве *и*, а **oi* — *ѣ*. Однако в ряде простых именных основ индо-

европейское **oi* не переходит в *ѣ*. В результате, в славянских языках возникло новое чередование типа *бить* (из **bhei-*) : *бой*, *гнить : гной*, *пить : (за)пой* и т. п. От именной основы с гласным *о* могут быть образованы вторичные (так называемые «отыменные») глаголы: *гнить* → *гной* → *гноить*, *пить* → *(за)пой* → *поить*.

В то же время, от простой глагольной основы с гласным *и* могли быть образованы существительные и прилагательные с суффиксом *-в-*: *ви-ть* → *(на-)ви-в-ъ*, *жи-ть* → *жи-в-ъ*, *пи-ть* → *пи-в-о*, *ли-ть* → *(на-)ли-в-ъ* и др. Все эти фонетические и словообразовательные особенности могут быть представлены в виде следующей таблицы, в которой свое естественное место находит и интересующее нас слово *кривъ*:

пои-ть ← *(за-)пой* ← *пи-ти* → *пи-в-о*;
гои-ть ← *(из-)гой*[1] ← *жи-ти* → *жи-в-ъ*;
крои-ть ← *(по-)крой* ← **кри-ти* «резать» → *кри-в-ъ*.

Не будем продолжать далее этого списка, так как в нем окажется слишком много диалектных и устаревших слов, требующих особого объяснения. Отметим, что в таблице приведено только одно реконструированное слово (под звездочкой): **крити* «резать», которое, однако, хорошо «вписывается» в таблицу как в словообразовательном, так и в семантическом отношении (значение «резать» утраченного глагола **крити* перешло к производному, то есть вторичному глаголу *кроить*). Единственное реконструированное слово **крити* является тем звеном, которое, с одной стороны, соединяет в единое целое всю сложную фонетико-словообразовательную модель в третьей строке таблицы, а с другой стороны, проливает свет на этимологию слова *кривъ*. Исходным значением этого слова, если судить по таблице, было значение «срезанный, скошенный», с последующим изменением значения: → «косой, кривой».

Установленная таким образом этимология слова *кривъ* не является чем-то случайным, изолированным также и в отношении его значения. Наш случай входит в надежно засвидетельствованный изосемантический ряд. Сравните, например, индоевропейский корень **skei-* «резать» и восходящее к нему немецкое *schief* [ши:ф] «косой, кривой» или латышские слова *šķibit* [щи́би:т] «рубить, резать» и *šķībs* [щи:бс] «косой,

---

[1] *Гóить* в диалектах русского языка означает «давать жить, заживлять». Слово *изгой* в древнерусском языке означало князя, не имеющего права наследования престола (*изгой* буквально: как бы «выжитый (из рода)»).

кривой», русск. *косить*[1] (траву) и *косой*, литовск. *kirsti* [ки́рьсти] «рубить» и (со вторичным *s*-) *skersomis* [скярсо:ми́с] «косо, искоса». Следовательно, этимология, основанная на приведенной выше фонетико-словообразовательной модели (**кри-ти* «резать» → *кри-в-ъ* «срезанный, скошенный» → «косой, кривой»), оказывается в достаточной мере убедительной также и в семантическом отношении.

Язык и... арифметика. Уже в начальной школе всем нам пришлось познакомиться с решением простейших задач на пропорции: «Два относится к пяти так же, как «икс» относится к пятнадцати ($2:5=x:15$). Чему равен «икс»?» Задачка решается предельно просто: $x=(15\times2):5=6$. Свойства пропорций отражают закономерности реального мира. Поэтому мы в нашей повседневной жизни, в наших рассуждениях постоянно пользуемся закономерностями, которые проявляются в пропорциях. Возьмем самый простой пример. Вы собираетесь перейти через шоссе. Вдали по направлению к вам движется машина. Совершенно интуитивно, даже не подозревая об этом, вы прикидываете: скорость машины относится к моей скорости так же, как расстояние от машины до меня относится к расстоянию x. Искомая величина x — это расстояние, которое вы успеете пройти, пока машина не поравняется с вами. Если к этому моменту вы не успеете перейти шоссе, то вам следует или ускорить шаг, или — еще лучше — подождать, пока пройдет машина. Разумеется, все эти расчеты делаются на глазок и полуосознанно, но в основе ваших интуитивных расчетов лежит правило пропорции.

С подобного же рода явлениями мы встречаемся и в языке. «Петя, ты опять вылез из-за стола. Какой же ты у меня непоседа!» Трехлетний Петя возвращается к столу, чинно усаживается перед своей тарелкой и спрашивает: «Мама, а теперь я уже *поседа*?»

Неважно, что в этом примере ребенок создал слово, которого нет в языке. Важно другое: он уже усвоил модель, лежащую в основе словотворчества. В формуле пропорции его рассуждения могли бы выглядеть примерно так: *нехороший* : *хороший*=*непослушный* : *послушный*=*непоседа* : ... : ...*поседа*. Дети очень часто создают слова, построенные по правильной модели, но отсутствующие в языке или образованные на самом деле иным способом. Однако общая тенден-

[1] Слово, родственное др.-инд. *śasati* [ша́сати] «режет».

ция их словотворчества в принципе не отличается от тех тенденций, которые имели место в истории языка.

Возьмем, к примеру, такой словообразовательный ряд:

ши-ть ⟶ на-ши-в-к-а, ли-ть ⟶ на-ли-в-к-а,
би-ть ⟶ на-би-в-к-а, ви-ть ⟶ на-ви-в-к-а.

Допустим, что какого-то из этих существительных в языке еще нет, но уже возникла необходимость в его создании. Это слово мы можем обозначить как x, а затем, поставив вместо стрелочек знаки отношения, а вместо запятых — знаки равенства, решать пропорциональное уравнение.

Пропорция, аналогия и этимология. Разумеется, наши далекие предки, создавая новые слова, не решали пропорциональных уравнений в буквальном смысле. Но принцип формирования новообразований был тот же самый. В языкознании этот способ создания новых слов стал называться образованием по аналогии[1]. Но если аналогия играла столь значительную роль в истории языка, то опора на аналогию или на пропорциональные ряды должна явиться одним из самых важных методических приемов, которыми руководствуются языковеды в процессе этимологического анализа. Нужно только отметить, что в развитии языка действие аналогии, как правило, проявляется неосознанно, независимо от воли носителей языка. В этимологических же исследованиях реконструкция пропорциональных рядов осуществляется целенаправленно и сознательно.

Выдающийся языковед-теоретик конца XIX — начала XX века Г. Пауль в своей книге «Принципы истории языка» (русский перевод — М., 1960) писал: «Поскольку новообразование по аналогии представляет собой решение пропорционального уравнения, то ясно, что для составления такой пропорции необходимо наличие по крайней мере трех подходящих для этого членов» (стр. 139). Теоретически это, по-видимому, так. Но практически трех членов для этого явно недостаточно. Особенно, когда пропорциональное уравнение решается в этимологическом исследовании. Поясним это положение примером.

Возьмем пропорциональное уравнение с тремя известными и с одним неизвестным членом (типа $a : b = x : c$). Заменим буквенную символику реальным языковым содер-

---

[1] Аналогия в языке — явление более широкое, относящееся не только к формированию новых слов. Но нас здесь интересует именно словообразовательный аспект аналогии.

жанием. Как известно, литературовед, изучающий творчество Пушкина, называется *пушкинистом*. Допустим, что на основании этой модели мы построим пропорциональное уравнение для того, чтобы определить, как называется специалист, изучающий творчество какого-нибудь другого писателя. Например: *пушкинист : Пушкин = x : Данте*. В нашем уравнении — три известных члена, но его решение приводит к абсурду, ибо *дантист* — это, как известно, зубной врач, а не литературовед, специализирующийся в области изучения творчества Данте. Вот почему ссылки на единичную аналогию (с тремя известными членами) не могут считаться в достаточной мере убедительными в этимологическом исследовании. Пропорциональное уравнение должно опираться на целый р я д аналогичных отношений. Только тогда мы можем говорить о надежности той или иной реконструкции или этимологического сопоставления. Так, приведенная выше реконструированная форма **крити* опирается на достаточно пространный пропорциональный ряд словообразовательных отношений: *x : кроити = пити : поити = жити : гоити = = (по)чити*[1] *: (по)коити = гнити : гноити* и т. д.

Форма **крити* — это не результат случайного сопоставления с отдельной изолированной парой слов, а закономерное звено в том словообразовательном ряду, на основе которого эта форма была реконструирована.

***Антимир* и *антилопа*.** К сожалению, наличие пространного пропорционального ряда далеко не всегда может служить надежной гарантией правильности этимологических сопоставлений или реконструкций.

---

[1] Здесь *-чити* из **-кити* — в результате смягчения *к* перед *и* (см. выше — стр. 36—37).

Один польский мальчик заинтересовался происхождением слова *антилопа*. «Я знаю, что такое «анти», но я не знаю, что такое «лопа»[1],— заявил он. Наблюдение мальчика, несмотря на явную ошибочность, очень интересно. Вычленение «слова» *лопа* базируется на решении пропорционального уравнения с достаточно большим количеством членов: *антимир : мир = антитезис : тезис = антитело : : тело = антистрофа : строфа = антициклон : циклон = = . . .=антилопа : лопа.*

На самом деле, слово *антилопа* не содержит в себе греческой приставки *анти-* «против(о)-», постановка этого слова в приведенный ряд и вычленение второго компонента *лопа* представляет собой очевидную ошибку. Но где гарантия того, что в более сложных случаях этимолог не совершит ошибки, принципиально не отличающейся от ошибки польского мальчика?

Такую гарантию нам дает опора не на один пропорциональный ряд (сколь бы длинным он ни был), а на целый комплекс подобных рядов. В случае со словом **крити* наша реконструкция базируется на следующих пропорциональных уравнениях:

а) *х : (по)крой=гнити : гной=...*
б) *х : кроити=пити : поити=...*
в) *х : кривъ=жити : живъ=...*

Каждый из этих рядов, как мы уже видели, может быть продолжен далее. И каждое из приведенных уравнений дает при его решении один и тот же ответ: *х = *крити.* В этом случае трудно предположить, что перед нами всего лишь простая сумма случайных совпадений. Гораздо правдоподобнее считать, что закономерный характер рассмотренных пропорциональных рядов отражает реальные закономерности языка.

***Бракъ*[2] и *мракъ*.** Не правда ли, перед нами два очень похожих слова — как по своему звучанию, так, видимо, и по словообразовательной структуре. Однако это первое впечатление ошибочно. Старославянское слово *бракъ* было образовано с помощью суффикса *-к-* от глагола *брати* (ср. русск. *брать в жены* или украинск. *побрáлися* «поженились»).

---

[1] К. Паустовский. Третье свидание. «Новый мир», 1963, № 6, стр. 96—97.

[2] Речь здесь будет идти не о германском заимствовании *брак* «изъян», а об исконном славянском слове *брак* «супружество».

Аналогичную словообразовательную модель мы имеем в случае др.-русск. *знати* «отличать, замечать» → *знакъ*.

Если предположить, что к этому же типу относится слово *мракъ*, то мы должны были бы найти в старославянском или древнерусском языке глагол **мрати*. Однако никаких следов подобного глагола не сохранилось ни в одном славянском языке. Ничего не дают нам в этом отношении и родственные индоевропейские языки.

Несколько иная словообразовательная модель нашла отражение в древнерусском слове старославянского происхождения *зракъ* «вид» (ср. также русск. *призрак*, *зорок*, *зрачок*). Здесь, наряду с наличием суффикса *-к-*, мы встречаемся и со знакомым уже нам чередованием *e/o* в корне: *зрѣ-ти* (из **zer-ti*) → *зра-к-ъ* (из **zor-k-ъ*). Однако и в этом случае мы не находим никаких надежных аналогий для слова *мракъ*.

Остается еще одна модель: **velk-ti* (→ др.-русск. *влѣчи*, русск. *влечь*) → **volk-ъ* (→ *волок*); **rek-ti* (→ др.-русск. *речи* «говорить, сказать») → **rok-ъ* (ср. русск. *про-рок*). В обоих этих случаях *-к-* уже не является суффиксом, а входит в состав корня. Во всех предыдущих примерах глаголы никакого *-к-* не имели. Здесь же левый ряд относится к правому так же, как и в случае *везу : воз* (чередование *e/o*), а *-к-* входит в состав как глагольного (слева), так и именного (справа) корня.

Если допустить, что слово *мракъ* относится к последнему словообразовательному типу, то мы должны считать его заимствованием из старославянского языка. Поскольку одна из особенностей, типичных для отношения старославянизмов к исконным русским словам, хорошо известна (*врагъ* — *ворогъ*, *градъ* — *городъ*, *прахъ* — *порохъ* и т. п.), мы можем восстановить праславянскую форму **morkъ*, которая закономерно дает старославянское *мракъ* и русское диалектное *морок* «мрак, мгла» (ср. *об-морок* как «потемнение сознания»). Производным от *морок* является слово *морочить* (буквально: «темнить, затемнять»).

Используя аналогию со словом *волок*, мы можем составить следующее пропорциональное уравнение для решения вопроса об этимологии слов *мрак* и *морок*: **velk-ti : волок* = = *x : морок*. Нетрудно определить, что *x* = **merk-ti*. Однако если первая реконструированная форма **velk-ti* закономерно отражается в виде древнерусского *влѣчи (влечь)*[1], то

[1] Сравните также русское *влеку* и литовское *velku* [вялку́] «тащу, волочу».

простой глагол **merk-ti** в славянских языках не сохранился. И здесь нам на помощь опять приходит литовский язык, в котором сохранился глагол, полностью совпадающий с реконструированным праславянским словом: литовск. *merkti* [мя́рькти] «закрывать веками, жмурить (глаза)».

Следовательно, сравнение литовского слова *merkti* и русских слов *морок* и *мрак* позволяет говорить о наличии этимологической и смысловой связи между ними. Из этого сравнения можно сделать вывод о том, что этимологически *мрак* представляет собой субъективное восприятие тьмы как ощущения человека с закрытыми глазами. Эта связь между понятиями «закрывать глаза» и «тьма, мрак» могла поддерживаться и обратным впечатлением: закрывая глаза, человек как бы «выключал» зрительный образ окружающего мира, словно погружаясь при этом во мрак, в темноту.

О том, что всё это не оторванные от реальной жизни общие рассуждения, свидетельствуют факты самого языка. Так, родственными литовскому глаголу *merkti* являются такие русские слова, как *су-мерк-и*, *с-мерк-ать(ся)*, *мерк-ну-ть*. Древнерусское *меркнути* означало «темнеть, смеркаться», а в ряде родственных славянских языков соответствующее слово имеет значение «мигать». Да и сам литовский глагол *merkti* означает не только «закрывать глаза», но (в возвратной форме) также «гаснуть, темнеть (о свече, солнце и т. д.)».

***Зракъ* и *злакъ*.** Этимология древнерусского слова *зракъ* «вид», как мы уже убедились, особых затруднений не представляет. Сложнее обстоят дела в случае со словом *злакъ*. Ни модель *зна-ти* → *зна-к-ъ*, ни **merk-ti* → *мрак-ъ* здесь не подходит. Иное дело, если мы наше пропорциональное уравнение построим на основе аналогии со словом *зракъ*: *zer-ti* (→ *зрѣти*) : **zor-k-ъ* (→ *зракъ*) = *x* : **zol-k-ъ* (→ *злакъ*). Решение этого уравнения очевидно: *x* = **zel-ti*. Впрочем, на первый взгляд, пользы из этого решения мы не извлекли никакой, ибо в славянских языках нет никаких следов реконструированного нами глагола.

Но обратимся (в который уже раз!) к литовскому языку. Поскольку славянскому *з* в литовском будет соответствовать *ž* (см. таблицу соответствий), мы ожидаем встретить здесь и действительно находим глагол *želti* [жя́льти][1], ко-

[1] Читатель уже, вероятно, заметил, что те праславянские слова, которые в этимологических реконструкциях даются под звездочкой,

торый имеет значение «расти, произрастать». Производными этого глагола являются такие литовские слова, как *želmuo* [жялі̇́му́о] «росток», *želmenys* [жя́льмяни:с] «посевы», а с другим гласным в корне — *žole* [жоле́:] «трава». В русском языке словами с «растительной» этимологией (то есть связанными с глаголом, означающим «расти, произрастать»), помимо слова *злак*, являются также *зелье*[1] и *зелень*. Древность этих слов и их значений подтверждается такими индоевропейскими соответствиями, как латинское слово *helus*, *(h)olus* [хе́лус, (х)о́лус] «зелень, овощи» или фригийское *zelkia* [зе́лкиа] «овощи».

Наконец, следует добавить, что по названию растений в языке очень часто даются обозначения различных цветов и цветовых оттенков: *вишневый*, *малиновый*, *сиреневый*, *оранжевый* (ср. франц. *orange* [ора́нж] «апельсин»), *лимонный* и т. п. Русское прилагательное *зеленый* и литовское *žalias* [жа́ляс] «зеленый» с этимологической точки зрения означают цвет растущей травы, кустов и деревьев. Аналогичное семантическое развитие имело место и в случае с англ. *to grow* [ту гро́у] «расти, произрастать» и *green* [гри:н] «зеленый», где цветовое обозначение также было основано на абстрагировании одного из внешних признаков растения.

* * *

Итак, мы убедились, что аналогия играет очень важную роль в истории языка. Действие аналогии здесь основано на тех же общих принципах, что и решение пропорционального уравнения. Вот почему этимологам в своих реконструкциях постоянно приходится, вскрывая древнейшие этапы развития языка, решать задачи, подобные тем, которые в свое время все мы решали на уроках арифметики. Разумеется, этимологические задачи гораздо труднее несложных пропорциональных уравнений. Число неизвестных в этих задачах обычно не сводится к одному лишь «иксу»: здесь будет и «игрек», и «зет», и целый ряд других неизвестных. Рассмотренные нами примеры лишь в самых общих чертах

довольно часто обнаруживаются в современном литовском языке. Строй этого языка настолько архаичен, что болгарский академик В. Георгиев высказал по этому поводу, казалось бы, совершенно парадоксальную мысль: поскольку мы не располагаем непосредственными данными праславянского языка, их место в исследованиях, в отдельных случаях, могут заменить данные... литовского языка. Некоторые из рассмотренных нами примеров подтверждают эту мысль болгарского ученого.

[1] В разных славянских языках это слово имеет «родственников» с различными значениями: «трава», «зелень», «злак», «капуста», «щавель».

иллюстрировали схему решения подобного рода этимологических задач.

И в заключение отметим, что каждый пример на пропорциональное уравнение в задачнике по арифметике может быть решен если не учеником, то учителем. Что же касается этимологических задач, то многие из них до сих пор остаются нерешенными. Таких задач без ответа можно немало найти в любом этимологическом словаре любого языка.

Глава десятая

НЕСКОЛЬКО НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ ЭТИМОЛОГИЙ

Если бы все анализируемые слова входили в определенные, причем хорошо известные типовые системы фонетических, словообразовательных и семантических изменений, то в работе этимологов, пожалуй, не было бы почти никаких трудностей. К сожалению, однако, каждая из этих систем подверглась в языке весьма существенным преобразованиям. Кроме того, существует немало слов, возникновение которых вообще не связано с той или иной системой.

Приведем несколько примеров с такими словами, происхождение которых не позволяет отнести их к какой-либо из рассмотренных нами систем типовых изменений.

Президент Джексон создает новое слово. Всякий, кому приходилось изучать английский язык, знает, как трудно усвоить его орфографию.

В английском языке возможны такие случаи, когда слова, написанные по-разному, произносятся одинаково. Например, *right* «правильный» и *rite* «обряд» имеют одно и то же произношение: [райт]. И наоборот, два совершенно одинаково написанных слова могут произноситься различно: *read* «читаю» произносится [ри:д], а *read* «читал» [ред]. Нередко фонетический облик претерпевает столь существенные изменения, что от реального «буквенного» содержания написанного слова в его произношении почти ничего не остается. Так, слово *nature* «природа» по-английски произносится [не́йче]. Одной и той же буквой *a* в английском языке могут обозначаться (в зависимости от ее положения в слове) весьма различные звуки: [а], [о], [эй] и другие. Всё это создает серьезные трудности при усвоении английской орфографии. Расхождения между написанием и про-

изношением английских слов часто бывают столь существенными, что в шутку даже говорят: «Если по-английски написано *Манчестер*, то читать следует *Ливерпуль*».

Президент Соединенных Штатов Америки Джексон, живший более ста лет тому назад, предпочитал писать английские слова так, как они слышатся. Об этом можно судить по следующему рассказу, который обычно выдается за быль.

Как-то президенту принесли бумагу на подпись. Ознакомившись с документом, он одобрил его, сказав при этом: «All correct!» [ол корéкт] «все в порядке!» или «все верно». В качестве своей резолюции президент написал эти слова на документе, но написал он их в сокращенном виде. По правилам английской орфографии сокращение это должно было бы иметь форму A. C. (all correct). Но президент Джексон написал не те буквы, которые требовались нормами орфографии, а те, которые соответствовали произношению слов: *O. K.* Поскольку последняя буква *(к)* называется в английском алфавите *кау* [кэй], резолюция президента была прочтена: *okay* [оу кэй]. Так с помощью президента Джексона в английском языке возникло новое, весьма популярное в настоящее время слово: *okay* «все в порядке!».

Шантрапа. Однако слова, обязанные своим появлением непониманию, могли возникнуть не только в такой исключительной ситуации, как в случае со словом *о'кей.*

Возьмите, например, такое бранно-просторечное и совсем уж не «экзотическое» слово, как *шантрапа*. Слово это также возникло как результат непонимания. Но для того чтобы уяснить себе происхождение слова *шантрапа*, нам нужно мысленно перенестись в русскую деревню, когда там еще господствовало крепостное право.

Скучающий помещик решил создать хор и поручил гувернеру-французу отобрать из своих крестьян подходящих певцов. По велению старосты со всех сторон к барскому дому стал стекаться народ. Француз по очереди выслушивал экзаменующихся. Успешно выдержавших экзамен он

направлял на веранду, где писарь вносил их в списки хористов. Но большинство кандидатов не выдерживало экзамена. Прослушав очередного такого неудачника, француз говорил: *ne chantera pas* [не шантра́ па́] «(этот) не будет петь» и жестом указывал в сторону, где, переминаясь с ноги на ногу, уже стояла изрядная толпа забракованных певцов. Слова *ne chantera pas* повторялись во время этого экзамена десятки раз. И когда староста, подойдя к барскому дому, увидел толпу и спросил, записаны ли они в хор, один из крестьян, хотевший показать, что «и мы не лыком шиты», ввернул в ответ непонятное выражение: «Не! Шантрапа!»

— А ну, шантрапа, проваливай на работу! — крикнул староста. И вот появилось в русском языке новое бранное словечко, обозначающее бездельников, ни к чему не пригодных людей.

Монтевидео. О происхождении названия этого южноамериканского города существует интересная легенда.

Каравеллы Магеллана, отправившегося в кругосветное путешествие, медленно продвигались вдоль побережья Южной Америки. Земля долгое время была скрыта за горизонтом. Вдруг один из матросов, напряженно вглядывавшийся туда, где должна быть земля, громко закричал: «Monte vide eu!» [мо́нте ви́дже э́у] «я вижу гору!»

Согласно другому варианту легенды, слова «я вижу гору» произнес по-латыни находившийся на каравелле испанский монах: *montem video* [мо́нтем ви́део]. Это была гора Сьерро. Именно здесь позднее был основан город Монтевидео, получивший свое название, согласно легенде, в память о радостном восклицании матроса или монаха.

Но легенда — это только легенда. Исследования историков показали, что название города Монтевидео возникло, быть может, иным — гораздо более прозаическим путем. Первые мореплаватели, достигавшие на своих хрупких каравеллах побережья Южной Америки, имели обыкновение составлять довольно примитивные географические карты. На этих картах все горы, холмы и возвышенности, не имевшие еще у мореплавателей особых названий, обозначались римскими цифрами I, II, III, IV и т. д., считая с запада или с востока.

На таких картах и в судовых журналах гора Сьерро, где в настоящее время находится город Монтевидео, была обозначена порядковым номером «шесть»: *MONTE VI DE O.* Полностью эта запись по-испански означает: *monte sexto*

de oeste [мóнте сéксто де оэ́сте], то есть «шестая гора с запада». В результате прочтения римской цифры *VI* как *vi* [ви] и возникло будущее название столицы Уругвая: *MONTEVIDEO* — *Монтевидео*. Впрочем, и это объяснение не более чем гипотеза.

В каких падежах стоят слова *кворум* и *ребус?* Толковые словари говорят о том, что *кворум* — это «минимальное число присутствующих на собрании, необходимое для того, чтобы сделать его правомочным».

Слово *кворум* — латинское по своему происхождению. Оно представляет собой форму родительного падежа множественного числа от местоимения *qui* [кви:] «который» и буквально означает «которых». Что же это за странная этимология?

С давних пор в английском парламенте существовал обычай — открывать его заседание словами председательствующего на латинском языке. В этом вступительном слове говорилось, что члены парламента, число которых достаточно для того, чтобы собрание было правомочным, могут приступить к работе. От первого слова в латинском выражении *q u o r u m* *praesentia sufficit* [квóрум презéнциа сýффицит] «коих (или которых) присутствие достаточно» и берет начало наше современное русское слово *кворум*.

Случаи, когда формы косвенных падежей превращаются при заимствовании в именительный падеж, не так уж редки в истории языка. Так, слово *ребус* является застывшей формой творительного падежа множественного числа от латинского существительного *res* [ре:с] «вещь, предмет; дело». Буквальное значение латинского *rebus*: «вещами, предметами». И действительно, *ребус* — это загадка, в которой загаданное слово или предложение передается п р е д м е т а м и или в е щ а м и (точнее, их рисунками).

Окончание, ставшее словом. То же самое окончание *-бус*, с которым мы встретились у слова *ребус*, можно выделить также в слове *омнибус*, которым раньше обозначалась большая, запряженная лошадьми, карета для перевозки пассажиров.

Латинское слово *omnis* [óмнис] «весь, всякий» в дательном падеже[1] множественного числа имело форму *omnibus*

---

[1] В латинском языке окончания дательного и творительного падежа во множественном числе всегда совпадали.

[о́мнибус] — что означает «всем» или «для всех». *Омнибус*— это карета, которая, в отличие от частных экипажей, предназначалась для общего пользования, «для всех».

Когда в самом начале XX века лошади на улицах больших городов были вытеснены автомобилями, древнее латинское окончание *-бус* в виде словообразовательного суффикса перекочевало в *автобус*, а еще позднее — в *троллейбус*.

Проникнув в слова, обозначающие различные средства передвижения — от устаревшего *омнибуса* до *троллейбуса* — «окончание» *-бус* повело себя «агрессивно»: оно вытеснило в английском языке основную часть слов *omnibus* и *autobus* и появилось в качестве самостоятельного слова *bus*, которое стало означать «омнибус», «автобус», «автомобиль» и даже «пассажирский самолет».

Города и предлоги. Несколько столетий тому назад турки захватили богатый греческий город Константинополь. Они редко слышали от греков название этого города. Но зато им очень часто приходилось слышать слова: *eis tēn poli(n)* [ис тим бо́ли] или *eis tan poli(n)* [ис там бо́ли] — что по-гречески значит: «в город». Турки приняли эти слова за название города. Таким образом древний Константинополь стал называться *Стамбулом* (из *Истамболи*).

Не нужно думать, что приведенный случай представляет собой какое-то исключительное явление. Греческий предлог и артикль сливался не только со словом *polis* «город», но и с названиями городов и островов. В диалектах греческого языка остров Кос, например, называется *Stanko* [Станко́:]. Это название возникло в результате слияния уже знакомого нам предлога «в» (в диалектной форме *es*), артикля и... старого названия острова: *(e)s tan Kō*, где *Kō* представляет собой форму винительного падежа от *Kōs*.

Подобного рода «метаморфозы» происходят не только с греческими городами и островами. Когда английский путешественник Ричард Джемс посетил в 1618—1619 году Россию, он записал в своем дневнике название города Пскова в форме *Вопсков*. Не нужно думать, что это — результат непонимания иностранцем русского слова. Форма *Вопсков* возникла в диалектах русского языка, и Ричард Джемс точно воспроизвел ее в своих записях как форму именительного падежа без предлога. Прямо противоположное явление в диалектах русского языка — это отбрасывание начального *В-* у названий городов, так как это *В-* воспри-

нимается как предлог. Именно таким образом *Варшава* в русских диалектах превратилась в *Аршаву*.

Таким образом, перед нами не единичные примеры, а распространенное явление, которое в языкознании называется п е р е р а з л о ж е н и е м (о чем речь у нас пойдет в одной из последующих глав). Вот почему ошибочным является предположение, высказанное в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова (М., 1966), о том, что этимология *eis tēn poli(n)* → *Стамбул* — это якобы «обычный топонимический анекдот»[1].

Интересно отметить, что большая часть рассмотренных на последних страницах слов исторически представляет собой различные формы косвенных падежей: *кворум* — от латинского *quorum* (родительный падеж); *омнибус* — от латинского *omnibus* (дательный падеж); *Стамбул* — от греческого *eis tēn polin* (винительный падеж с предлогом); *ребус* — от латинского *rebus* (творительный падеж).

***Тинэйджеры* и *лимонад*.** В тринадцать лет человек — еще ребенок (хотя не все тринадцатилетние согласятся с этим). В девятнадцать лет мы уже имеем дело, в общем, со взрослым человеком. Ни в одном языке, кроме английского, нет специального слова, которым обозначался бы возраст человека от тринадцати до девятнадцати лет. Появление такого слова в английском языке имеет довольно любопытную историю.

Все английские числительные от 13 до 19 оканчиваются на *-teen* [ти:н]: 13 — *thirteen*, 14 — *fourteen*, 15 — *fifteen*, 16 — *sixteen*, 17 — *seventeen*, 18 — *eighteen*, 19 — *nineteen*. Второй составной элемент этих числительных — *-teen* — был выделен в самостоятельное слово, причем к нему было присоединено обычное в английском языке окончание множественного числа *-s*. Так возникло совершенно новое английское слово *teens* [ти:нз], обозначающее молодых людей в возрасте от 13 до 19 лет.

Нечто подобное мы встречаем и в русском языке, когда в ответ на вопрос о возрасте своего далеко не молодого знакомого слышим ироническое: *-надцать*. Разница здесь, правда, в том, что «слово» *надцать* не приобрело в русском языке самостоятельного значения, в то время как английское слово *teens* получило все права гражданства и его можно

---

[1] Кстати, в этом словаре греческие слова переведены неверно («из города» вместо правильного: «в город»).

найти в любом более или менее подробном словаре английского языка. Сравните также появившееся в последние годы в нашей прессе новое слово *тинэйджеры* — от английского *-teen* и *age* [эйдж] «возраст». Этим словом обозначается молодежь в возрасте до 20 лет в странах Запада.

В случаях с английскими словами *bus* и *teens* мы столкнулись с любопытным явлением, когда конечная часть слова приобретает «независимость» и начинает свое самостоятельное существование. Это явление особенно, пожалуй, типично для современного английского языка. Наряду с уже рассмотренными примерами можно привести еще один любопытный случай из английского языка США.

Have you some ade [хэв ю: сам эйд]? — «Нет ли у вас чего-нибудь прохладительного?» Последнее слово этой фразы вы напрасно будете искать в этимологических словарях английского языка, так как появилось оно в языке совсем недавно. Истоки этого нового английского слова находятся.... во Франции. Французские названия прохладительных напитков *limonade* [лимона́д], *citronnade* [ситрона́д], «лимонный напиток» и *orangeade* [оранжа́д] «апельсиновый напиток» были заимствованы английским языком, а в его американском варианте из всех этих «прохладительных» слов было извлечено самостоятельное словечко *ade* с общим значением: «прохладительный напиток».

Кстати, любопытная судьба у французского слова *citronnade*. Первая его половина проникла в русский язык в форме *ситро*, а вторая в английском языке США превратилась в *ade* с тем же значением: «фруктовый прохладительный напиток».

*

***Нейлон* и *лавсан*.** Синтетические материалы появились в текстильной промышленности сравнительно недавно. Пока не было нейлона, естественно, не было и слова для обозначения этого вида искусственного волокна. Но вот одна английская фирма начала выпускать новое синтетическое волокно, которое пока еще не имело никакого названия. Как же назвать этот новый вид продукции? И вот фирма объявляет... конкурс на лучшее название для выпускаемого ею волокна. На конкурс было представлено 350 слов. Победа была присуждена слову *nylon* [на́йлэн] «нейлон». С тех пор (конец 20-х годов XX века) это слово вместе с новым синтетическим материалом быстро распространилось по всему земному шару.

В ряду таких современных «синтетических» названий,

как *нейлон*, *капрон*, *поролон* и т. п., вполне в духе эпохи звучит и слово *лавсан*. История возникновения этого слова совсем особая. Название этому новому виду синтетического волокна было дано по имени той лаборатории, где это волокно было впервые получено. Слово *лавсан* представлет собой сокращение от названия: ***Ла**боратория **в**ысокомолекулярных **с**оединений **А**кадемии **Н**аук* (СССР).

О правилах и исключениях. Итак, мы рассмотрели этимологии целого ряда слов: *кворум* и *ребус*, *Монтевидео* и *Стамбул*, *нейлон* и *лавсан*... Чем эти этимологии отличаются от этимологий, изложенных в предшествующих главах? Прежде всего, они отличаются известной неповторимостью, своей характерной «нестандартностью». В самом деле, попробуйте представить себе условия, которые полностью повторяли бы ситуацию, возникшую при рождении американского слова *okay*. Эта ситуация слишком «нестандартна» для того, чтобы она могла повториться. А если бы она и повторилась, то еще неизвестно, получило ли бы в языке права гражданства то новое слово, которое могло возникнуть в подобной ситуации.

Ни одно из рассмотренных нами слов не входит в какой-либо ряд словообразовательных «стандартов», не наблюдаем мы у этих слов и каких-нибудь типичных семантических изменений. Короче говоря, перед нами — этимологии-«одиночки», отражающие своеобразную и неповторимую картину возникновения слов.

Этимологи в своей исследовательской работе постоянно помнят, что далеко не все слова в языке должны быть обязательно отнесены к тому или иному фонетическому, словообразовательному или семантическому «штампу». Возникновение слова и его жизнь — это слишком сложный процесс, который отнюдь не всегда укладывается в прокрустово ложе заранее заготовленных схем и шаблонов. «Нешаблонные» этимологии слов *кворум*, *омнибус*, *шантрапа*, *лавсан* и других — лучшее тому свидетельство.

Значит ли это, однако, что рассмотренные нами фонетические, словообразовательные и семантические закономерности в какой-то мере утрачивают свое значение в работе этимолога? Конечно, нет! Наука в первую очередь должна иметь дело с закономерностями. Как говорится, нет правила без исключений, но всякое исключение лишь подтверждает правило. В данной главе мы столкнулись с этимологиями, которые являются своего рода «исключениями». А «правила» —

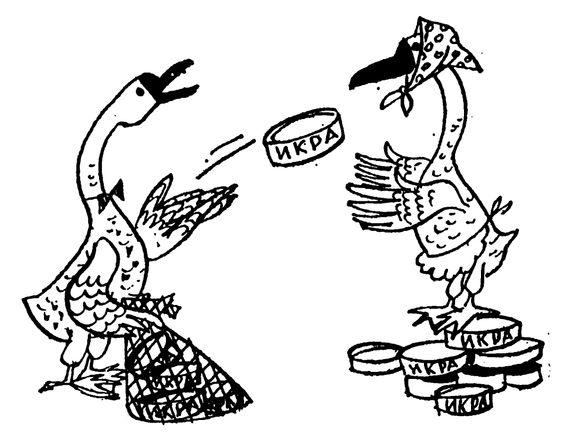
это этимологии, связанные с тщательным фонетическим, словообразовательным и семантическим анализом исследуемого слова. И именно в этом направлении обычно бывают сосредоточены главные усилия ученых-этимологов.

Глава одиннадцатая

СЛОВА И ВЕЩИ

До сих пор речь у нас шла о родстве языков, а также о фонетике, словообразовании и семантике, то есть о вопросах сугубо лингвистического характера. Но этимологи вынуждены постоянно сталкиваться в своей работе с такими проблемами и вопросами, которые нередко весьма далеко отстоят от лингвистики. Одна из таких проблем известна в этимологической литературе под названием «слова и вещи».

О брюкве, растущей на дереве. «Тыква — единственная съедобная разновидность семейства апельсиновых, произрастающая на севере, если не считать гороха...» Эти и другие подобного же рода полезные агрономические сведения встретили однажды в газетной статье ошеломленные американские фермеры. Действие происходило... в юмористическом рассказе Марка Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету». В той же газетной статье автор ее писал о посеве гречневых блинов, о брюкве, растущей на дереве, о гусаках, которые в жаркую пору года начинают метать икру, и о прочих столь же любопытных вещах.

Чтобы не оказаться в печальном положении незадачливого редактора сельскохозяйственной газеты, этимолог должен знать не только закономерности, связанные с изменением звуков или с особенностями образования и изменения слов. Иначе говоря, он не может ограничиться только теми знаниями, которые непосредственно связаны с языком. Для того чтобы писать о происхождении слова, нужно иметь достаточно ясное представление о том предмете, который данным словом обозначается. В противном случае чисто «бумажное» исследование, оторванное от реальных фактов, легко может привести к появлению своего рода этимологической брюквы, произрастающей на дереве.

В самом деле, вспомните приведенный выше пример с мнимым происхождением слова *выдра* от *выдрать* (шерсть).

Правда, случай с *выдрой* не относится к числу этимологий, признанных специалистами-языковедами. Но бывает и так, что даже специалисты-этимологи испытывают затруднения, когда дело касается не слов, а обозначаемых ими предметов. Взять хотя бы следующий пример.

Покрывался ли стог? Русское слово *стог* и соответствующие ему слова в других славянских языках некоторые ученые сопоставили с древнегреческим *stegō* [сте́го:] «покрываю», с литовским *stogas* [сто́:гас] «крыша» и с целым рядом других родственных индоевропейских слов.

В фонетическом отношении эта этимология не может вызывать никаких сомнений: сравниваемые слова совпадают между собой буквально «звук в звук». Древнегреческое *stegō* относится к русскому *стог* так же, как, например, латинское *tego* [те́го:] «покрываю» относится к *toga* [то́га] «тога» (буквально: «покров»). Различие между гласным *е* в корне глагола и гласным *о* в корне существительного является одной из наиболее типичных (и уже знакомых нам) особенностей образования слов в различных индоевропейских языках. Сравните, например, в русском языке:

везу — воз, *беру — (на) бор*,
теку — (по) ток, *несу — ноша*,
гребу — (су) гроб, *бреду — брод* и т. д.

Казалось бы, всё получается хорошо: и звуковые соответствия соблюдены, и словообразовательные закономерности совпадают с хорошо известными языковыми фактами. Да и смысл получается неплохой: *стог* — это не просто

куча сена или необмолоченного хлеба, а куча сена (хлеба), покрытая от дождя. Подобно тому как *ноша* — это «нечто несомое», *набор* — «нечто набранное», *сугроб* — «сгребенное», «сгребенный (снег)», так и *стог* означал: «покрытое (сено)», «покрытый (хлеб)».

Но давайте заглянем теперь в этимологический словарь чешского и словацкого языков, написанный выдающимся чехословацким лингвистом Вацлавом Махеком. Перу этого ученого принадлежит большое количество работ, в которых изложено немало новых, обычно очень интересных этимологий. Много внимания В. Махек всегда уделял реальной стороне этимологии, в его словаре нередко приводятся рисунки, воспроизводящие те предметы, о которых пишет автор. Поэтому, когда В. Махек, возражая против изложенной этимологии слова *стог*, пишет, что «стог никогда не покрывается», с его замечанием нельзя не считаться.

Возражение В. Махека относится не к лингвистической стороне вопроса, но тем не менее если бы оно оказалось верным, то вся приведенная выше стройная аргументация оказалась бы весьма основательно поколебленной. Однако в данном случае В. Махек ошибся. Дело в том, что стог сена или необмолоченного хлеба не всегда покрывается сверху от дождя. Возможно, что в тех сельских местностях, в которых приходилось бывать чехословацкому ученому, стога, действительно, не покрываются. Но в многочисленных русских деревнях можно убедиться воочию, что этимология **stego* «покрываю» → *стог* «покрытое (сено, хлеб)» подтверждается не только чисто лингвистическими аргументами.

Пример со словом *стог* самым убедительным образом показывает, сколь важное значение при установлении происхождения слова могут иметь факты внеязыковые — факты реальной действительности.

Языковеды и историки. Известный польский этимолог А. Брюкнер как-то сказал, что одно слово историка может сразу же свести на нет весьма пространные и детально аргументированные доводы лингвиста. В этом высказывании заключена значительная доля истины, но... не вся истина. Нередки случаи, когда, наоборот, языковед поправляет историка.

Знаменитый римский полководец, политический деятель и историк Гай Юлий Цезарь писал, что «германцы не занимаются земледелием». А вот исследования языковедов показали, что в древних германских языках существовали слова

со значениями «пахать», «сеять», «зерно», «колос», «ячмень», «борона» и другие. Причем эти слова не могли возникнуть в германских языках после того времени, когда жил Цезарь (I век до н. э.), потому что все они имеют надежные соответствия в родственных индоевропейских языках. Не могли эти слова и быть заимствованными из других языков, ибо по своему звуковому составу они являются исконно германскими словами.

Следовательно, остается предположить, что Юлий Цезарь, встречавшийся с германцами почти исключительно на поле битвы, не был достаточно хорошо осведомлен о развитии земледелия у германцев. Тем более, что сталкиваться ему приходилось далеко не со всеми германскими племенами.

Неистощимая скотница. Таким образом, отношения между словами и вещами не являются отношениями односторонними. Не только знание вещей помогает надежнее проследить пути возникновения и развития соответствующих слов, но и, наоборот, знание слов и особенностей их развития позволяет по-новому осветить историю отдельных вещей и событий.

Рассмотрим еще один подобного рода пример — на материале более нам близком, чем Юлий Цезарь и германцы.

В одном из памятников древнерусской письменности можно найти такое место: «Но скотница твоя... не скудна есть и неистощима, раздаваема и не оскудеваема». Если исходить из современных нам значений слова *скотница* — а) «работница, ухаживающая за скотом» и б) «помещение для скота»,— то приведенный отрывок будет звучать по меньшей мере странно. И даже когда мы узнаем, что в древнерусском языке слово *скот(ь)ница* значило «казна, казнохранилище», у нас все равно останется чувство неудовлетворенности: а при чем же здесь все-таки скот?

Дело же здесь в том, что в древнерусском языке слово *скот*, наряду с его современным значением, имело также значение «деньги, имущество». Что это — случайное совпадение? Оказывается, нет. Понятия «скот» и «деньги, имущество» этимологически связаны между собой во многих языках. Так, древнефризское[1] слово *sket* [скет] означало

---

[1] Древнефризский — один из древних германских языков.

и «скот», и «деньги», латинское *pecu* [пéку] — «скот», а производное от него *pecunia* [пекý:ниа] — «деньги, имущество», древнеанглийское *feoh* [фéох] значило и «скот», и «имущество, деньги».

Не будем останавливаться на других случаях подобного же рода. Уже из приведенных примеров ясно, что понятия «скот» и «имущество, деньги» в истории языка были неразрывно между собой связаны. Причем, как это видно, например, из латинских слов *pecu* и *pecunia*, понятие «деньги, имущество» является производным, вторичным по отношению к понятию «скот».

В данном случае не языковые факты опираются на анализ фактов исторических, а, наоборот, свидетельства языка проливают свет на культурно-исторические отношения древних индоевропейских племен, когда скот служил средством обмена («скот» → «деньги») и был главным достоянием человека («скот» = «имущество»).

О плетеных стенах. Однако чаще все-таки изучение реалий помогает изучению языка, а не наоборот. Особенно большое значение вопросам, связанным с изучением вещей, придавал немецкий языковед Р. Мерингер, заявивший в одной из своих работ, что «без исследования вещей не может быть никакого исследования слов». Им была написана большая серия статей под общим заголовком «Слова и вещи» («Wörter und Sachen»). Среди многочисленных этимологий этого ученого наиболее удачным является его исследование, посвященное происхождению немецкого слова *Wand* [ванд] «стена».

Р. Мерингер проанализировал большое количество археологического, исторического и этнографического материала и пришел к выводу, что одним из наиболее распространенных типов стены у многих народов был плетень. Это позволило ему связать происхождение слова *Wand* «стена» с немецким глаголом *winden* [ви́нден] «извивать, плести».

Правдоподобность объяснения Р. Мерингера может быть подтверждена такими примерами, как русское слово *плетень* (к *плести*), а также — родственные ему древнерусские слова *плетъ*, *плетина*, *плотъ* «ограда», *оплотъ* «ограда, стена, забор» (сравните современное русское слово *оплот* «надежная защита, опора»). Такое же происхождение имеет литовское слово *siena* [си́ена] «стена» — к *sieti* [си́ети] «связывать», монгольское *хэ́рэм* «стена» — к *хэ́рэх* «сплетать» и ряд других слов в самых различных языках мира.

Выдалбливалась ли колода? Уже упомянутый нами выше чешский языковед В. Махек как-то заявил, что славянское слово **kolda* (→ русск. *колода*) никогда и нигде не обозначало выдолбленного, полого изнутри пня (обрубка дерева). Так ли это на самом деле?

В. И. Даль в своем знаменитом четырехтомном «Толковом словаре живого великорусского языка» перечисляет (наряду с некоторыми другими) следующие значения слова *колода*: 1) «большое корыто грубой обделки» (водопойная колода); 2) «кружка» (деревянная); 3) «долбленый челн»; 4) «долбленый гроб»; 5) «цельный долбленый улей».

Все перечисленные значения слова *колода* говорят о предметах, выдолбленных из дерева. А это дает возможность сопоставить рассматриваемое слово с литовским глаголом *kalti* [ка́льти] «выдалбливать» (литовское *а*, как мы знаем, соответствует славянскому *о*). Приведенное литовское слово позволяет предполагать, что глагол *колю*, *колоть*, кроме значений «раскалывать, расщеплять» (*колоть сахар*, *орехи; колоть дрова*), «прокалывать» (*колоть иглой*) и «убивать» (*колоть свиней*), имел когда-то еще и значение «выдалбливать», совпадающее со значением литовского глагола.

В смысловом отношении слово *колода* «(выдолбленное) корыто, кружка, улей, лодка» можно сравнить с такими записанными у В. И. Даля словами, как *долбу́ша*, *долблёнка* «долбленая чашка, корытце» и «долбленый улей», *долбу́шка*, *до́лбанец* «лодка-однодревка, челн».

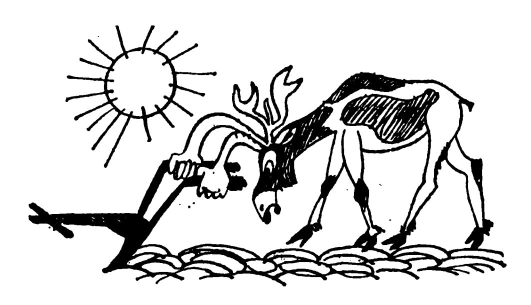
Таким образом, и в случае с *колодой* сами вещи помогают установить происхождение своего названия.

Лоси- «пахари». Многие, очевидно, знают, что у лося есть и еще одно название: *сохатый*. Почему же именно *сохатый*? Попробуем выяснить происхождение этого слова.

Хорошо известно, что в русском языке слова на *-атый* составляют весьма своеобразную группу: *бородатый* человек — это человек с бородой, *горбатый* — с горбом, *хвостатый* зверь — зверь с хвостом и т. д.

Есть у этой группы слов и одна маленькая особенность. Что такое, например, *носатый* человек? Это не просто человек с носом, а человек с большим носом; конечная часть слова — *-атый* — придает ему несколько иной оттенок значения сравнительно с такими словами, как *бородатый* или *горбатый*.

Таким образом получается, что *сохатый* — это зверь с сохой или с большой сохой. Но ведь *соха* — это сельско-

хозяйственное орудие, которым раньше пахали землю. И сейчас лемех, или часть плуга, подрезающая снизу пласт земли, называется *сошником*. Готское слово *hoha* [хó:ха], родственное русскому слову *соха*, также имело значение «плуг».

Но для чего же лосю понадобилась соха — не землю же пахать?! И здесь опять на помощь этимологу приходит сам предмет, обозначаемый этим словом. Древнейшая соха представляла собой большой развилистый сук или ветвь дерева. Один конец сохи заострялся и обжигался для большей прочности на огне. Позднее на него стали насаживать металлический наконечник. В истории земледелия соха явилась как бы посредницей между простой палкой для разрыхления земли (первобытной мотыгой) и современным плугом.

Эти «биографические» данные, относящиеся к древнейшей истории сохи, нашли свое отражение и в языке. Так, например, один из ближайших «родственников» *сохи* — слово *посох* — напоминает нам о той примитивной мотыге или, точнее, о той заостренной палке, с помощью которой наши далекие предки обрабатывали землю перед посевом. А уменьшительное слово *сошка* «палка, подставка с развилкой» не оставляет уже никаких сомнений в первоначальном значении слова *соха*. Наконец, литовское слово *šaka* [шакá] «ветвь, сук» и некоторые другие иноязычные «родственники» нашего слова позволяют окончательно установить его происхождение.

Теперь становится совершенно ясным, почему лось был назван *сохатым*: за его ветвистые, развилистые рога.

Как и в других приведенных выше примерах, решающую роль при установлении этимологии слова *сохатый* сыграли предметы реальной действительности. Для того чтобы выяснить, каково происхождение слова *сохатый*, мало было знать, что сохой пахали землю; нужно было знать также,

что собой представляет эта соха, каков ее внешний вид, из чего она изготовлялась, какова история ее развития.

Сколько было *Тюменей?* Географические названия, как и любые другие слова в языке, также имеют свою историю. Изучением географических названий, их происхождением и историей занимается специальная наука — т о п о н и м и к а[1], неразрывными узами связанная с этимологией.

В топонимических исследованиях, как и в работах чисто этимологических, также нельзя ограничиваться изучением одних лишь языковых фактов. Здесь особо важное значение приобретает знание географии и истории.

Возьмем в качестве примера вопрос о происхождении названия города Тюмени. Этот город был основан русскими в Западной Сибири в 1586 году вскоре после гибели знаменитого Ермака. Язык местного населения (манси), жившего с давних пор в районе этого города, относится к семье финно-угорских языков. На этом основании выдающийся немецкий этимолог М. Фасмер высказал предположение, что топоним (географическое название) *Тюмень* происходит от мансийского *Чемгэн*, что в переводе на русский язык означает: «в Тюмень». В принципе подобное объяснение возможно (вспомните этимологию топонима *Стамбул*). Однако исторические и географические факты не подтвердили этого предположения Фасмера.

Прежде всего обращает на себя внимание одно очень странное противоречие. Город Тюмень был основан в Западной Сибири в самом конце XVI века, а на географических картах и в сочинениях западноевропейских историков середины XVI века уже упоминаются *крепость Тюмень*, *царство Тюмень*, *Тюменская орда*... Более того, в одной русской летописи рассказывается, что татарский хан Тохтамыш был убит в Сибирской земле, в Тюмени. Произошло это в 1406 году, то есть почти за два столетия до того, как русскими был основан город Тюмень.

О чем говорят все эти факты? Прежде всего, о том, что географическое название *Тюмень* существовало в Западной Сибири еще задолго до основания русскими города, названного этим именем. Кроме того, вряд ли Тюменское царство в Сибири, существовавшее еще в XV веке, могло получить свое наименование от мансийского названия города, осно-

---

[1] От греческих слов *topos* [тóпос] «место» и *onyma* [óнюма] «имя».

ванного в конце XVI века. По-видимому, истоки топонима *Тюмень* следует искать где-то в другом месте.

Анализ исторических и географических источников показывает, что *Тюмень* в Западной Сибири — далеко не единственный топоним, носивший это имя. На Кавказе недалеко от устья Терека еще в середине XVI века были известны город *Тюмень* и река *Тюменка. Страна Тюмень* в 100 милях к юго-западу от Астрахани упоминается в книге английского путешественника середины XVI века Дженкинсона. В старинных русских документах мы находим также упоминание о реке *Тюменке* в районе Астрахани. Наконец, арык *Тюмень*, вытекающий из Сырдарьи (Средняя Азия), известен из документов XV — XVI веков. Кстати, это древнее географическое название до сих пор сохранила железнодорожная станция *Тюмень-арык.*

Едва ли можно сомневаться в том, что все перечисленные географические названия имеют какой-то единый общий источник. Но какой именно? Средняя Азия (арык *Тюмень*) — устье Терека (город *Тюмень*) — северо-западное побережье Каспийского моря (страна *Тюмень*) — низовья Волги (река *Тюменка*) — Западная Сибирь (*Тюменская орда*, город *Тюмень*). Соедините между собой на карте эти географические пункты — и перед вами возникнет маршрут, который совершили монголо-татарские полчища во время завоевательных походов XIII — XIV веков.

Связь между географическими названиями *Тюмень* и монголо-татарскими завоеваниями надежно подтверждается различными историческими и языковыми данными. В современном монгольском языке имеется слово *тумэн* «десять тысяч, бесчисленное множество». Это же слово встречается и в других монгольских языках. В Монгольской империи при Чингисхане и его преемниках слово *tümen* [тюмен] означало войско в десять тысяч человек, а также большую племенную группу — *туман* или *тумен*,— которая была обязана поставлять хану войско в 10 тысяч воинов.

Позднее это количественное соотношение перестало быть обязательным и слово *tümen* превратилось в административный термин, близкий по своему значению к слову *улус* (ср. современное монгольское *улс* «государство»). Именно отсюда на пути следования монголо-татарских войск появились: *страна Тюмень*, *Тюменская орда*, *Тюменское царство*, а также несколько населенных пунктов и городов с тем же названием — *Тюмень.*

Итак, основной вывод, который можно сделать из главы,

посвященной проблеме «Слова и вещи», сводится к следующему: этимология как наука постоянно опирается на самые различные отрасли человеческих знаний. Не имея достаточно ясного представления о предмете, нельзя с уверенностью судить и о происхождении слова, которым этот предмет обозначается. Вот почему при изучении происхождения слов постоянно приходится обращаться к трудам археологов, историков, этнографов, биологов, географов и многих других ученых, а также к разнообразным справочникам, в которых подробно описываются заинтересовавшие этимолога вещи, предметы, явления.

Глава двенадцатая

ОТ КОНКРЕТНОГО К АБСТРАКТНОМУ

А. Мейе в одной из своих работ писал: «Просматривая этимологический словарь, мы получаем такое впечатление, будто индоевропейский язык обладал словами и корнями абстрактного и общего значения, между тем как каждый из индоевропейских говоров надо представлять себе вроде какого-нибудь современного литовского говора, бедного общими понятиями и изобилующего точными названиями конкретных действий и мелочей домашнего обихода». На эту распространенную ошибку этимологов указывали и другие языковеды. Психологически подобная ошибка объясняется довольно легко. Сравнивая общие по своему происхождению слова из разных индоевропейских языков, этимолог реконструирует предполагаемую индоевропейскую праформу. Наряду с фонетической и словообразовательной реконструкцией, ему при этом приходится восстанавливать и древнейшее значение слова. Но поскольку очень часто значения исконно единого слова существенно изменяются в различных языках, стремясь найти в них что-то общее, этимолог иногда начинает пренебрегать конкретными деталями значения. В результате реконструированное индоевропейское значение оказываается более «расплывчатым», более абстрактным, чем в реальных, исторически более поздних, языках. А отсюда складывается ошибочное представление о том, что развитие значений шло от общего[1], абстрактного значения к частному, конкретному.

[1] Иногда это общее значение представляется как «диффузное», «нерасчлененное», потенциально заключающее в себе все последующие конкретные значения (точка зрения академика Н. Я. Марра).

На самом деле, многочисленные языковые факты говорят о том, что развитие значений слова в индоевропейских языках шло от конкретного к абстрактному. Подобно тому как в истории мышления абстрактные понятия формируются сравнительно поздно на базе конкретных представлений, так же и в языке слова с более или менее абстрактным значением обычно развиваются на основе слов с конкретным значением.

Точка, арена и поприще. Справедливость высказанных положений может быть подтверждена многочисленными примерами из древнейшей истории индоевропейских языков. Впрочем, для этого нам не обязательно обращаться к индоевропейской эпохе. Закономерности развития значений от конкретного к абстрактному могут быть наглядно проиллюстрированы на таких примерах из современного русского языка, где этимологические связи между словами достаточно ясны. Просто мы обычно не обращаем внимания на этимологию многих слов, которые употребляем в нашей повседневной речи.

Вдумайтесь в буквальное значение таких, например, слов, как *воспитание*, *отвращение*, *предыдущий*. Их этимология достаточно прозрачна: *воспитание* буквально означает «вскармливание», *отвращение* — «отворачивание» (от неприятного предмета или лица), *предыдущий* — «идущий впереди». Во всех этих случаях исходное конкретное значение приобретает в языке более абстрактный смысл. Даже такие слова, обозначающие отвлеченные понятия, характерные для языка математики, как *отрезок*, *касательная*, *секущая*, представляют собой производные совершенно конкретных глаголов действия: *резать*, *касаться*, *сечь* («рассекать»).

Максимально, казалось бы, абстрагированные от реальных предметов геометрические понятия «точка» и «линия» также, как правило, этимологически восходят к словам совершенно конкретным: русск. *точка* (из *тъчька*) — к др.-русск. *тъкнути*[1] «воткнуть, пронзить», чешск. *bod* [бод] «точка» — к *bodati* [бо́дати] «колоть» (сравните болгарск. *бод* «укол»), др.-греч. *stigmē* [стигме́:] «точка» этимологически восходит к значению «укол», латинск. *punctum* [пу́нктум] «точка» — к *pungo* [пу́нго:] «колю». Литовское слово *taškas* [та́шкас] «точка» (к *teška* [тя́шка] «капает, брызгает»)

---

[1] Ср. в современном русском языке: *ткнуть* и *тыкать*.

отражает иную семантическую модель: здесь «точка» восходит к значению «капля» (или «брызга»), а не «укол». То же самое можно сказать об украинском слове *крапка* «точка» (к *кра́пати* «капать, брызгать»).

Наконец, русское слово *линия*, как и ряд его европейских «сородичей», представляет собой заимствование из латинского *linea* [ли́неа]. Буквальное же значение этого латинского слова — «льняная (нить)».

Интересно в этом же плане проследить историю слова *арена*, которое в русский язык попало из латинского языка. Исходным значением латинского слова *(h)arena* [(х)аре́:на] было значение «песок», затем — «песчаное место», «площадка, посыпанная песком», и, наконец, «поприще, область деятельности». Второе и третье значения мы находим и у русского слова *арена*.

Близкую сумму значений имеет также русское слово *поприще*. Обычно это слово означает «область или сфера деятельности, род занятий». Однако это уже более позднее, вторичное значение слова *поприще*, которое этимологически связано с глаголом *попирать* «топтать». Ближе к этимологическим истокам этого слова его более древнее, теперь уже устаревшее значение: «место для бега, борьбы и других состязаний». Здесь абстрактный характер современного значения слова *поприще* проявляется уже в том, что это поприще обычно не попирают ногами.

Горе, печаль, скорбь. Очень многие слова, обозначающие разного рода ощущения и чувства человека, также явились результатом развития их семантики от конкретного к абстрактному. Так, например, в основе слов со значением «горький» очень часто лежит понятие «режущий, кусающий». Именно такую этимологию имеют: литовск. *kartus* [карту́с] «горький» — к корню **ker-* «резать», др.-русск. *бридкыи* «терпкий, горький» — к *брити* «резать», английск. *bitter* [би́тэ] «горький» — к *to bite* [ту байт] «кусать». Русское прилагательное *горький* имеет иную, но также конкретную этимологию: к глаголу *гореть*. Иначе говоря, слово *горький* этимологически означает «жгучий, обжигающий (вкус)».

Столь же конкретные значения лежат в основе многих абстрактных слов, связанных с выражением внутреннего душевного состояния человека. Так, с глаголом *гореть* этимологически связано не только прилагательное *горький*,

но и существительное *горе*. Сходную этимологию имеет также слово *печаль* (к глаголу *печь*).

Нередко слова, означающие «горе, печаль», образуются от глаголов со значением «грызть», причем образ душевного состояния здесь опять складывается на основе совершенно конкретного действия. К примерам подобного рода можно отнести украинское *грижа* «печаль» (к *гризти*), ряд литовских слов, образованных на основе *graiž*-[грауж-] «грызть», русское *угрызения* (совести) и, быть может, *грусть*. Одна из наиболее правдоподобных этимологий последнего слова связывает его с глаголом *грызть*. Наконец, слово *скорбь*, по-видимому, этимологически может быть сопоставлено с древнеанглийским глаголом *sceorfan* [скéорфан] «грызть, кусать».

Стыд и срам. И в древнерусском языке, и в диалектах современного русского языка слово *стыд(ъ)* засвидетельствовано также с гласным *у* в корне: *студ(ъ)*. Эти два варианта слова отражают древнее славянское чередование *у : ы*, которое мы находим также в случаях *дух : -дых* (ср. *от-дых*, *дых-ание*), *слух : слых*, *у-пруг-ий : прыг-ать* и т. п.

Форма слова *студ(ъ)* позволила этимологам сопоставить его с такими словами, как *про-студ-а* и *стужа* (из **студ-ja*). В результате этого сопоставления этимология слова *студъ/стыдъ* была истолкована следующим образом. Первоначально это слово имело значение «холод», затем — физическое ощущение холода, которое испытывает лишенный одежды человек. Однако обнаженный человек испытывает не только физическое ощущение холода, но и чувство нравственного смущения, которое также стало обозначаться словом *студъ/стыдъ*. Таким образом, слово из области физических ощущений перешло в более абстрактную сферу ощущений нравственно-этического порядка.

Дальнейшее развитие значений слова *студъ/стыдъ* приводит к тому, что оно начинает обозначать чувство смущения,

возникающего у человека, когда «обнажаются» какие-то его недостойные поступки. А отсюда недалеко до таких значений, как «позор» и «угрызения совести»,— значений, которые в наши дни стали у этого слова наиболее распространенными.

В сравнительно позднее время (уже в историческую эпоху развития русского языка) за основой *студ-* закрепилось преимущественно значение «холода», а за основой *стыд-* — значение «чувство стыда». Хотя такие примеры, как чешское *stydnouti* [сты́днути] «стынуть» и русское диалектное *студ* «срам, поругание», говорят о том, что это разграничение не всегда и не везде было проведено последовательно.

Опираясь на этимологию слова *стыд*, а также на другие примеры использования слов со значением «холод» при формировании лексики морально-этического характера[1], замечательный советский языковед Б. А. Ларин предложил новую этимологию слова *срам*. Эта новая этимология основана на сопоставлении старославянского *срамъ* и древнерусского *соромъ* с литовским *šarma* [шарма́] «иней». Оба слова могут быть возведены к одной и той же основе **k'orm-* (см. таблицу фонетических соответствий). Семантическая же модель здесь аналогична случаю со словом *студъ/стыдъ*. Кстати, литовское *šarma* «иней» относится к старославянскому *срамъ* так же, как старославянское *мразъ* «иней» и другие славянские слова с тем же значением относятся к слову *мразь*.

«Короткий» и «поперечный». Случаи, когда в основе наших современных абстрактных понятий и выражающих их слов лежат понятия и слова конкретные, уже встречались нам неоднократно. Вспомните хотя бы пример со словами *ловить*, *схватывать* и (→) *понимать* или *оплот* «стена» → «защита». Кстати, и самое слово *защита* содержит в своем корне не менее конкретную основу слова *щит*.

Но особенно много примеров развития значений от конкретного к абстрактному можно найти среди слов, обозначающих форму предметов или выражающих пространственно-временные отношения. Выше мы уже сталкивались с такими словами, как *кривой*, *косой*, *предыдущий*. Русское слово *глубокий* становится этимологически ясным при сопоставлении с древнегреческим глаголом *glyphō*

---

[1] Сравните, например, старославянское *мразъ*, русское *мороз* и *мразь*, *мерзкий*; *стылый* «холодный» и *стылый* «постылый»; русское диалектное *стыгнуть* «стынуть» и древнегреческое *stygnos* [стюгно́с] «ненавистный» и т. п.

[глю́фо:] «выдалбливаю». Это сопоставление позволяет значение «глубокий» возвести к более древнему и более конкретному значению «выдолбленный», так же, как, например, в случае с сербскохорватским *ду̏бок* «глубокий» (к *ду̏бим* «долблю») или болгарское *дълбо́к* «глубокий» (к *дъ̀лбам* «долблю, выдалбливаю»).

Слово *овальный* представляет собой заимствование в конечном итоге из позднелатинского *ovalis* [ова́:лис] «яйцевидный». Последнее слово в свою очередь образовано от существительного *ovum* [о́вум] «яйцо». Сходное происхождение имеет слово *спиральный*. Его основой послужило латинское существительное *spira* [спи́:ра] «изгиб, виток», заимствованное из греческого языка.

В плане формирования абстрактных понятий и отражающих их слов не лишены интереса этимологии ряда прилагательных со значениями «короткий» и «поперечный». Старославянское *кратъкъ* и русское *короткий* отражают древнюю основу *kor-t-, в которой *-t-* такой же суффикс, как в словах *би-т-ый*, *коло-т-ый*, *поро-т-ый* и т. п., а **kor-* — это уже знакомый нам корень **ker-*/**kor-* «резать, рубить», который мы находим, например, в таких словах, как *кор-н-ать* (первоначальное значение: «резать»), *чер-т-а* (этимологически значит: «нарезка»[1]) и др. Иначе говоря, современное значение у слова *короткий* является вторичным, восходящим к более древнему значению «обрезанный, усеченный». Точно такую же семантическую модель отражает английское *short* [шо:т] «короткий» — к *to shear* [ту ши́э] «резать», а также латинское *curtus* [куртус] «обрезанный, короткий» и, видимо, литовское *trumpas* [тру́мпас], латышское *strups* [струпс] «короткий».

Однако значение «обрезанный, срезанный» не всегда развивается в сторону «короткий». Выше мы уже видели, что ту же самую исходную семантику могут иметь прилагательные со значением «кривой, косой». Причем это последнее значение также может изменяться. Одно из возможных направлений дальнейшего семантического развития представляет собой схема: «кривой, косой» → «криво, косо (наискось) положенный» → «поперечный». Именно такие семантические изменения имели место в случае с литовским словом *(s)kersas* [(с)кя́рсас] «поперечный» — ближайшим «родственником» нашего предлога *через* (др.-русск. *чересъ*),

---

[1] Сравните древнерусское *чьрта* «нарезка» и *чьрту*, литовское *kertu* [кярту́] «рублю, режу».

исходное значение которого «поперек» (сравните: *мост через реку*). В этимологическом плане литовское *(s)kersas* и древнерусское *чересъ* могут быть сопоставлены с древнерусским *чьрту* «рублю», русским диалектным *чересло* «плужной нож, идущий впереди лемеха» (буквально: «резец»), литовским *kertu* «рублю», *kerslas* [кя́рслас] «долото, резец», *skersti* [скя́рьсти] «резать (свиней)».

Таким образом, мы видим, что при формировании слов с абстрактным значением в языке не создаются совершенно новые образования, а используются в более широком, в более общем смысле уже существующие конкретные слова или же создаются новые, легко воспринимаемые как производные старых конкретных слов. Особенно важную роль в формировании абстрактной лексики играли глаголы, означающие различные трудовые процессы («рубить», «резать», «выдалбливать» и др.).

«Поби мразъ *обилье* по волости». В этих словах Новгородской I летописи сообщается о том, что мороз побил в стране *обилье*. Подобного рода места из древнерусских памятников письменности, а также данные диалектов свидетельствуют о том, что современное нам слово *обилие* имело некогда совершенно конкретное значение: «хлеб на корню».

Очень интересную этимологию этого слова предложил известный советский этимолог О. Н. Трубачев, который считает, что основа слова *обилье* — *обил-* — представляет собой производное глагола *о-би-ти*, *би-ти* «оби(ва)ть, обмолачивать». Суффиксальное *-л-* в основе *обил-* того же происхождения, что и в основах *гнил-(ой)*, *был-(ой)* — к *гни-ти*, *бы-ти*. Следовательно, исходное значение собирательного существительного *обилье* (сравните: *гнилье*, *тряпье* и т. п.) — «обитое, обмолоченное (зерно)».

Казалось бы, этой семантической реконструкции противоречат данные русских народных говоров и древнерусских памятников письменности, где *обилье* — это как раз «н е о б м о л о ч е н н ы й (и даже несжатый) хлеб», «хлеб на корню». Однако, во-первых, сумма значений, например, современного русского слова *хлеб* (на корню, в зерне, выпеченный) [1] говорит о том, что здесь возможны и более серьезные семантические сдвиги. Во-вторых, в древнерусском язы-

[1] Эти три значения в современном русском языке различаются по формам множественного числа. «Выпеченный хлеб» будет иметь здесь форму *хлёбы*, «хлеб на корню» — *хлеба́*, а «хлеб в зерне» вообще употребляется только в единственном числе.

ке *обилье* может иметь также значение «хлеб в зерне», древность которого подтверждается соответствиями в ряде славянских языков, где эти соответствия имеют значения «хлеб в зерне» (словацк. *obilie*, словенск. *obilje*).

Таким образом, перед нами еще один яркий пример развития древних конкретных значений в сторону более поздних абстрактных.

«Было, да *быльем* поросло». Попробуйте представить себе какой-нибудь глагол, который обладал бы большей степенью абстракции, чем глагол со значением «быть, существовать». Любой другой глагол придает подлежащему, к которому он относится, те или иные очертания реальной действительности. Например, глаголы *идет*, *бежит*, *летит* создают определенный образ передвижения; *сидит*, *лежит*, *стоит* — образ положения в пространстве. Каждый из этих глаголов обычно сочетается далеко не с любым подлежащим. *Вода идет*, *бежит* — сказать можно, а вот «вода сидит» — нельзя. *Время* обычно *идет*, *бежит*, *летит*, *стоит*, но не «сидит» и не «лежит». Подобного рода примеров из окружающей нас жизни можно привести великое множество. Поскольку каждый глагол в каком-то отношении характеризует субъект действия или состояния, определенные конкретные черты этой характеристики не всегда совпадают со свойствами субъекта. Отсюда «несовместимость» подлежащего и сказуемого.

В этом смысле глагол *быть* занимает особое положение в языке. Именно отсутствие индивидуальной окраски, большая степень абстракции позволяет этому глаголу сочетаться практически с любым предметным или абстрактным подлежащим. По той же самой причине глагол *быть* во многих языках употребляется в качестве глагола-связки.

Поскольку, как мы уже видели, слова с абстрактным значением обычно формируются на базе конкретных слов, интересно было бы узнать, какие же конкретные значения могут лежать в основе такого абстрактного глагола, как *быть*.

Если говорить о русском глаголе *быть* (др.-русск. *быти*), то для выяснения его этимологии нам придется вернуться к той пословице, с которой мы начали разговор об интересующем нас глаголе: *было, да быльем поросло*. Что же это за *былье*, которым поросло то, что было? У глагола *быть* имеется несколько производных, внешне сходных со словом *былье: былой*, *быль*, *былина*, глагольная форма прошед-

шего времени *был*. Как же они связаны со словом *былье*, и что означает это последнее слово?

У этой пословицы есть вариант и без слова *былье*: *было, да травой поросло*. Следовательно, слово *былье* по своему значению могло быть близким к слову *трава*. Допустив такое предположение, мы сразу же вспоминаем, что слово *былинка* в русском языке означает «травинка», а *чернобыл* (вид сорной травы) имеет буквальное значение: «черная трава». Заглянув в словари родственных славянских языков, мы найдем там такие слова, как старославянское и древнерусское *быль* и *былие* «трава», словенское *bilje* [би́лье], чешское *býlí* [бы́:ли:] «сорная трава» и др. В диалектах русского языка слово *былина* означает «травин(к)а», а *былие, былье* — «трава».

Теперь стало понятным выражение *быльем поросло*, но все еще неясно, как связать между собой слова *быль* «что было» и *быль* «трава», *былина* «эпическая песня» и *былина* «травинка». Что это — случайное совпадение, исконная омонимия или же между приведенными словами существует какая-то внутренняя связь? На этот вопрос ответ дают родственные индоевропейские языки.

Литовское слово *būti* [бу́:ти], как и древнерусское *быти*, означает «быть». То же самое значение мы встречаем у латинского глагола *fuit* [фу:ит] «был». А вот древнегреческие соответствия дают несколько неожиданную сумму значений: *phyō* [фю́о:] «рождаю, выращиваю», причем ряд форм этого глагола означает «расти, вырастать»; *phyma* [фю́:ма] «нарост»; *phyton* [фюто́н] «растение, побег, отпрыск»; *phykos* [фю́:кос] «морская трава». Все эти слова явно перекликаются с нашими *былье, былинка, быль*, причем их исходное значение определяется как «нечто выросшее». Неразрывно связаны с нашими словами и такие древнегреческие образования, как *phylon* [фю́:лон] «род, племя» и *physis* [фю́сис] «природа». Первое из этих слов совпадает со славянскими соответствиями по своему словообразовательному типу (суффикс *-l-*), а второе является ключевым для понимания семантического развития от конкретного значения «рождать(ся), расти(ть)» к абстрактному «существовать, быть». Именно глаголы с первым конкретным значением лежат в основе как древнегреческого *physis* (ср. *phyō* «рождаю»), так и русского *при-род-а* (к *род-ить*). Связь понятий «природа» и «сущность» достаточно ясно выступает и в современном русском языке (ср., например, выражения *природа вещей* и *сущность вещей*).

Следовательно, пример с *быльем* и *былью* свидетельствует о том, что исходным у нашего глагола *быть* было значение «расти(ть), рождать(ся)». Существует, есть то, что рождено или что выросло,— таков в несколько упрощенной форме путь развития значений от конкретного к абстрактному.

«Делать», «творить», «создавать». Глаголы с перечисленными значениями также отличаются крайне высокой степенью абстракции. На вопрос *Что делает X?* теоретически возможны самые различные ответы, число которых практически неограниченно: *сидит*, *стоит*, *лежит*, *бежит*, *спит*, *читает*, *пишет*, *слушает*, *ест*, *зевает*, *строгает*... Если принять во внимание многочисленные варианты типа *пишет мелом*, *карандашом*, *кистью*, *в тетради*, *на доске*, *на стене*, *быстро*, *медленно*, *задумчиво* и т. д., и т. п., то трудно себе даже представить, сколь емким является содержание слова *делать*, которое охватывает все эти значения с их бесконечными вариантами.

В несколько меньшей мере сила абстракции проявляется у глаголов со значениями «творить», «создавать», но и они сами по себе не выражают какого-либо одного определенного действия. Между тем именно какое-то одно к о н к р е т н о е действие, как правило, лежит в основе подобного рода глаголов. Возьмем несколько примеров.

Наше слово *со-зд-ать* (др.-русск. *со-зьд-ати*) содержит в себе ту же основу, что и старославянское *зьдъ* «глина», древнерусское *зьданыи* «глиняный», *зьдарь* «горшечник» и др. (см. выше — стр.12—13). Следовательно, наше абстрактное слово *созда(ва)ть* восходит к более древнему глаголу со значением «лепить из глины».

Готское слово *skapjan* [ска́пъян] и немецкое *schaffen* [ша́фен] «создавать, творить» сформировали свое сравнительно новое значение на базе более древнего конкретного значения «резать (по дереву), вырезать, выдалбливать». Об этом свидетельствуют такие соответствия, как литовское *skaptas* [ска́птас] «кривой нож для вырезания ложек», *skopti* [ско́:пти] «вырезать ножом» и др.

Наше слово *мазать* сохранило свое древнее значение, которое в германских языках было уже давно утрачено: др.-английск. *makōn* [ма́ко:н] «делать, созидать», английск. *to make* [ту мейк], немецк. *machen* [ма́хен] «делать».

Литовский глагол *daryti* [дари́:ти] «делать» — того же происхождения, что и наше *деру* (корень **der-/*dor-*), а *dirbti* [ди́рьбти] «работать» и *darbas* [да́рбас] «работа» эти-

мологически связаны с древнеиндийским глаголом *dṛbhati* [дрбха́ти] «плетет». Таким образом, и здесь сквозь общие понятия «делать» и «работать» мы различаем с помощью родственных языков контуры конкретных трудовых процессов.

***Плотник* и *ткач*.** Если мы возьмем русский глагол *тесать*, то наиболее близкие индоевропейские соответствия этого слова будут также обладать семантикой, связанной с плотничьим искусством: литовск. *tašyti* [таши́:ти] «тесать», др.-индийск. *takšati* [такшати] «плотничает», *taštar* [та́штар] «плотник», др.-греч. *tektōn* [те́кто:н] «плотник». А вот в латинском языке слово, восходящее к тому же глагольному корню, имеет значение... «ткач». Как объяснить такое расхождение?

На базе конкретного значения «тесать, плотничать» в древнегреческом языке возникло слово с абстрактным значением: *technē* [те́хне:] «искусство, мастерство; ремесло». О большей древности значения «тесать» свидетельствуют соответствия в индоевропейских языках. Для слова же *technē* с его более отвлеченным значением таких соответствий в родственных языках нет. Кстати, аналогичную семантику можно отметить и у нашего слова *ремесло*, этимологию которого проясняет латышское слово *remesis* [ре́месис] «плотник».

Полное совпадение значения «тесать» (как и производного значения «плотник») в основных индоевропейских языках говорит о том, что именно это значение является древнейшим. В латинском же языке имел место позднейший семантический сдвиг, следы которого в нем хорошо сохранились: *texo* [те́ксо:] «тку, сплетаю» и «строю», *textrinum* [текстри́:нум] «ткацкая мастерская» и «верфь» (где работали, разумеется, не ткачи, а плотники). Возможно, что связующим звеном в семантическом развитии от «тесать» к «ткать» явилось значение «сплетать», «связывать», которое встречается как в ткаческой, так и в плотничьей лексике (сравните: др.-русск. *плету* и *оплотъ* «стена», литовск. *sieti* [сиэти] «связывать» и *siena* [си́эна] «стена»). Кстати, плотничье выражение *пришить доску* является наглядной иллюстрацией тесной связи между разными областями ремесленной лексики.

* * *

Общая тенденция семантического развития от конкретного к абстрактному отражает реальные сдвиги, происходившие в мышлении человека на протяжении многовековой

истории человеческого общества. Учет этой важной особенности семантической истории слов имеет первостепенное значение для этимологии, ибо позволяет во многих случаях поставить семантические реконструкции на вполне реальную основу.

Глава тринадцатая

О ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ЭТАПАХ В ИСТОРИИ СЛОВА

В любой науке исключительно важное значение имеет последовательность в системе доказательств. Каждый из нас знает, что достаточно допустить неточность в каком-нибудь одном звене при решении, например, алгебраической задачи, и все решение в целом окажется неверным. К тому же неверному результату приведет и нарушение последовательности в действиях.

Сходная картина наблюдается в логических рассуждениях, в шахматных комбинациях, в экспериментальных исследованиях и т. д. Химический опыт может не привести к желаемым результатам, если мы нарушим последовательность проведения реакций, а тем более если мы вообще пропустим одну из реакций, входящих в тот или иной опыт.

Исходный и конечный пункты в производственных процессах и опытных экспериментах, в решении школьных задач и больших научных проблем обычно бывают связаны между собой целой цепью промежуточных звеньев, без которых немыслима ни практическая, ни теоретическая деятельность человека.

От *Августа* до *у*. Нечто подобное можно наблюдать и в этимологических исследованиях. Обычно слова в процессе своего многовекового развития претерпевают очень серьезные изменения. Существенно меняется фонетический облик слова и его семантика. Процессы словообразования также приводят к весьма радикальным изменениям в языке. Поэтому непосредственное сравнение наиболее древней из известных нам форм слова с его современной формой очень часто может показаться весьма надуманным, если мы не восстановим все те промежуточные звенья или «мостики», которые надежно свяжут между собой начальный и конечный пункты исследования.

Кто, например, кроме специалистов, может поверить, что французское слово *août* (произносится: [у]) «август» этимологически связано с латинским глаголом *augēre* [аугé:ре] «увеличивать»? Но если мы последовательно восстановим все этапы фонетически закономерного изменения латинского слова *augustus* [аугýстус] «великий, величественный» во французское août [у], то связь с глаголом *augere* не покажется столь неправдоподобной. И уже совсем понятной станет этимология французского слова, если мы восстановим не только фонетические, но также словообразовательные и семантические промежуточные звенья: корень *aug-* «увеличивать» → **augos* «увеличение» → *augustus* «великий, величественный» → *Augustus* (титул, присвоенный императору Октавиану) → *Augustus* (название месяца, данное по имени Октавиана Августа; сравните также: *июль* — по имени Юлия Цезаря).

Еще раз о *мехе*. На примере французского слова *août* мы видели, как неузнаваемо может измениться звуковой облик слова [аугýстус → у]. Конечно, не во всех случаях эти изменения приводят к столь же радикальным результатам. Рассмотрим один из примеров фонетических изменений, относящийся к истории русского языка.

Слово *мех* в этимологических словарях обычно сопоставляется с латышским *maiss* [мáис] «мешок». На современном уровне развития русского и латышского языка общим у этих слов является только начальное *м-*, причем даже количество букв в сравниваемых словах оказывается неодинаковым. Но попробуем, выявляя отдельные звенья фонетических изменений, восстановить наиболее древнюю форму каждого из сравниваемых слов.

Еще совсем недавно — до 1918 года — в русском слове *мех* было не три, а четыре буквы, причем одна из них писалась не так, как сейчас: *мѣхъ*. Наличие буквы *ѣ* («ять») в этом слове говорит о том, что здесь когда-то был долгий гласный или же дифтонг (*oi* или *ai*), который в русском языке давал в конечном итоге *ѣ* (см. таблицу фонетических соответствий). В латышском слове сочетание *ai* тоже может отражать более древнее *oi* или *ai*. Данные других родственных языков говорят о том, что русское *ѣ* и латышское *ai* в словах *мѣхъ* и *maiss* восходят к более древнему *oi*. Таким образом, начальная часть сравниваемых слов (*мѣ-* и *mai-*) после восстановления их древнейшей формы оказалась одинаковой. О том, что балтийское (то есть литовское, латыш-

ское или древнепрусское) *s* может соответствовать славянскому *ch* [х], выше уже говорилось (см. примеры на стр. 83). Следовательно, русское *мѣх-* и латышское *mais-* полностью соответствуют друг другу.

Но как быть с конечными -ъ (русский язык) и вторым -*s* (латышский язык)? Не может же редуцированный (то есть очень краткий) гласный ъ («ер») соответствовать согласному *s*! И здесь нам опять приходится восстанавливать промежуточные звенья происшедших фонетических изменений.

В древнем индоевропейском языке многие существительные и прилагательные мужского рода имели окончание *-os* [-ос]. Это окончание сохранилось без изменений в древнегреческом языке: *dom-os* [до́мос] «дом», *ne(v)-os* [не́вос] «новый». В латинском языке древнее окончание *-os* изменилось в *-us* [-ус]: *dom-us* [до́мус], *nov-us* [но́вус]. В древнеиндийском и в литовском языке это же *-os* изменилось в *-as*: *nav-as* [на́вас] «новый».

Латышский язык очень близок к литовскому. Но в словах рассматриваемого типа между этими языками можно обнаружить существенную разницу: литовскому окончанию *-as* будет, как правило, соответствовать латышское -*s* (с выпадением гласного *a*):

Литовский язык	Латышский язык
kaln-as [ка́лнас]	*kaln-s* [калнс] „гора“
ret-as [ря́тас]	*ret-s* [ретс] „редкий“
lauk-as [ла́укас]	*lauk-s* [лаукс] „поле“ и т. д.

В славянских языках древнее окончание *-os* подверглось наиболее значительным изменениям. Гласный *о* редуцировался (сократился) в ъ, а конечное -*s* вообще исчезло. Позднее перестал произноситься и гласный ъ в конце слова, но следы этого древнего произношения еще долго сохранялись на письме. Лишь в 1918 году в русском языке упразднили написание буквы ъ в конце слова.

Подытожив результаты сравнения, мы можем составить следующую схему, которая будет отражать фонетическую судьбу индоевропейского окончания *-os* в ряде родственных языков:

древнегреческий язык	*-os*,	литовский язык	*-as*
латинский язык	*-us*,	латышский язык	*-s*,
древнеиндийский язык	*-as*(*-aḥ*)	древнерусский язык	-ъ

Таким образом, конечное -ъ в слове *мѣх-ъ*, как и конечное -*s* в латышском *mais-s*,— это следствие различных

по своему характеру фонетических изменений, происшедших в одном и том же по своему происхождению окончании *-os*. В результате оказывается, что русское *мѣхъ* и латышское *maiss* полностью совпадают между собой, восходя к одной и той же исходной форме **moisos*. И это удалось установить лишь благодаря постепенной — этап за этапом — реконструкции древнейшего фонетического облика каждого из сопоставляемых слов.

***Белка* и *беличий*.** Но не только фонетический анализ требует восстановления утраченных промежуточных звеньев при изучении истории слова. Такие же переходные «мостики» приходится реконструировать и при анализе словообразовательных процессов.

Особенно много вопросами восстановления промежуточных словообразовательных звеньев в последнее время занимается известный советский этимолог Н. М. Шанский. Давайте рассмотрим один из его примеров, который в одно и то же время отличается как исключительной простотой, так и безусловной убедительностью.

Этот пример касается происхождения слова *беличий*. Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что слово *беличий* образовано от *белка*, а самое название этого зверька связано с прилагательным *белый*. Как ни очевидно это объяснение, на самом деле оно неправильно, вернее, не совсем правильно. Слово *белка*, действительно, в конечном итоге происходит от прилагательного *бел(ый)*.

В памятниках древнерусской письменности часто встречаются слова *вѣверица* и *вѣкша* «белка». От сочетания *бѣла вѣверица* «белая белка» и произошло слово *бѣла*, а затем — *бѣлка* (редкая белая порода белок ценилась особенно высоко).

Но вот прилагательное *беличий*, как это ни странно, образовано не от существительного *белка*. Дело в том, что одушевленные существительные мужского рода на *-ок* и женского рода на *-ка* образуют прилагательные не на *-ичий*, а на *-очий*:

сур-ок — сур-очий, *гал-ка — гал-очий,*
пасын-ок — пасын-очий, *русал-ка — русал-очий.*

Поэтому и прилагательное, образованное от *белка*, должно было бы иметь форму *белочий*, а не *беличий*. В то же время прилагательные, оканчивающиеся на *-ичий*, образуются

в русском языке от существительных на *-ик* (мужской род) и *-ица* (женский род):

сусл-ик — сусл-ичий, *дев-ица — дев-ичий,*
плотн-ик— плотн-ичий, *пт-ица — пт-ичий.*

Следовательно, прилагательное *беличий* было образовано не от *белка*, а от *белица*. И действительно, в памятниках древнерусской письменности было обнаружено слово *бѣлица* «белка», образованное от существительного *бѣла* так же, как *дѣвица* было образовано от *дѣва*. Возможно, что суффикс *-ица* был присоединен к слову *бѣла* под влиянием других древнерусских названий белки: *вѣвер-ица*, *вѣкш-ица*.

В результате реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев этимологическая история слова *беличий* может быть представлена теперь следующим образом: *бѣл-*«белый» → *бѣла* *вѣверица* → *бѣла* «белка» → *бѣлица* → *бѣличий* (→ *беличий*).

Рассмотренный нами пример со словом *беличий* говорит о том, что в этимологическом исследовании самые, на первый взгляд, очевидные вещи на самом деле могут оказаться далеко не столь очевидными. Восстановление промежуточных словообразовательных звеньев, которое во многих случаях требует гораздо более сложного анализа, чем в примере со словом *беличий*, помогает ученым шаг за шагом проследить основные этапы формирования и развития слов.

Спартак, спартаковцы, спартакиада. Если спросить, почему одно из популярных спортивных обществ носит название *Спартак*, многие, видимо, ответят, что *Спартак* — это имя выдающегося вождя крупнейшего восстания рабов в древнем Риме (I век до н. э.); его именем и было названо спортивное общество «Спартак», а также все принадлежащие к этому обществу футбольные, баскетбольные, хоккейные и другие спортивные команды. Этот ответ в общем правильный. Но он содержит лишь исход-

ный и конечный пункты в семантической истории слова, которая была гораздо более сложной и прошла несколько этапов развития.

Прежде всего, во время первой мировой войны в Германии под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург была организована революционная группа социал-демократов, объединившаяся затем в «Союз Спартака». Это имя было дано Союзу как символ протеста против всякого рода эксплуатации и угнетения, как знамя борьбы за освобождение рабочего класса. Деятельность «Союза Спартака» подготовила почву для организации Коммунистической партии Германии (1918—1919 гг.).

Слово *спартаковцы* также означало в те годы членов не спортивного общества «Спартак», а революционной рабочей организации. Вспомните строки из «Песни о юном барабанщике»:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев — смелых бойцов...

Таким образом, возникновение слова *спартаковцы* также было связано с историей революционного движения в Германии.

Наконец, в развитии международного рабочего спорта большую роль сыграла организация спартакиад — крупных спортивных состязаний рабочих организаций. Первая рабочая международная спартакиада была организована в 1921 году в Праге, затем — в Москве (1928 г.) и в Берлине (1931 г.). Самое название спортивных состязаний — *спартакиада* — было теперь уже связано не столько непосредственно с именем вождя восставших рабов в древнем Риме, сколько с революционным «Союзом Спартака» в Германии, боевые традиции которого в те годы продолжала коммунистическая партия, а также с революционным рабочим движением, в первую очередь в странах Европы.

И только после первых рабочих спартакиад — в 1935 году — было организовано спортивное общество «Спартак». Таким образом, простое сопоставление названия этого общества с именем собственным *Спартак* указывает лишь на самый исходный пункт истории слова, упуская из виду целый ряд весьма существенных промежуточных звеньев, оказавших большое влияние на его семантическое

развитие: *Спартак* → «Союз Спартака», *спартаковцы* → *спартакиада* → спортивное общество «*Спартак*».

Вторично родившееся в 30-е годы слово *спартаковцы* приобрело в русском языке уже новое значение: «члены спортивного общества „Спартак"».

Хоккей с мячом и хоккей с шайбой. Лет 25—30 назад в Канаде и в некоторых других странах играли в хоккей с шайбой, а у нас и в Скандинавии наибольшей популярностью пользовался хоккей с мячом. И там и здесь хоккей обычно называли просто *хоккеем*.

В послевоенные годы в Советском Союзе широкое распространение получил также и хоккей с шайбой. Как же русский язык стал разграничивать между собой эти два различных вида хоккея? Поскольку в хоккей с мячом у нас играли сравнительно давно, он долгое время продолжал называться просто хоккеем. А вот новая игра получила название *канадский хоккей*, подобно тому как хоккей с мячом в Канаде назывался *русским хоккеем*.

В настоящее время, как известно, канадский хоккей у нас называется *хоккеем*, а наш русский хоккей — *хоккеем с мячом*. Как и почему произошло подобное изменение названий двух спортивных игр? Изменение это не могло произойти следующим путем: а) *канадский хоккей* → *хоккей*, б) *хоккей* → *хоккей с мячом*.

Если бы произошло первое из этих изменений, то обе игры должны были бы какое-то время иметь одинаковое название: *хоккей*. Подобное явление, разумеется, привело бы к невероятной путанице. Но допустим, что сначала происходит второе из этих изменений. В этом случае *канадский хоккей* окажется противопоставленным *хоккею с мячом*. Такое противопоставление, хотя оно и возможно, было бы не очень удачным с точки зрения логики: *канадский* хоккей может быть противопоставлен *русскому* хоккею, а хоккей *с мячом* — хоккею *с шайбой*.

Вот почему на пути от названия *канадский хоккей* к *хоккей* оказался важный промежуточный этап, противопоставляющий *хоккей с шайбой хоккею с мячом:*

а) *канадский хоккей* → *хоккей с шайбой* → *хоккей с шайбой* → *хоккей*

б) *хоккей* → *хоккей* → *хоккей с мячом* → *хоккей с мячом*

Пока хоккей с мячом был у нас наиболее популярной спортивной игрой на ледяном поле, он назывался просто *хоккеем* — в отличие от *канадского хоккея* (1-й столбец) или *хоккея с шайбой* (2-й столбец схемы). Затем наступил период относительного равновесия, когда *хоккей с шайбой* противостоял *хоккею с мячом* (3-й столбец). Огромная популярность новой игры привела, наконец, к тому, что именно она называется у нас теперь просто *хоккеем*. А прежний *хоккей* стал называться *хоккеем с мячом* (4-й столбец).

В результате за какие-нибудь 20 лет слово *хоккей* существенно изменило свое содержание в русском языке. Это название, пройдя через указанные промежуточные этапы, оказалось перенесенным с одной игры на другую.

Бальзак и этимология. К сожалению, в этимологических реконструкциях не всегда учитываются фонетические, словообразовательные и семантические промежуточные звенья. Возьмем, к примеру, глагол *черпать*. В этимологических словарях можно найти указание на то, что это слово восходит к индоевропейскому корню **ker-* «резать, рубить». Иногда говорится, что это значение имела индоевропейская основа **kerp-*. Однако что может дать подобная «корнеотсылочная» этимология? Как значение «резать, рубить» могло измениться в «черпать»? Да и могло ли вообще произойти подобное семантическое изменение? А между тем именно промежуточное словообразовательно-семантическое звено оказывается той «отмычкой», с помощью которой мы можем проникнуть в тайну этимологии глагола *черпать*.

Исходный глагольный корень **ker-/*kor-* «резать, рубить» с помощью суффикса *-p-* дает производную именную основу **ker-p-* (→ ст.-славянск. *чрѣпъ*, русск. *череп*) со значением «обрубок, осколок, черепок». Наше слово *черепок* представляет собой уменьшительную форму от *череп(ъ)* именно в этом значении. От слова *чрѣпъ* был образован отыменной глагол *чрѣпати* «черпать», то есть буквально: «действовать черепком». Этот глагол был образован по древней модели типа: русск. диалект. *ляга* «нога» (сравните: *ляжка*) → *лягать*, литовск. *galva* [галвá] «голова» → *galvoti* [галвó:ти] «думать» (буквально что-нибудь вроде: «действовать головой»).

Итак, связь между исходным значением индоевропейского глагольного корня **ker-* и значением глагола *черпать* может быть понята только с учетом важного промежуточного зве-

на: *_ker-_ «резать, рубить» → *_ker-p-_ → _чрѣпъ_ «осколок, черепок» → _чрѣпати_ «действовать черепком, черпать».

«Корнеотсылочные» этимологии (типа _черпать_ — к корню *_ker-_ «резать, рубить»), игнорирующие важные промежуточные звенья, очень напоминают те «истории» слов, которые так язвительно высмеял французский лингвист Ж. Жильерон. Он сравнил их с биографией Бальзака, которая была бы изложена примерно так: «Бальзак, одетый в голубое платьице, сидел на коленях у своей няни, а затем он написал „Человеческую комедию"».

* * *

Таким образом, выявление промежуточных звеньев в фонетической, словообразовательной и семантической истории слова имеет исключительно важное значение для установления правильной его этимологии. Нужно только добавить, что в приведенных примерах эти промежуточные «мостики» восстанавливались по большей части в каком-нибудь одном из трех основных аспектов исследования. Обычно же в практике этимологических разысканий приходится иметь дело одновременно с реконструкцией промежуточных звеньев как в области фонетики, так и в области словообразования или семантики. Эти комплексные реконструкции бывают, разумеется, более сложными, но и в них этимологи пользуются теми основными принципами анализа, которые были изложены в этой главе.

Глава четырнадцатая

ДИАЛЕКТЫ И ЭТИМОЛОГИЯ

До сих пор, рассматривая различные методы и приемы этимологического исследования, мы опирались главным образом на материал того языка или тех языков, которые засвидетельствованы в различных памятниках письменности. В большинстве примеров из русского языка у нас фигурировали слова, относящиеся к литературному языку, то есть слова, отражающие так называемую литературную норму.

Русский литературный язык впитал в себя многое из того, что имеется в народных говорах нашего языка. Но большое количество слов продолжает жить лишь на сравнительно ограниченных территориях, представляя собой типичную особенность того или иного диалекта. Жители

Псковской и Воронежской областей говорят на одном и том же русском языке. Но многие из тех слов, которыми пользуются в своей речи псковичи, будут непонятны воронежцам, и наоборот.

Изучение диалектных слов — один из самых важных аспектов в работе этимолога. Выше мы уже неоднократно убеждались в том, что слова, существовавшие в древнерусском языке, но утраченные в языке современном, продолжают жить в многочисленных диалектах и говорах. Эта архаичность диалектов проявляется во всех сторонах языка: в фонетике, словообразовании, семантике.

***Е* и «ять».** Кто из нас сейчас различает в произношении звуки [е], восходящие к разным древнерусским звукам, обозначаемым буквами *е* и *ѣ* («ять»)? Даже в XIX — начале XX века, когда *е* и *ѣ* различались на письме, соответствующие звуки произносились в русском литературном языке одинаково. А вот, например, в новгородских говорах русского языка мы до сих пор на месте исторического *ѣ* слышим звук [и] — в отличие от исконного (или восходящего к *ь*) *е*. Сравните: *сѣно, сѣвъ* — новгородск. [сино], [сив], но *семь, серна* — новгородск. [семь], [серна].

То же самое явление мы наблюдаем и при сравнении русских слов с украинскими, но только здесь аналогичное расхождение отражается также и на письме:

Древнерусский язык	Украинский язык
бѣлыи, сѣрыи, свѣтъ	*білий, сірий, світ,* но
меньше, темныи, верхъ	*менше, темний, верх.*

Поскольку не все русские слова имеют соответствия в украинском языке, указанная особенность новгородских диалектов приобретает важное значение для этимологических исследований. Особенно, если слово отсутствует также в памятниках древнерусской письменности или имеет там колебания в написании *е* и *ѣ*.

Как видно из таблицы фонетических соответствий, гласный *ѣ* может восходить к индоевропейскому **ē* или к дифтонгам **oi* и **ai*. А следовательно, с учетом изменений в других родственных языках, мы можем, например, слово *пена* (*пѣна*) сравнивать с латинским *(s)pūma* [спу́:ма] «пена», ибо индоевропейское **oi* (см. таблицу) закономерно дает в старославянском и древнерусском *ѣ*, а в латинском может дать *ū*. Но славянские слова, содержащие *е*, не восходящее к *ѣ*, нельзя сопоставлять с латинскими словами, содержа-

щими *ŭ*. Следовательно, разграничение в произношении двух различных [е], которое до сих пор сохранилось в ряде русских говоров, может служить путеводителем этимолога при выборе индоевропейских соответствий, а именно эти соответствия часто играют решающую роль при установлении этимологии слова.

***Глухмень* и *кусмень*.** Когда мы рассматривали этимологию слова *рамень* (стр. 49—51), то выделили в этом слове древний суффикс *-мень*. Разумеется, в современном русском языке эта часть слова уже не является суффиксом, ибо он давно в нашем языке утратил свою продуктивность. Но в то время, когда формировалось слово *рамень*, именно *-мен(ь)* являлось его суффиксом.

А теперь давайте посмотрим, много ли в современном русском языке слов, которые содержат этот омертвевший суффикс, сросшийся с корнем. *Камень*, *пламень*, *ячмень*...— вот, пожалуй, и все надежные примеры (*кремень* и *ремень* — темные по своему происхождению слова). Если же мы обратимся к диалектам, то там подобного рода образований гораздо больше. Вот некоторые из них: *голóмень* «открытое море» и «часть дерева, не имеющая сучьев», *глухмéнь* «глушь», *житмéнь* «ячмень», *кусмéнь* «кусок, ломоть», *сухмéнь* «сухая погода». Да и само слово *рамень* диалектного происхождения.

Нужно особо подчеркнуть, что слово *рамень* не имеет соответствий ни в одном славянском языке. Но несмотря на это оно оказывается архаизмом, ибо, как мы видели, у него есть «родственники» в целом ряде индоевропейских языков. Это еще одно свидетельство важности диалектного материала, который сохраняет большое количество древних словообразовательных особенностей, давно утраченных в литературном языке.

Но особенно интересные примеры из диалектов, многие из которых также являются архаизмами, можно обнаружить в области семантики. Чтобы представить себе, насколько диалектная лексика может отличаться в этом отношении от общелитературной, остановимся на нескольких примерах.

Можно ли пахать шум бредовой метлой? С точки зрения норм современного русского литературного языка, этот вопрос звучит нелепо. В самом деле, каждому хорошо известно, что земледельцы всегда пахали плугом или, на худой

конец, сохой. Но кто же в здравом уме и твердой памяти станет пахать метлой?!

Кроме того, пахать можно поле, ниву, землю. Это естественно и этим никого не удивишь. А вот *пахать шум*...

Наконец, о *бредовой метле*. Все мы знаем, что *бредовыми* могут быть сны, видения, идеи, планы. Что же касается *бредовой метлы*, то ее мы не найдем ни в одном словаре русского литературного языка.

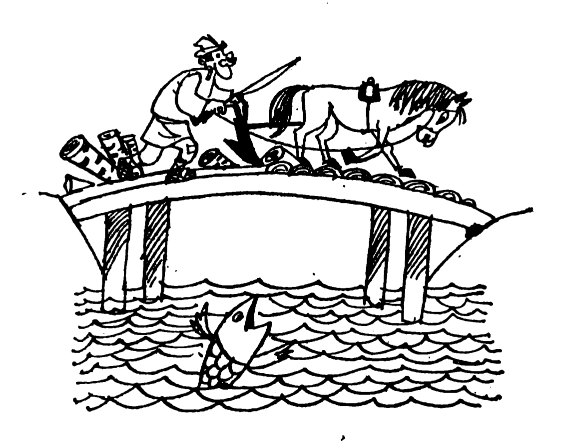
Таким образом, мы рассмотрели все возможные связи между словами в выражении *пахать шум бредовой метлой* и убедились, что ни одна из этих связей не соответствует нашим обычным представлениям о словах *бредовой*, *пахать*, *метла*, *шум*.

Между тем *пахать шум бредовой метлой* — это не простой набор случайно соединенных между собой слов, не бессмысленное их нагромождение.

Слова *шум*, *бредовый* и *пахать* взяты в приведенном примере из псковского диалекта русского языка.

В ряде русских диалектов имеется слово *бредúна* «ива, верба», а также *бред* «прутняк». *Бредовый* — это прилагательное, означающее «сделанный из ивы, из лозы, из прутняка» или «сделанный из ивовой коры». Теперь нам будут понятны такие сочетания слов, как *бредовая дуга*, *бредовая метла*, *бредовые лапти* и т. п.

Глагол *пахать* в диалектах русского языка имеет несколько — подчас далеких друг от друга — значений: 1) *пахать землю;* 2) *пахать* «идти, ходить»; 3) *пахать хлеб, мясо* = «крошить, резать»; 4) *пахать трубу* = «чистить»; *пахать пыль* = «мести, подметать».

Среди перечисленных значений в северных и северо-западных диалектах русского языка особенно часто встречается последнее значение: «мести, подметать».

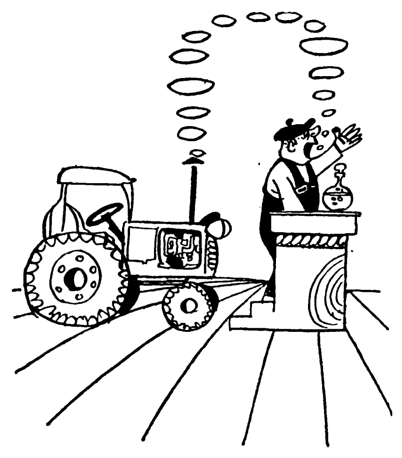
А сени-то еще и не паханы. Поди, подпаши мост («подмети пол») — эти диалектные слова теперь, нужно надеяться, ни у кого не вызовут недоумения. Более того, многие, вероятно, уже вспомнили такие широко распространенные просторечные слова, как *спахивать* или *спахнуть* (пыль), имеющие общий корень с приведенным глаголом *пахать*.

И наконец, слово *шум* в псковском и в ряде других русских диалектов означает «сор, мусор». Так, например, диалектное выражение *не кидай шуму за порог* соответствует литературному *не выбрасывай мусор за порог*.

Следовательно, *пахать шум бредовой метлой* в переводе на русский литературный язык означает: «мести сор метлой из ивовых прутьев».

Про тракториста, который орал, и про ушканов. В тех диалектах, где слово *пахать* значит «мести, подметать», в значении «пахать» обычно выступает глагол *орать*, с которым мы уже сталкивались, когда рассматривали происхождение слова *рамень*. Поэтому не удивляйтесь, если где-нибудь на севере вы услышите, что «тракторист Сидоров целый месяц *орал* на самых удаленных от деревни землях».

Вообще в диалектах очень многие знакомые нам слова выступают в совершенно непривычных для нас, порой неожиданных значениях. Кроме уже приведенных примеров, можно сослаться хотя бы на такие диалектные слова, как *родни́к* «родственник», *враг* «овраг», *стая* «сарай», *борозда* «борона». Многие слова, встречающиеся в диалектах, вообще неизвестны русскому литературному языку: *шал* «сор», *свёсья* «сестра жены», *лоний* «в прошлом году», *пора́то* «много», *ушка́н* «заяц».

Если бы здесь не были приведены значения трех последних слов, то человеку, который не знает северных диалектов русского языка, очень нелегко было

бы понять слова охотника из Архангельской области: «Лони́ пора́то ушка́нов до́был».

О диалектных словарях. Богатейший материал русских диалектов был в XIX веке собран в четырехтомном «Толковом словаре живого великорусского языка», написанном В. И. Далем. «Словарь областного архангельского наречия» также почти сто лет тому назад был составлен А. О. Подвысоцким.

В настоящее время Институт русского языка Академии Наук СССР издает многотомный «Словарь русских народных говоров», а в Ленинградском университете печатаются первые выпуски «Псковского областного словаря». Имеется также большое количество словарей, в которых собран материал смоленских, вятских, ярославских и других говоров и диалектов русского языка.

Работа по изучению областной лексики продолжается в наши дни особенно интенсивно. Ученые ежегодно отправляются в различные диалектологические экспедиции, изучают особенности русских говоров, их древние и новые черты. Но диалектные слова под мощным и все возрастающим воздействием школы, печати, радио и телевидения постепенно исчезают из языковой практики. Литературный язык буквально на наших глазах все глубже и глубже проникает в самые различные диалекты, стирая разницу между ними.

Археологи и историки тщательно собирают и изучают разнообразные древние памятники материальной и духовной культуры человека: старинные орудия труда, различные изделия из камня, дерева, металлов, архитектурные памятники, произведения живописи и скульптуры, древние рукописи, надписи, рисунки на камне и т. д. По этим памятникам воссоздается вся история человеческого общества. Многое из того, что было утрачено в прошлом, удалось восстановить благодаря кропотливой работе археологов, благодаря археологическим раскопкам.

С диалектами русского или какого-нибудь другого современного нам языка дело обстоит значительно сложнее. Если сегодня под влиянием литературного языка из диалекта исчезнет какое-то слово, присущее лишь ему одному, то завтра это слово уже нельзя будет восстановить никакими «раскопками». Вот почему работа диалектологов приобретает в наши дни такое важное значение. Сохранить для потомков все богатство русского языка, заключенное в

его диалектах,— вот одна из главных задач, стоящих перед составителями областных словарей. Но эта задача — далеко не единственная. Подобно тому как археологические и исторические экспонаты музеев позволяют восстановить далекое прошлое нашей родины, областные словари дают возможность ученым проникнуть далеко в глубь истории русского языка.

Материал диалектов — это неисчерпаемая сокровищница, в которой хранятся поистине бесчисленные архаические слова и формы, давно уже утраченные в литературном языке. Анализ диалектного материала занимает важное место в исследованиях по русскому языку. Мы остановимся здесь лишь на одном частном вопросе о том, как изучение материала диалектов помогает этимологу на его пути к истокам слова.

Диалектные слова и этимология. Примеры со словами *пахать* «мести», *шум* «сор», *мост* «пол», *орать* «пахать», *бредовый* «ивовый» и др. говорят о том, что многие слова, звучащие одинаково в русском литературном языке и в его диалектах, значительно отличаются друг от друга по своему смыслу. Одни из таких слов только внешне созвучны между собой, имея на самом деле различное происхождение (омонимы). Сюда можно отнести, например, литературное *враг* и диалектное *враг* «овраг». В других случаях расхождение значений возникло в результате позднейших семантических изменений. Причем изменения эти очень часто происходили в литературном языке, в то время как диалекты сохраняли более древнее значение слова.

Но в диалектах русского языка сохраняются не только древнейшие значения слов, но также и многие из словообразовательных типов, утраченных в литературном языке. При разборе этимологии слова *коровай*, как вы помните, нам большую помощь оказало сходное по своей словообразовательной структуре диалектное слово *коротай*.

Чередование суффиксов *-в-/-т-*, хорошо известное во многих индоевропейских языках, почти не сохранило следов в русском литературном языке. А в диалектах мы находим такие примеры, как *пе-в-ун/пе-т-ун* «петух»[1], *чер-в* «серп»/*чер-т-а* «резец» и др.

[1] Суффикс *-ун* у обоих слов сравнительно позднего происхождения. Но чередующиеся суффиксы *-в-* и *-т-* являются достаточно древними. Сравните ст.-славянск. *пѣ-т-ъ* «петух», русск. диалектн. *пе-в-ел* и *пе-т-ел* «петух», а также украинск. *пі-в-ень* «петух», где постоянно выступают отмеченные суффиксы *-в-* и *-т-*.

Не менее важное значение, как мы уже видели, имеют также фонетические особенности диалектов русского языка. И здесь диалектные слова часто сохраняют более древний фонетический облик, позволяющий в достаточной мере надежно решить вопрос об этимологии этих слов.

***Домовой* и *леший*.** В древности наши предки верили, что вокруг них жили разные духи: одни — добрые, другие — злые. Добрым духом иногда считался дух — хранитель дома, домовой. Недаром его звали ласкательно *дедушкой*, *батанушкой* или уважительно — *хозяином*.

За пределами своего родного дома в те далекие времена человек постоянно подвергался различным опасностям: в лесах жили дикие звери, в поле нередко заставала зимняя вьюга, на воде его небольшая лодка-однодревка легко могла перевернуться, а там смотришь — и водяной на дно утащит. Так возникла у человека вера в недобрых духов — водяных, полевых, боровых (духов, обитавших в бору), леших.

Этимологическая связь между словами *дом* и *домовой*, *вода* и *водяной*, *поле* и *полевой*, *бор* и *боровой* ни у кого не вызывает сомнений. Слово *домовой*, например, употребляется в русском языке не только как существительное, но и как обычное прилагательное — правда, с иным местом ударения (по нормам литературного языка): *домóвая кухня*, *домóвая книга*. То же самое можно сказать и о других перечисленных словах. Сравните: *водяной насос*, *полевой цветок*, *боровая дичь*.

А вот связь между словами *лес* и *леший* далеко не так очевидна. И дело здесь не в том, что корень первого слова содержит *-с-*, а второго — *-ш-*. Подобное фонетическое чередование легко объяснимо, ибо оно полностью совпадает с такими же чередованиями в случаях: *ве-с-на/ве-ш-ний*, *пи-с-ать/пи-ш-у*, *вку-с-ить/вку-ш-ать* и т. п.

В семантическом плане связь *лешего* как «лесного духа» с *лесом* также вполне естественна. Но почему же этот дух не получил названия *лесной* (как *водяной*, *домовой* и др.)? Может быть, в древности от существительного *лес* было образовано иное прилагательное — *леший*? Предположение это вполне правдоподобное. Почему же тогда мы можем встретить в русском языке водяную, полевую и боровую дичь или птицу, но нигде не встретим птицу лешую?

Впрочем, действительно ли нигде? В русском литературном языке слово *леший* не имеет значения «лесной», а вот в псковском диалекте имеет. Здесь мы можем встретить

и *леших уток*, и *лешие яблоки*, и *леших мух*, и *лешую землю*. И во всех этих случаях слово *леший* выступает со значением «лесной».

Таким образом, материал псковских говоров русского языка окончательно устраняет малейшие сомнения, которые еще могли бы остаться при исследовании этимологии слова *леший* «лесной дух».

* * *

Одной из наиболее характерных особенностей диалектов является их удивительная способность сохранять в неприкосновенности в течение многих веков самые архаичные черты, которые по большей части были давно утрачены литературным языком. Эта архаичность диалектов относится и к фонетической, и к словообразовательной, и к семантической стороне языка.

Вот почему материал диалектов, позволяющий вскрыть наиболее древние слои в истории слова, играет столь значительную роль в этимологических исследованиях. Вот почему каждая публикация нового областного словаря всегда вызывает самый живой интерес у историков языка, а особенно, пожалуй, у историков и «биографов» слова — этимологов.

Глава пятнадцатая

О ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВАХ

В каждом языке наряду с исконными словами имеется большое количество древних и поздних заимствований, этимологизация которых имеет свои особенности.

Но так ли уж много заимствованных слов, например, в русском языке? Берем наугад какую-нибудь газету — ну хотя бы «Советский спорт». Раскрываем один из ее номеров и находим статью, в которой рассказывается о первенстве мира 1970 года по футболу. Останавливаемся на слове *футбол*, которое, как известно, было заимствовано из английского языка: *foot* [фу:т] по-английски значит «нога», а *ball* [бо:л] — «мяч». Такие футбольные термины, как *форвард*, *офсайт*, *пенальти*, *гол*, *аут* и другие, тоже были заимствованы из английского языка.

Открываем другую страницу газеты. Здесь пишут о соревнованиях по *гимнастике*, *баскетболу* и *волейболу*. Все

эти названия спортивных игр также «пришельцы» в русском языке. Заимствованным является и слово *спорт*, а также слова *олимпиада*, *призер*, *хоккей*, *шайба*, *диск*, *стадион*, *матч*, *тайм*, *бокс*, *спринтер*, *стайер*, *гроссмейстер*, *цейтнот*, *старт*, *финиш*.

Но может быть, такое обилие иноязычных слов встречается только в спортивной терминологии? Возьмем, например, авиационную терминологию: *пилот*, *штурман*, *радист*, *стюардесса; фюзеляж*, *мотор*, *шасси* и т. д.— все это заимствованные слова. В больнице или в аптеке мы можем услышать иноязычные по своему происхождению слова: *терапевт*, *хирург*, *ангина*, *аппендицит*, *аспирин*, *стрептоцид*, *скальпель*, *инъекция*, *донор* и другие. *Кино*, *радио*, *телевизор; газета*, *журнал; геометрия*, *физика*, *химия; культура*, *прогресс*, *демократия; революция*, *социализм*, *коммунизм*, *партия* — эти и перечисленные выше слова — далеко не полный перечень заимствованных слов, которые прочно вошли в наш обиход, став весьма важной и неотъемлемой частью современного русского языка.

Мастер и подмастерье. Но не является ли обилие иностранных слов в языке свидетельством его «неполноценности»? Ничуть не бывало! Как раз наоборот: чем легче язык усваивает международную лексику, чем больше он пополняется за счет включения в него всего того ценного, что содержится в других языках, тем этот язык совершеннее и богаче.

Язык не просто заимствует слова. Заимствование нельзя рассматривать как чисто механическое включение иностранного слова в состав родного языка. Процесс этот протекает значительно сложнее. Обычно слово, проникая, например, в русский язык, оформляется грамматически как р у с с к о е слово.

Возьмем в качестве примера явно заимствованное (хотя и не совсем ясно, из какого именно языка) слово *мастер*. Склоняется оно точно так же, как любое другое русское по своему происхождению слово подобного же типа (например, *повар*): *мастер*, *мастера*, *мастеру*, *мастера*, *мастером*, *о мастере* и т. д. Такие формы склонения можно встретить только в русском языке.

По своему произношению русское слово *мастер* отличается как от немецкого *Meister* [ма́йстер] или английского *master* [ма́:сте], так и от других иностранных слов, восходящих к общему с ним источнику. Наконец, ни в одном

другом языке, кроме русского, мы не встретим такой суммы производных, как *мастерство*, *мастеровой*, *мастерица*, *подмастерье*, *мастерская*, *мастерить* и т. п.

Следовательно, слово *мастер* является иноязычным только по своему происхождению. По своему же грамматическому оформлению, по словообразовательным связям, по особенностям произношения и, главное, по самому факту употребления в языке — это типично русское слово. Проникновение в наш язык таких слов, как *мастер*, не привело к «искажению» русского языка, к утрате каких-либо его самобытных черт. Напротив, сами заимствованные слова приспособились к русскому языку, к особенностям его произношения, грамматики, словообразования.

Правда, имеется сравнительно небольшая группа иноязычных слов, которые до сих пор чувствуют себя в нашем языке не совсем «уютно». В отличие от всех других слов они даже не имеют обычных русских окончаний при склонении: *кино*, *пальто*, *кофе*, *ралли*, *радио* и некоторые другие. Но подобных слов не так уж много, и не они «делают погоду» в русском языке.

Адмирал Шишков и дама, приятная во всех отношениях. Проникновение в русский язык большого количества слов интернациональной лексики (*демократия*, *конституция*, *культура*, *прогресс* и др.) было воспринято некоторыми реакционными деятелями начала XIX века как «засорение» языка «иностранными» словами. Особенно яростным пуристом[1] был министр просвещения адмирал А. С. Шишков. Он предлагал, например, вместо иноязычного слова *тротуар* употреблять «слово» *топталище* (выдуманное им самим), вместо *галоши* — *мокроступы*, вместо *фортепьяно* — *тихогромы* и т. п.

Это стремление Шишкова заменить уже получившие широкое распространение в русском языке иностранные слова своими отечественными «мокроступами» было встречено передовой русской общественностью весьма критически. Так, А. С. Пушкин, употребив в восьмой главе «Евгения Онегина» французское выражение *comme il faut* [ком иль фо́][2], позднее

---

[1] Пурист — от латинского *purus* [пу́:рус] «чистый» — сторонник очищения родного языка от излишних иностранных слов.

[2] *Comme il faut* — (букв. *как надо, как следует*) — прилично, приличный.

вошедшее в язык русской художественной литературы, иронически заметил:

...Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.

Полной противоположностью адмиралу Шишкову была гоголевская «дама, приятная во всех отношениях», которая буквально на каждом шагу, без какой бы то ни было нужды, вставляла в свою речь французские слова, основательно к тому же коверкая их. Вот такое неуместное загромождение русского языка иностранными словами и терминами, без которых легко можно обойтись, всегда вызывало справедливый протест тех, кто борется за действительную чистоту родного языка.

О разных типах заимствования. Слова иноязычного происхождения в русском языке могут различаться по источнику заимствования (грецизмы, тюркизмы, германизмы и т. д.), по способу заимствования (устный и письменный пути проникновения иноязычной лексики), по тому, насколько прочно вошли заимствованные слова в лексику нашего языка. Нужно отметить, что грецизмы, например, проникали в русский язык, главным образом, письменным, а тюркизмы — устным путем. Письменные заимствования становились достоянием в первую очередь литературного языка, а устные обычно распространялись через диалекты, оставаясь нередко территориально ограниченными. Источником устных заимствований служило двуязычие, которое часто встречалось в пограничных областях.

Слова иноязычного происхождения принято делить на заимствования и иностранные слова. К собственно заимствованной лексике относятся слова, уже усвоенные языком, которые совсем (или почти совсем) не воспринимаются как слова не исконные: *баржа*, *деготь*, *кровать*, *лошадь*, *пакля*, *плита*, *редька*, *рынок*, *сарай*, *свекла*, *слесарь* и др. В отличие от них иностранные слова не вполне «акклиматизировались» в русском языке. Они еще ощущаются как слова чужеземного происхождения, почему иногда и называются варваризмами[1]. Именно такие слова входят в состав словарей иностранных слов. Особенно много варваризмов среди интернациональных слов и разного рода специальных терминов — общественно-политиче-

---

[1] Варварами древние греки называли всех негреков. Следовательно, варваризм — это слово из неродного языка.

ских, научно-технических, спортивных и т. д.: *коммюнике*, *интервью*, *креатура*, *реле*, *баттерфляй*, *ралли*. «Чужеродность» этих слов проявляется уже в том, что многие из них не имеют форм склонения. Однако часто провести четкую границу между укоренившимися заимствованиями и варваризмами бывает трудно. Более того, многие слова, сравнительно недавно усвоенные русским языком, еще в XVIII — XIX веках ощущались как варваризмы: *адмирал*, *политика*, *физика* (XVIII в.), *пейзаж*, *фрак*, *жилет* (XIX в.). Сравните у А. С. Пушкина:

Но *панталоны*, *фрак*, *жилет*,
Всех этих слов на русском нет [1].

(«Евгений Онегин», глава I).

Вместе с тем многие иностранные «пришельцы» не привились в русском языке и еще в XIX веке были вытеснены исконными русскими словами: *виктория* уступила место *победе*, *политесс* — *вежливости*, *презент* — *подарку*. Широко распространенное еще в 30-е годы XX века иностранное слово *аэроплан* было вытеснено давним его конкурентом — словом *самолет* [2].

Грецизмы и латинизмы. В современных европейских и некоторых других языках встречается большое количество слов, которые составляют слой интернациональной лексики: *фабрика*, *радио*, *демократия*, *социализм*, *революция* и др. Многие из этих слов образованы от греческих и латинских корней или же целиком восходят к соответствующим греческим и латинским словам. Однако, встречаясь с грецизмами и латинизмами, этимолог может попасть в «ловушку». Обнаружив у слова греческие или латинские корни и суффиксы, можно сделать вывод, что оно заимствовано из греческого или латинского языка.

Между тем среди слов греческого и латинского происхождения немало таких, которые не были заимствованы в русский язык из греческого или латинского.

Многие грецизмы и латинизмы проникли к нам не непосредственно из греческого или латинского, а, например, из французского, немецкого, польского или из других ев-

---

[1] Иронический намек на А. С. Шишкова, выступавшего против употребления иностранных слов в русском языке.

[2] В современном его значении это слово употреблялось в русском языке еще в конце XIX века.

ропейских языков. Следовательно, заимствованы они были именно из этих языков, а не из греческого или латинского. Во всех этих случаях этимолог должен четко разграничивать в процессе заимствования язык-источник и язык-посредник. Первый может ответить на вопрос об этимологии слова, второй — указать на конкретные пути проникновения слова в русский язык и объяснить некоторые из его фонетических, словообразовательных и семантических особенностей.

Кроме того, многие слова, содержащие греческие и латинские корни, не могли быть заимствованы из греческого или латинского языка по той простой причине, что этих слов ни в греческом, ни в латинском языке никогда не было. Дело в том, что большое количество слов и специальных терминов было искусственно образовано в новое время на базе древнегреческих и латинских слов. Можно ли, например, говорить, что слова *телефон* или *геология* заимствованы из греческого, а *аквариум* — из латинского языка?

Греческое слово *tēle* [те́:ле] означает «далеко», а *phōneō* [фо:не́о:] «звучу». Отсюда и берет начало прилагательное *tēlephōnos* [те:лефо́:нос] «далеко звучащий» (по модели: *tēleskopos* [те:леско́пос] «далеко видящий»). Но ведь в греческом языке прилагательного *tēlephōnos* никогда не было! А существительное *телефон* было искусственно создано в новое время, а не заимствовано из греческого языка. То же самое относится и к слову *геология*, искусственно образованному по типу слов *география*, *геометрия*, *метеорология* и т. п.

Аналогичное явление имело место в случае со словом *аквариум*. Иногда в этимологических словарях можно встретить утверждение, что слово это «заимствовано из латинского языка в XIX веке». Однако в латинском языке слова *aquarium* «искусственный водоем для содержания и разведения рыб, водных животных и растений» не существовало. Интересующее нас слово было в XIX веке не заимствовано из латинского языка (тем более — прямо в русский язык!), а искусственно создано на базе латинского прилагательного *aquarius* [аква́риус] «водный».

Таким образом, среди слов, содержащих греческие или латинские корни и суффиксы, следует различать по крайней мере три типа заимствований: 1) слова, проникшие к нам непосредственно из греческого или латинского языка; 2) заимствования через посредство других языков; 3) слова, искусственно созданные в новое время на базе греческого и латинского языков.

Иноязычные слова и этимология. Поскольку в русском языке имеется большое количество заимствованных слов, вопрос о происхождении, о времени, месте и конкретных путях заимствования является одним из наиболее важных вопросов, связанных с работой этимолога.

Очень часто сравнительно недавние заимствования вообще не включаются в этимологические словари русского языка. В лучшем случае указывается лишь тот язык, из которого было произведено заимствование. Однако ссылка такого рода не решает вопроса об этимологии интересующего нас слова.

Допустим, например, что мы хотим выяснить этимологию слова *театр*. Открываем «Краткий этимологический словарь русского языка» и читаем:

«**Театр.** Заимствовано из франц. яз. в XVIII в. Франц. *théâtre* восходит к лат. *theatrum* — «театр», являющемуся переоформлением греч. *theatron* — т. ж.»

Правильность приведенных здесь сведений не вызывает никаких сомнений. Верно указано время и место заимствования (XVIII век, французский язык), исходный источник заимствованного слова (греческий язык), пути заимствования (греческий → латинский → французский → русский язык). Не хватает здесь только одного —... этимологии слова *театр*.

Все приведенные в словаре данные не исчерпывают этимологической задачи, так как они ограничены лишь проблемой истории слова, истории его заимствования. Этимология слова *театр* оказалась максимально приближенной к его истокам, но са́мые эти истоки вскрыты не были.

Как правило, этимология заимствованного слова может быть установлена лишь на материале того языка, из которого в конечном итоге это слово было заимствовано. В случае со словом *театр* таким языком является язык древнегреческий, в котором слово *theatron* [тхéатрон] представляет собой производное от глагола *theaomai* [тхеáомай] «смотрю». О семантической связи между этими словами мы уже говорили выше, останавливаясь на истории русского слова *позор* (стр. 69)[1].

---

[1] Рассмотренный нами пример отражает весьма распространенный недостаток многих словарей. Этот недостаток был полностью устранен в новом «Этимологическом словаре русского языка» (автор-составитель Н. М. Шанский). Первые пять выпусков этого словаря (буквы А—З) вышли в издательстве Московского университета в 1963—1973 гг.

Пути-дороги заимствованных слов. На примере со словом *театр* мы убедились в том, какой сложный путь может совершить слово, переходя из одного языка в другой. В русском языке имеется довольно большое количество слов греческого происхождения. Но пути проникновения их в наш язык были различными. Одни слова были заимствованы из греческого языка в старославянский, а оттуда главным образом через книги религиозного содержания, в древнерусский язык. Другие слова, подобно слову *театр*, попали сначала в латинский язык, а затем — обычно через посредство одного из западноевропейских языков — в русский.

Определить эти конкретные пути заимствования иногда бывает очень нелегко, так как документально засвидетельствованные случаи заимствования сравнительно редки. Вот почему при определении непосредственного источника заимствованного слова видное место принадлежит его фонетическому, словообразовательному и семантическому анализу.

Остановимся в качестве примера на заимствованиях из греческого языка. Когда греческие слова, содержащие звук *th*[1], проникали в русский язык через старославянский, это исходное *th* передавалось на письме сначала специальной буквой θ («фита»), а позднее — буквой *ф*. Именно такое происхождение имеет буква *ф*, например, в слове *фимиам* «благовонное вещество для курения, ладан». В тех же случаях, когда греческое слово проникало сначала в латинский язык, звук *th* утрачивал здесь свое придыхание и начинал произноситься как простое [т]. Вот почему и русское слово *театр*, пришедшее к нам через посредство латинского языка, начинается с буквы *т*, а не с *ф*.

Иногда одно и то же слово проникало в русский язык обоими рассмотренными путями. В этих случаях слова, «путешествовавшие» западным маршрутом (через латинский язык), имели на месте греческого *th* простое русское *т*. Те же слова, которые приходили к нам восточным путем (через старославянский язык или непосредственно из греческого), передавали исходное *th* посредством русского *ф*.

Так, например, греческое слово *thymiama* [тхюмиама] с востока пришло к нам в форме *фимиам* «ладан», а с запада — *тимьян* «растение с мелкими душистыми цветка-

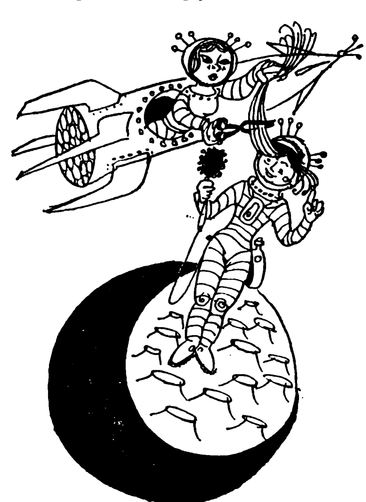
---

[1] Этот звук произносился как русское *т* с придыханием, нечто вроде *тх*.

ми». Имя *Фома*, пришедшее к нам непосредственно из греческого языка, имеет своего западного «двойника»: *Томас*, *Том*. Это — одно и то же имя, а расхождения между начальными *Ф-* и *Т-* объясняются только что рассмотренными фонетическими особенностями. Аналогичное расхождение имело место и в случае *Федор*, *Феодор* (из греческого языка)— *Теодор* (через западное посредство).

Подобные же явления наблюдаются и при заимствованиях из других языков. Так, русские слова *чердак* и *чертог* были заимствованы, по-видимому, в разное время и, возможно, у разных народов тюркского происхождения. Но и в тюркских языках эти слова не были исконными. В качестве первоисточника слов *чердак* и *чертог* ученые обычно называют персидское *čartak*, состоящее из двух составных элементов: *čar* [чар] «четыре» и *tak* [так] «высокая часть дома, галерея, балкон».

Бывают и такие редкие случаи, когда слово, проникнув из одного языка в другой, затем совсем неузнанным возвращается обратно. Возможно, что такое путешествие «с обратным билетом» совершило русское слово *хрип*. Полагают, что сначала оно было заимствовано во французский язык, где в форме *grippe* [грип] стало обозначать одно из самых распространенных инфекционных заболеваний. И только после этого — уже в иностранном обличье — это слово вернулось обратно в русский язык. Так в результате «поездки» во Францию русский *хрип* превратился в *грипп*.

Космос и косметика. Вы никогда не задумывались над тем, почему так похожи друг на друга слова *космический* и *косметический*? Есть ли у них какой-то общий, единый источник, или же сходство между этими словами объясняется лишь случайным совпадением?

Прежде всего нужно сказать, что этимология обоих слов может быть выявлена только на материале греческого языка. Древнегреческий глагол *kosmeō* [космéо:] означал «строю, привожу в поря-

док, украшаю». Отсюда у слова *kosmos* [ко́смос] появились значения «упорядоченность, порядок», «мировой порядок, мироздание, мир» и «украшение». Впервые слово *kosmos* в значении «мир, мироздание, вселенная», насколько нам известно, было употреблено знаменитым древнегреческим математиком и философом Пифагором (VI век до н. э.). Значение же «украшение, наряд» было известно у слова *kosmos* еще во времена Гомера, то есть, по крайней мере, за 200—300 лет до Пифагора.

Древнегреческое прилагательное *kosmetikos* [косметико́с] имело значение «придающий красивый вид, украшающий», а сочетание слов *kosmetikē technē* [косметике́: те́хне:] или просто *kosmetikē* означало «искусство украшения». Именно здесь и находятся истоки русских слов *косметика* и *косметический*.

Что же касается слова *космический*, то оно восходит к другому древнегреческому прилагательному — *kosmikos* [космико́с] «мировой, вселенский, относящийся к космосу».

Следовательно, общность происхождения русских слов *космос*, *космический* и *косметика*, *косметический* может быть представлена в виде такой схемы:

Козлы в театре. Нет, речь сейчас пойдет не о *козлетоне* и не о другом просторечном выражении *петь козлом* (или *драть козла*). Напротив, мы сейчас перейдем к рассмотрению таких возвышенных слов, связанных с театром, как *трагедия* и *каприччо*.

Что такое *трагедия* — мы знаем все. А вот какова этимология этого слова, видимо, знают не все. В древнегреческом языке (а трагедия, как известно, родилась именно в древней Греции) слово *tragos* [тра́гос] означало «козел», *ōdē* [о:де́:] — «песня»[1].

[1] Отсюда в русском языке берет начало слово *ода*.

Таким образом, *tragōdia* [траго:дйа] — «трагедия» буквально значило «песня козлов».

Какое же отношение могли иметь козлы к театру? Оказывается, самое непосредственное. Древнейшие театральные постановки были неразрывно связаны с культом греческого бога плодородия Диониса. Сначала на этих постановках излагались различные предания о Дионисе в форме диалога между хором и его предводителем — корифеем. Хор обычно состоял из сатиров — козлоногих спутников Диониса. Актеры, изображавшие сатиров, этих полулюдей-полукозлов, были наряжены в козьи шкуры. Пение хора козлоногих сатиров и получило первоначальное название *tragōdia*. Впоследствии развитие трагедии продолжалось, но старое название сохранилось до наших дней.

Другим «козьим» словом, пришедшим в русский язык на сей раз из итальянского языка, является слово *каприччо*. В основе этого музыкального названия, как, кстати, и в основе слова *каприз*, лежит итальянск. *capra* [кáпра] «коза». Что же общего между *каприччо* и *капризом*? Свободный, полный неожиданных оборотов характер музыки как бы передает своенравные повадки козы. Что же касается каприза, то это, если угодно, проявление козьего характера...

Лихорадка на устах. Пример со словами *трагедия* и *каприччо* показывает, что заимствованные иноязычные слова, имеющие в языке-источнике весьма прозаическое буквальное значение, могут восприниматься в заимствующем языке как нечто возвышенное, далекое от будничной жизни. Эта особенность довольно часто проявляется в заимствованной лексике, ибо лишенные естественных связей родного языка иноязычные слова ассоциируются не с их этимологией, а лишь с тем объектом, который этими словами обозначается. Вот почему заимствованный и исконный слои лексики очень часто относятся в языке к разным сферам — как реальным, так и стилистическим.

Еще Вальтер Скотт в своем знаменитом романе «Айвенго» сделал очень интересное наблюдение. Оказывается, в английском языке многие названия домашних животных — исконно английского происхождения, а соответствующие им названия мяса были заимствованы после норманского завоевания Англии (1066 г.) из нормано-французского:

„бык“ *ox* [окс] — „говядина“ *beef* [би:ф],
„теленок“ *calf* [ка:ф] — „телятина“ *veal* [ви:л],

„свинья" *swine* [свайн] — „свинина" *pork* [по:к],
„овца" *sheep* [ши:п] — „баранина" *mutton* [матн].

Поскольку за скотом ухаживали английские крепостные, все названия домашних животных здесь сохранились исконные. Названия же блюд были усвоены прислугой у господ-норманнов и таким образом вошли в английский язык.

Не менее интересное явление можно наблюдать и в русском языке, где церковно-славянизмы употребляются обычно в сфере возвышенного стиля. Особенно ясно это выступает при сравнении исконно русских слов с их старославянскими синонимами. Сравните такие пары слов, как *глаза — очи*, *веки — вежды*, *лоб — чело*, *губы — уста*, *щеки — ланиты*, *грудь — перси*, *палец — перст*, *шея — выя*, *плечо — рамо* и др. Все перечисленные пары обозначают одни и те же части человеческого тела. Разница между этими словами не в значении, а в стилистической окраске. Эту стилистическую разницу в употреблении тех и других слов сумел в яркой форме показать писатель С. С. Наровчатов:

«„Уста" целовали и лобзали, они молили и смеялись, были открытыми или сомкнутыми, но лихорадка высыпала только на „губах". „Перси" красавиц вздымались и трепетали, а своему ребенку крестьянка давала „грудь". Хмурилось „чело" государыни, объявлявшей войну неверным туркам, а молодому рекруту попросту забривали „лоб"»[1].

* * *

Изучение заимствованных слов в языке представляет собой обширную и интересную область исследования. Некоторые особенности, характерные для заимствованных слов, были нами рассмотрены в настоящей главе. Теперь же мы обратимся к тому, какие закономерности проявляются в процессе этимологизации заимствованной лексики.

Глава шестнадцатая

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

В предыдущей главе мы рассмотрели ряд специфических признаков, которые позволяют в отдельных случаях отличать заимствованные слова от исконных. Мы видели, что заимствованные слова ведут себя в языке по-разному, под-

---

[1] «Наука и жизнь», 1969, № 10, стр. 108. См. также: С. С. Наровчатов. Необычное литературоведение. М., 1970, стр. 80.

час весьма существенно выделяясь на общем фоне того языка, в который они были заимствованы. Однако было бы ошибочным считать, что этимологический анализ иноязычных слов в корне отличен от анализа слов исконных. Общего здесь будет, пожалуй, даже больше, чем различий. Вот разве только разработка принципов и методики исследования заимствованных слов явно отстает от соответствующей разработки в области этимологического изучения «своей» лексики. Во всяком случае, этимологические словари в статьях, посвященных заимствованным словам, часто ограничиваются простым указанием на факт заимствования, не подкрепляя этого утверждения какой-либо аргументацией.

А что об этом думает Платон? У греческого философа Платона в его диалоге «Кратил» можно найти интересное высказывание по вопросу о заимствованиях:

«При полной невозможности достичь какого-либо результата с помощью имеющихся в его распоряжении средств этимолог может объявить интересующее его слово заимствованием из языка варваров».

В приведенном отрывке необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых,— и это очень важно! — заимствованные слова обычно не этимологизируются на материале «своего» языка[1]. Это наблюдение Платона остается в силе и в наше время, являясь одним из важных критериев выделения иноязычной лексики. Во-вторых, отсутствие надежной «туземной» этимологии у того или иного слова считается (еще со времен Платона!) достаточным основанием для того, чтобы объявить его иноязычным. После этого в каком-нибудь языке этимолог (обычно без особого труда) находит какое-нибудь слово с одинаковым или близким звучанием и значением — и вопрос о заимствовании считается решенным. Иногда в наши дни так и поступают авторы различных этимологических заметок и даже серьезных этимологических словарей.

Между тем этимологизация заимствованных слов — совсем не такое простое дело. Для установления действительного (а не мнимого) происхождения иноязычного слова мало найти в одном из языков какое-нибудь близкое по своему звучанию и по смыслу образование. При наличии большого количества разных языков такое слово где-нибудь

---

[1] О попытках народно-этимологического истолкования непонятных иноязычных слов речь будет идти ниже (см. гл. XXIV).

обычно почти всегда находится. Но сопоставление с этим словом в большинстве случаев еще ничего не доказывает. А для серьезного подтверждения предполагаемой этимологии нужна целая система доказательств. Причем основные доказательства лингвистического порядка можно разделить на фонетические, словообразовательные и семантические. Нужно только иметь в виду, что во всех этих случаях этимологизация заимствованных слов будет отличаться некоторыми специфическими чертами.

Звуки и их сочетания. Фонетический строй разных языков не одинаков. В этом каждый из нас имел возможность убедиться при изучении иностранных языков. Например, в немецком языке нет исконных слов со звуком [ж], в английском — со звуком [ц], во французском — со звуком [ц] или [ч]. Ни в одном из этих языков нет слов со звуком [ы]. И наоборот — в русском языке отсутствуют многие звуки, обычные для немецкого, английского, французского и других языков.

В славянских языках когда-то отсутствовал звук [ф]. Попробуйте открыть словарь русского языка на букву *Ф* и найти там хотя бы одно древнее исконно славянское слово. На эту букву будут только заимствованные слова. С тем же самым явлением вы столкнетесь и в литовском языке, где вообще нет исконных слов со звуком [ф].

Уже на основании одного такого признака иногда можно прийти к выводу об иноязычном происхождении интересующего нас слова. В других случаях звук, хотя и обычный для данного языка, оказывается в необычной для него позиции. Например, звук [ф] в исконно латинских словах встречается только в начальной позиции: *faba* [фа́ба] «боб», *ferrum* [фе́ррум] «железо», *focus* [фо́кус] «очаг» и т. д. Вот почему такие слова, как *scrofa* [скро́:фа] «свинья» и *rufus* [ру́:фус] «рыжий» считаются в латинском языке заимствованиями.

Если мы обратимся к более знакомому нам языку — русскому, то, открыв этимологический словарь на букву *А*, мы убедимся, что и здесь (как в случае со словами на *Ф*) подавляющее большинство слов иноязычного происхождения. Оказывается, гласный [а] в начале слова был нетипичен для языка наших предков. Приведенные примеры показывают, что позиционный анализ звуков также может оказать существенную помощь при этимологизировании слов чужеземного происхождения.

Наконец, важное значение при исследовании заимствованной лексики имеет анализ возможных и невозможных для того или иного языка сочетаний звуков. Например, такое обычное для немецкого языка сочетание согласных, как [пф] в начале слова (*Pferd* [пферд] «лошадь», *Pfad* [пфад] «тропа» и т. д.), отсутствует в английских и в русских словах, если они не были заимствованы из немецкого языка[1]. Русское сочетание [пч] в начале слова (*пчела*) мы, напротив, не найдем в немецком, впрочем, как и во многих других языках. Начальное [пс] — яркий признак слов греческого происхождения (*психология*, *псевдоним*, *псалтырь* и др.)[2] как в русском, так и в ряде других, главным образом, европейских языков.

Иногда сочетания звуков бывают гораздо более сложными, присущими исключительно или почти исключительно какому-либо одному языку. Вот три примера с типичными для литовского языка сочетаниями согласных:

[лкшв] —	*pilkšvas*	[пи́лкшвас]	„сероватый“,
[нкшт] —	*minkštas*	[ми́нкштас]	„мягкий“,
[ргжд] —	*bergždas*	[бя́ргждас]	„пустая порода“.

Последний пример можно дополнить еще более сложным сочетанием: [ргждж] — *bergždžias* [бя́ргжджас][3] «бесплодный». Для нас, носителей русского языка, сочетание пяти согласных подряд кажется необычным. Но давайте внимательнее присмотримся к нашим собственным словам — к словам русского языка: *вздрогнул*, *встреча*, *агентство*. В последнем слове, которое представляет собой русское образование на основе заимствованного слова *агент*, мы также встречаем сочетание из пяти согласных: [нтств].

Этимологи при анализе слов иноязычного происхождения берут «на вооружение» разного рода сочетания звуков (согласных, гласных, тех и других, вместе взятых). Ибо эти сочетания нередко являются своего рода «визитной карточкой» языка.

Японский ректор Варшавского университета. Поскольку набор и качество звуков в разных языках могут значительно расходиться, слова в процессе их заимствования нередко

[1] Сравните в русском языке: *пфенниг* (германское заимствование).

[2] Краткие сведения об этимологии иноязычных слов, которые специально не разбираются в книге, читатель может найти в «Словаре иностранных слов».

[3] В приведенной транскрипции не отмечена мягкость литовских согласных, входящих в данное сочетание.

подвергаются существенным фонетическим преобразованиям. Если бы этого не происходило, если бы фонетический облик слова оставался неизменным при заимствовании из одного языка в другой, то под влиянием огромного количества заимствованной лексики языки давно утратили бы присущие им индивидуальные особенности фонетического строя. Однако в действительности подобного полного «стирания» фонетических границ между языками мы обычно не наблюдаем. Каждый язык в основном сохраняет свой фонетический строй, а заимствованные слова как бы преломляет сквозь призму свойственного ему произношения.

В результате в процессе заимствования определенные звуки языка-источника могут передаваться не точно такими же, а (там, где отсутствует полное совпадение) лишь сходными звуками заимствующего языка. Такая происходящая в процессе заимствования замена одних звуков другими называется ф о н е т и ч е с к о й с у б с т и т у ц и е й (замещением). О том, что такое фонетическая субституция, мы можем получить некоторое представление, если обратимся к такому хорошо знакомому нам явлению, как акцент. Ведь акцент — это, в сущности, перенос артикуляционных (произносительных) особенностей родного языка на произношение иноязычных слов. Если, например, из двух «плавных» звуков [р] и [л] в китайском языке имеется только [л], а в японском только [р], то естественно, что китаец будет русское *город* произносить как *голод*, а японец слово *лом* произнесет как *ром*.

Именно такого рода особенность фонетической субституции проявилась в случае с одним японцем, который был приглашен в Варшавский университет читать лекции по современному японскому языку. Однажды в кафе этот японец, немного говоривший по-польски, познакомился с сидевшим за его столиком поляком. «Вы, наверное, приехали в Варшаву в качестве туриста?» — спросил поляк. «Нет, я здесь работаю»,— ответил японец. «Кем же вы работаете?» Ответ японца озадачил его собеседника: «Р е к т о р о м Варшавского университета» («Rektorem uniwersytetu Warszawskiego»). Увы, японец хотел сказать: л е к т о р о м, но не смог совладать с прирожденным акцентом...

О городе Турку, «ерах» и «ерях». Этимологизируя исконные слова в языке, мы опирались обычно на систему фонетических соответствий в родственных индоевропейских языках. Обращаясь к заимствованной лексике, мы должны

иметь в виду уже не фонетические соответствия, а фонетическую субституцию. Разницу между этими двумя явлениями можно понять на следующем русско-литовском примере: Русский глагол *быть* (др.-русск. *быти*) находится в отношении исконного родства с литовским глаголом *būti* [бу́:ти] «быть». Гласные *ы* и *ū* в корне этих глаголов отражают обычные фонетические соответствия (см. таблицу на стр. 39), как и в случаях **дымъ** — *dūmai* [ду́:май] «дым» (множественное число), **сынъ** — *sūnus* [су:ну́с] «сын» и т. п. А вот литовское слово *buitis* [буйти́с] «быт» не может считаться исконно родственным русскому *быт*, потому что соотношение [уй] — [ы] отражает не родственные фонетические соответствия, а случаи фонетической субституции при заимствованиях из славянских языков в литовский: русск. **мыло**→ литовск. *muilas* [му́йлас] «мыло»; др.-русск. **тынъ** → ст.-литовск. *tuinas* [ту́йнас] «тын».

В процессе фонетической субституции славянские звонкие согласные при заимствовании в финский язык передаются соответствующими глухими: ***долбто** (русск. *долото*) → финск. *taltta* [та́лтта] «долото»; **лъжька** (русск. *ложка*) → финск. *lusikka* [лу́сикка] «ложка»; **търгъ** (русск. *торг*) → финск. *Turku* [Ту́рку] (топоним).

Приведенные примеры интересны не только в том отношении, что в них славянские звонкие переданы финскими глухими согласными. Изучение заимствованной лексики помогает не только этимологам, но и историкам языка. Заимствованные слова сохраняют подчас такие фонетические и иные особенности, которые уже давно были утрачены в языке-источнике. Взять хотя бы древнерусское слово *лъжька*. В результате фонетических преобразований на русской почве (*лъжька* → *ложка*) «ер» (ъ) в этом слове превратился в гласный полного образования *о*, а «ерь» (*ь*) исчез как в произношении, так и в написании. Когда-то в древности «ер» произносился как краткое [у], а «ерь» — как краткое [и]. Финское заимствование *lusikka* четко отражает это древнее произношение. В других, более сложных, случаях подобного же типа анализ заимствованной лексики позволяет лингвистам проверять правильность реконструкций, которые относятся еще к дописьменной эпохе.

Еще немного о фонетике. В большинстве случаев слова заимствуются из одного языка в другой не поодиночке, а более или менее значительными группами. Так, в истории русского языка можно отметить целые слои греческих,

старославянских, немецких, тюркских и иных заимствований. Каждый из этих слоев отличается какими-то присущими ему (а иногда только ему) фонетическими особенностями, которые в какой-то мере передают специфику звукового строя языка-источника.

Например, русские слова тюркского происхождения (тюркизмы) характеризуются двумя важными фонетическими признаками: 1) гармонией гласных и 2) ударением на последнем слоге. Гармония гласных проявляется в том, что во втором и последующих слогах могут стоять не любые, а лишь определенные гласные. Их качество определяется тем, какой гласный стоит в первом слоге. У русских тюркизмов гласные начального и последующего слога или слогов часто оказываются одинаковыми: *арбá*, *бахчá*, *чабáн* (*а* — *á*), *кизúл*, *кишмúш* (*и* — *ú*), *сундýк*, *тулýп*, *чубýк* (*у* — *ý*). Из других сочетаний нередко встречаются *у* — *á* (*зурнá*, *кумáч*, *кушáк*), *а* — *ý* (*арбýз*, *табýн*, *аýл*), *а* — *ы́* (*балы́к*, *ары́к*, *бары́ш*). Во всех приведенных примерах, наряду с гармонией гласных, мы наблюдаем также последовательно встречающееся ударение на последнем слоге.

Место ударения важно не только при определении языка-источника. Иногда оно помогает также определить конкретные пути заимствования слова, указывая на язык-посредник. Многие слова латинского и греческого происхождения проникли к нам через новые европейские языки. В ряде случаев ударение на конечном слоге может говорить о французском посредничестве в процессе заимствования слова. Ударение же на предпоследнем слоге, расходящееся с обычным местом ударения в других европейских языках, нередко является аргументом в пользу польского посредничества.

Что было раньше — *зонт* или *зонтик*? Мы уже видели, что заимствованные слова существенно меняют свой фонетический облик при переходе из одного языка в другой. Язык стремится переделать на свой лад иноземных «гостей» также и в словообразовательном отношении. Например, голландское слово *zondek* [зóндек] «тент, навес от солнца»[1] сначала было заимствовано в русский язык в форме *зондек*. Затем, под влиянием образований с уменьшительным суффиксом *-ик* (типа *носик*, *мостик*), это слово было переделано в *зонтик*. И только после этого, по аналогии

[1] Голландский язык находится в близком родстве с немецким. Сравните в связи с этим немецкие слова *Sonne* [зóне] «солнце» и *decken* [дéкен] «покрывать».

с парами *носик — нос*, *мостик — мост*, *хвостик — хвост*, от *зонтик* было образовано существительное *зонт*. Таким образом, вопреки всякой логике, уменьшительное *зонтик* появилось в русском языке раньше, чем слово *зонт*.

Подобное явление имело место также в случаях со словами *фляга* и *гармонь*. Немецкое слово *Flasche* [фля́ше] «бутылка» при заимствовании (через польское посредство) превратилось в *фляжку*. Но поскольку существительные на *-жка* соотносятся в русском языке с образованиями на *-га* (*бражка — брага*, *книжка — книга*, *дорожка — дорога*), от слова *фляжка* было образовано новое существительное — *фляга*. Интересно отметить, что с точки зрения словообразовательных норм русского языка мы должны рассматривать слова *зонтик* и *фляжка* как уменьшительные к *зонт* и *фляга*, то есть как слова, образованные от них. В действительности же, как мы видели, словообразовательный процесс развивался в прямо противоположном направлении. Такое явление в истории языка называется регрессивной деривацией (обратным словопроизводством).

Примером регрессивной деривации может служить и наше слово *гармонь*, которое также было образовано путем вычленения простой основы из более сложной: в слове *гармоника* (от греческого *harmonikos* [хармонико́с] «созвучный, гармоничный») конечное *-ка* было воспринято как суффикс, отбросив который, мы и получим нашу *гармонь*.

Слова-«гибриды». Однако, хотя язык и стремится ассимилировать иноязычную лексику, максимально приблизив заимствованные слова к своим собственным нормам, очень часто заимствования сохраняют яркие признаки своего иноземного происхождения. Особенно отчетливо это проявляется в суффиксальной части слова. Взгляните на таблицу с некоторыми из наиболее характерных иноязычных суффиксов (см. след. стр.).

Из таблицы видно, что некоторые из наиболее ярко выраженных иноязычных суффиксов могут подсказать этимологу, где следует искать чужеземные истоки исследуемого им слова. И действительно, очень часто именно «экзотический» суффикс является наиболее весомым аргументом, свидетельствующим в пользу заимствованного характера анализируемого слова. Однако спешить с выводами не нужно.

Слово *яровизатор*, например, содержит в себе иноязычные суффиксы *-из-* и *-тор*, а образовано оно на исконно

Суффикс	Примеры	Язык[1]
-тор	*дик-тор, лек-тор, трак-тор*	латинский
-ист	*соф-ист, хор-ист, стат-ист*	греческий
-инг	*смок-инг, спинн-инг, мит-инг*	английский
-аж	*баг-аж, экип-аж, монт-аж*	французский
-из-ир-[2]	*идеал-из-ир-овать, сигнал-из-ир-овать*	немецкий[3]
-илья	*мант-илья, сегид-илья*	испанский
-ина	*балер-ина, мандол-ина, кават-ина*	итальянский

славянской основе *яров-* (сравните: *яровые*). Глагол *военизировать* с немецкими суффиксами *-из-* и *-ир-* также образован на славянской основе (сравните: *воен-н-ый*). С помощью греческого суффикса *-ист* в русском языке были образованы такие слова, как *значкист, очеркист, хвостист*. Ни одного из них никогда не было в греческом языке. Ничего французского (кроме суффикса, разумеется) нет в таких русских словах, как *сенаж*[4] и *подхалимаж*.

Подобного рода слова-«гибриды» образуются также и с помощью приставок иноязычного происхождения: ***архи****плут*, ***прото****бестия* (по модели: ***архи****ерей*, ***прото****поп* и т. п.). Вспомните слова городничего из «Ревизора» Гоголя: «Что, . . . архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? . .»

Следовательно, даже при наличии явно заимствованного суффикса или приставки этимолог еще не может сделать категорического вывода о заимствованном характере слова в целом. В каждом отдельном случае необходим тщательный и всесторонний анализ этимологизируемого слова, ибо слова-«гибриды» могли возникать не только во времена гоголевского городничего, но и в более отдаленные периоды истории русского языка.

Можно ли сделать из «мухи» «слона»? Прежде чем ответить на этот вопрос, несколько уточним его. Речь идет не о том, чтобы из настоящей мухи сделать настоящего

---

[1] Язык-источник или язык-посредник.

[2] Сложный суффикс, на который наслаивается еще и русский суффикс *-ова-*.

[3] В самом немецком языке этот суффикс французского происхождения.

[4] Это новое слово в последние годы стали часто употреблять наши печать и радио. Образовано оно от существительного *сено* с помощью суффикса *-аж*.

слона. Ясно, что для подобного превращения у мухи будет маловато «строительного материала». А вот не может ли с л о в о со значением «муха» превратиться в слово, которое имело бы значение «слон»? Можно ли в этом смысле сделать из «мухи» «слона»?

К сожалению, «муха», наверное, и в этом случае не подойдет. А вот, например, «лев» — пожалуйста! В тюркских языках есть слово *arslan* [арсла́н] «лев». В форме *aryslan* [арысла́н] или близкой к ней это слово проникло в древнерусский язык в виде имени собственного *Руслан*. В ряде тюркских языков слово «лев» выступало в более простой форме: *aslan* [асла́н]. Поскольку о таких экзотических животных, как львы и слоны, наши предки знали лишь понаслышке, в процессе заимствования произошла путаница: тюркское *aslan* «лев» в славянских языках превратилось в слово *слон*.

Кстати, при заимствовании слов не только «лев» может превратиться в «слона», но и «слон» в... «верблюда». В частности, русское слово *верблюд* явилось результатом сложной серии заимствований из одних языков в другие. А у этимологических истоков нашего *верблюда* оказывается древнеегипетское слово со значением «слон».

***Пижон* и *дог*.** Если «лев» в процессе заимствования может превратиться в «слона», а «слон» — в «верблюда», то есть ли вообще какие-нибудь семантические закономерности, которые проявлялись бы при заимствовании слов из одних языков в другие? Оказывается, есть.

Одна из важнейших закономерностей такого рода — это с у ж е н и е значения слов при заимствовании. Например, слово *балык* в тюркских языках имеет значение «рыба», *изюм* (*üzüm*) — «виноград», а соответствующие русские заимствования означают: «вяленая спинка красной рыбы» и «сушеный виноград». Эти изменения семантики вполне естественны. Они отражают историю древней торговли, свидетельствуют о том, что слова *балык* и *изюм* проникли к нам из южных и восточных стран вместе с соответствующими продуктами. И откуда было знать нашим предкам, что приезжие купцы называют словом *балык* не только привозимую ими вяленую рыбу, а словом *изюм* — не только сушеный виноград?

Слово *дилижанс* пришло к нам из французского языка. Но откройте французско-русский словарь — и вы увидите, что франц. *diligence* [дилижа́нс] означает «проворство» и

«прилежание». И далеко не все словари дают (как устаревшее) значение «дилижанс», которое во французском языке появилось на базе словосочетаний типа *faire diligence* [фер дилижа́нс] «спешить». Из всех значений слова *diligence* в русский язык было заимствовано лишь одно, причем вторичное. Таким образом, и здесь налицо сужение значения слова в процессе его заимствования.

Слово *пижон* также французского происхождения. Во французском языке *pigeon* [пижо́н] означает «голубь». В русский язык проникло одно из переносных значений французского слова. Причем во французско-русском словаре вы обнаружите, что *pigeon* — это и «голубь», и «простофиля, глупец», но вряд ли вы найдете там привычное для нас значение «франт, пижон». Слово *дог* в русском языке, как известно, означает особую породу собак, а в языке-источнике (каким в данном случае является английский язык) *dog* [дог] — это «собака» вообще.

Футбольный термин *пенальти* в русском языке означает лишь «одиннадцатиметровый штрафной удар», а в английском языке соответствующее слово имеет более широкое значение: «наказание» или «штраф» вообще, а не только на футбольном поле.

Таким образом, сужение значения слова — одна из наиболее существенных семантических закономерностей, проявляющихся в процессе заимствования.

Моржи в Африке. Когда этимолог обращается к анализу заимствованной лексики, он обязан принимать во внимание также и экстралингвистические (внеязыковые) факторы. Проблема «Слова и вещи» существует не только в области изучения исконной лексики. При изучении заимствований нужно учитывать также хронологические и географические данные. Если высказывается предположение о том, что анализируемое слово было заимствовано тогда-то и из такого-то

языка, то этимолог должен при этом доказать, что в это время заимствование из данного языка действительно было возможным.

Очень часто слова заимствуются вместе с соответствующими предметами или в процессе первого ознакомления, например, с животными или растениями. Во всех случаях подобного рода реалии не должны противоречить географическим данным. Например, было бы довольно странным, если бы мы происхождение слов *кенгуру* или *апельсин* пытались объяснить на материале эскимосского языка, а слово *морж* этимологизировали бы, исходя из данных какого-нибудь языка Центральной Африки.

О том, к чему приводят нарушения этих принципов этимологизации заимствований, достаточно ясное представление могут дать примеры, относящиеся к происхождению слов *малахай* и *мерин*.

О *малахае*. Выдающийся русский лингвист А. И. Соболевский высказал как-то предположение том, что слово *малахай* происходит от греческого *malachion* [мала́хион] «проскурняк» (название растения). Сходство в звучании здесь действительно налицо. Но как быть со значением этих столь непохожих друг на друга слов? Семантическое развитие, предполагавшееся автором этой этимологии, никак нельзя признать правдоподобным: «растение проскурняк» → →«особого рода шапка» → «малахай».

Совершенно ясно, что с помощью таких «реконструкций» можно доказать все, что угодно.

На самом деле слово *малахай* имеет в русском языке совсем иное происхождение. Если обратить внимание на фонетический облик этого слова, то бросается в глаза обычная для заимствований из тюркских и монгольских языков гар-

мония гласных, а также конечное ударение у слова *малахай*. Кроме того, впервые в памятниках русской письменности это слово встречается в Якутских актах XVII века, а также в других актах, связанных с Сибирью.

Отмеченные фонетические особенности и область древнейшего распространения слова *малахай* заставляют искать его источник не на западе, а на востоке. И действительно, ученые обнаружили в монгольском языке слово *малгай*, а в марийском — *малахай* со значением «шапка».

Откуда пришел *мерин*? Другое слово восточного происхождения, истоки которого долгое время пытались отыскать на западе и на северо-западе,— это *мерин*. Поскольку в древнеисландском языке существовало слово *merr* [мер] «кобыла, кляча», в какой-то степени сходное со словом *мерин* в звуковом и в семантическом отношении, некоторые ученые (например, А. Г. Преображенский) стали считать, что русское слово было когда-то заимствовано у варягов[1]. К тому же в сербскохорватском языке было отыскано слово *ма́рва* «скот», в польском — *marcha* [ма́рха] «кляча», в чешском — *mrcha* [м̀рха] «дохлятина, падаль; кляча» и т. п., которые также пытались привлечь в качестве аргументов в пользу изложенной гипотезы.

Однако у этого объяснения имелся целый ряд весьма слабых пунктов. Фонетическое сходство сопоставляемых слов далеко не столь очевидно, оно вполне могло явиться результатом случайного совпадения. Кроме того, слово *мерин* всегда только мужского рода, а остальные приведенные слова со значениями «кобыла» и «кляча» обязательно женского рода. Это возражение является очень важным, так как мужской и женский род в названиях животных обычно резко разграничивался как в русском, так и в других славянских языках. Это разграничение нашло свое отражение, в частности, в том, что названия домашних животных (и отчасти птиц) мужского и женского рода, почти как правило, образуются в славянских языках от разных корней. Сравните русские слова: *бык — корова, жеребец — кобыла, кабан — свинья, баран — овца, селезень — утка* и др. Трудно допустить, чтобы эта явная закономерность оказалась нарушенной в случае со словом *мерин*.

Наконец, история культуры говорит нам о том, что коневодство и некоторые относящиеся к нему термины были

---

[1] Народ германского происхождения, живший на северном побережье Балтийского моря (Скандинавия).

связаны с востоком. Восточное (тюркское) происхождение слова *лошадь* и таких, например, названий мастей, как *буланый* или *каурый*, было уже давно установлено учеными. Как только взгляды этимологов обратились на восток, вопрос о происхождении слова *мерин* оказался решенным быстро и совершенно надежно.

В монгольском языке есть слово *морь* «конь», которое в древнемонгольском имело форму *morin* [мóрин], а в одном из современных монгольских языков — в калмыцком — это же слово засвидетельствовано в форме *mörin* [мёрин]. Поскольку здесь перед нами почти полное фонетическое и семантическое совпадение между словами, подкрепленное к тому же известными фактами распространения коневодства с востока на запад, монгольское происхождение русского слова *мерин* в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений.

* * *

Итак, мы убедились, что вопрос о происхождении заимствованных слов — это один из наиболее интересных и в то же время сложных разделов в работе этимолога. Здесь так же, как и при этимологизировании исконно русских слов, исследователь постоянно опирается на определенные закономерности фонетического, словообразовательного и семантического характера, которые проявляются при заимствовании слов из одного языка в другой.

Вместе с тем нужно отметить, что изучение многочисленных иноязычных заимствований до сих пор остается одной из наименее разработанных областей этимологической науки.

Глава семнадцатая

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ

Слова, с которыми мы постоянно сталкиваемся в нашей повседневной жизни, находятся в сложных, зачастую даже причудливых и совершенно неожиданных родственных отношениях между собой. В одних случаях эти родственные связи могут быть прослежены в рамках одного языка. Так, например, слово *оскомина* оказывается в близком родстве с глаголом *щемить*. В диалектах русского языка встречается глагол *скомить* «болеть, щемить, ломить», который

отличается от *щемить* (из **скемить*) только своим корневым гласным (известное уже нам чередование *е/о*).

В других случаях в языке сталкиваются находящиеся в ближнем или дальнем родстве исконное и заимствованное слова, например, русские слова *сторона*, *волость*, *горожанин* и старославянизмы *страна*, *власть*, *гражданин*. Или (более сложный случай) исконное славянское *семя* и заимствованное слово *семинар*, восходящее, в конечном итоге, к латинскому *sēminārium* [се:ми́на:риум] «рассадник, питомник» — производному от *sēmen* [се́:мен] «семя». Латинское же *sēmen* полностью соответствует нашему *семен-и*.

Слова-«путешественники». Как и в других языках, в русском языке можно найти немало разного рода «родственников» и среди слов иноязычного происхождения. Очень часто одно и то же слово, проникая к нам разными путями, пополняет русский язык не одним, а двумя (и даже более) новыми словами. Вспомните примеры со словами *фимиам* и *тимьян*, *чердак* и *чертог*. Или сравните между собой такие слова, как *магистр*, *маэстро*, *мастер*, *метр(дотель)*, *мистер*. Все эти слова восходят к латинскому *magister* [маги́стер] «начальник; наставник, учитель», но пришли они к нам из разных языков: *маэстро* — из итальянского, *мистер* — из английского, *метр* «наставник» и *метрдотель* — из французского и т. д. Кстати, то же исходное слово мы находим во второй половине пришедших к нам разными путями немецких заимствований *бурго****мистр*** и *бур****мистр*** (буквально: «глава, начальник города», сравните немецк. *Burg* [бург] «город»).

Нередки и такие случаи, когда слова проникают к нам из одного и того же языка, но мы не улавливаем между ними родственной связи, поскольку в русском языке эти слова не мотивированы этимологически. Что, например, общего (кроме звучания) между *брошью* и *брошюрой*? А вот во французском языке, из которого были заимствованы оба слова, связь между *broche* [брош] «булавка, брошка» — *brocher* [броше́] «сшивать, скреплять» — *brochure* [брошю́р] «брошюра», буквально: «сшитая, скрепленная (книжка)», выявляется без особого труда.

Наконец, одно и то же слово, заимствованное и усвоенное в языке в разные исторические эпохи, может получить разные значения или же приобрести различный фонетический облик. Иногда одно из этих слов-«близнецов» проникает в чужой язык письменным, а другое — устным путем.

Например, греческое слово *asbestos* [áсбестос] с буквальным значением «не гаснущий, неугасимый» продолжает свою жизнь в русском языке сразу в двух видах: *асбест* (письменное заимствование) и *известь* (устное заимствование).

Такого рода родственные пары, восходящие к одному и тому же источнику или к словам, которые образованы от родственных корней, называются э т и м о л о г и ч е с к и м и д у б л е т а м и[1].

Волк и облако. Иногда этимологическое родство дублетных образований определяется сравнительно легко, так как признаки этого родства видны «невооруженным глазом». Взять хотя бы немецкие слова *Schneider* [шнáйдер] «портной» и *Schnitter* [шни́тер] «жнец» или *Reiter* [рáйтер] «всадник» и *Ritter* [ри́тер] «рыцарь». Основные формы соответствующих немецких глаголов делают совершенно ясной как этимологию приведенных слов, так и общность происхождения каждого из этих дублетов: *schneiden*, *schnitt*, *geschnitten* [шнáйден, шнит, гешни́тен] «резать» (→ 1) «кроить», 2) «косить, жать»); *reiten*, *ritt*, *geritten* [рáйтен, рит, гери́тен] «ехать верхом»[2].

Почти столь же легко определяется связь между русскими словами *жерло* (из **gьr-dlo-*) и *горло* (из **gъr-dlo*), где в основе расхождения лежит разная огласовка корня. Английские слова *skirt* [скё:т] «юбка» и *shirt* [шё:т] «рубашка» без труда определяются как дублеты по фонетическому признаку. Первое из этих слов — скандинавское заимствование, второе же — исконно английское слово. Но не во всех случаях этимологические дублеты распознаются так же легко. Возьмем, к примеру, русские слова *волк* и *облако*. Что, казалось бы, может быть общего между ними? А общее между тем есть.

Слово *волк* (из **vḷk-os*) этимологически связано с глаголом *волоку*, *волочь/влеку*, *влечь* (из **velk-ti*). Иначе говоря, слово *волк* этимологизируется как волокущий свою жертву, как уволакивающий, утаскивающий овец и других домашних животных.

[1] Иногда этимологическими дублетами называют варианты одних только заимствованных слов. Во всяком случае, пожалуй, наиболее яркие и неожиданные примеры этимологических дублетов обнаруживаются именно в заимствованной лексике.

[2] Кстати, наше слово *рейтузы* является преобразованием немецкого слова *Reithosen* [рáйтхозен], которое состоит из знакомой нам основы *reit-* и существительного *Hosen* «штаны». В целом получается, что этимологически *рейтузы* — это «штаны для верховой езды».

Сходным по образованию (**velk-ti* → **volk-os*) является в русском языке слово *волок* «место между реками, где лодки перетаскивают по суше волоком»[1]. Интересно отметить, что родственный нашему *волочь/влечь* (**velk-ti*) греческий глагол *helk-ō* [хе́лко:] «тащу, волоку» имеет засвидетельствованные в древнем словаре Гезихия производные *holkos* [хо́лкос] «волк» и *holkos* «волок». Эта греческая параллель свидетельствует о том, что совпадение между словами *волк* и *волок* в русском языке не случайно и что попытки иного этимологического объяснения слова *волк*, которые иногда встречаются в словарях, едва ли могут быть признаны удачными.

Слово *облако*, как показывает его огласовка, является старославянизмом в русском языке. Старославянской форме мужского рода *облакъ* в древнерусском языке соответствовало исконное слово *оболокъ* «облако». В современном русском языке на той же основе образовано слово *оболочка*, являющееся таким же «двойником» слова *облачко*, как и в случае *оболокъ* — *облакъ*. Этимология всех этих слов станет ясной, если мы реконструируем основу **ob-volk-*, в составе которой сочетание *-bv-* [-бв-] упростилось в [б], так же как, например, в случаях *обвязать* → *обязать*, **обвыкн-* (ср. *при-выкнуть*, *от-выкнуть*) → *обыкн(овенный)*. Следовательно, этимологически *облако* — это то, что обволакивает, застилает небо. А отсюда — через значение глагола *волочить* — нам становится ясной родственная связь между словами *облако*, *волк* и *волок*.

***Радикал* и *редька*.** Мы уже говорили о том, что особенно много этимологических дублетов встречается среди слов-«путешественников» иноязычного происхождения.

[1] Отсюда возникли такие топонимы, как *Волоколамск* («волок у реки Ламы») и *Вышний Волочек* («небольшой верхний волок»).

Здесь также родственные связи иногда выявляются сравнительно легко — даже в тех случаях, когда в значении слов-дублетов, казалось бы, нет ничего общего. Например, несмотря на отсутствие какого бы то ни было семантического сходства между словами *гладиатор* и *гладиолус*, общность их происхождения помогает раскрыть латинское слово *gladius* [гла́диус] «меч». *Гладиатор* в древнем Риме — это военнопленный или раб, сражающийся на арене цирка. Первоначально это слово буквально означало: «вооруженный мечом». Слово *gladiolus* [глади́олус] в латинском языке представляет собой уменьшительную форму к *gladius* «меч». Это слово имело в латинском языке не только значение «небольшой меч», но также и «лист мечевидной формы» (например, у нарцисса). По мечевидной форме листьев гладиолус и получил свое название.

Этимологическая связь между словами *трактор* и *экстракт* будет понятной, если обратиться к основе *tract-* латинского глагола *trahō* [тра́хо:] «тяну, тащу». *Трактор* буквально означает «тяг-ач», а *экстракт* — «вы-тяж-ка».

Названия веса *фунт* и *пуд*, несмотря на существенную разницу обозначаемых этими словами тяжестей, восходят в конечном итоге к одному и тому же латинскому слову *pondus* [по́ндус] «вес, тяжесть, груз».

Родство слов французского происхождения *гарнир*, *гарнитур* и *гарнизон* станет ясным, если мы обратимся к французскому глаголу *garnir* [гарни́р] «снабжать, вооружать», а также «отделывать, обставлять, украшать».

Древнегреческая основа *thē-* глагола *ti-thē-mi* [ти́тхе:ми] «кладу» объясняет этимологию таких родственных слов, как *тезис* (буквально: «положение») и... *аптека* (из греческого *apo-thē-kē* [апотхе́:ке:] «кладовая, склад»).

Даже такие слова, как *радикал* и *редиска*, сравнительно легко определяются как этимологические дублеты. От латинского слова *radix* [ра:дикс] «корень» уже в новое время было образовано прилагательное *radicalis* [ра:ди:ка́:лис] «коренной». Отсюда понятно значение слова *радикал* — «сторонник решительных, коренных мер». То же самое латинское слово *radix* «корень» является первоисточником пришедших к нам через немецкое посредство слов *редька* и *редиска*.

Лингвистика и лангет. При изучении заимствованной лексики очень важно установить не только язык-источник, но и язык — посредник заимствования. Очень часто

язык-посредник придает иноязычному слову свои специфические черты, проявляющиеся и в фонетических, и в словообразовательных, и в семантических особенностях заимствованного слова.

Так, латинское по своему происхождению слово *легальный* (латинск. *lex* [лекс] «закон», *legalis* [лега́:лис] «законный») имеет в русском языке прошедшего через «призму» английского языка «близнеца» — слово *лояльный*.

Латинское слово *pulvis* [пу́львис] (родительный падеж *pulveris* [пу́льверис]) «пыль, порошок» лежит в основе русского заимствования *пульверизатор* «распылитель». Но то же самое латинское слово *pulvis*, пройдя через французское «сито», явилось к нам в форме *пудра*.

Латинское слово *lingua* [ли́нгва] «язык» послужило источником научного термина *лингвистика* «языкознание». Во французском языке латинское *lingua* превратилось в *langue* [ланг] «язык», а с уменьшительным суффиксом *-ette* дало *languette* [ланге́т] «язычок», откуда и берет начало наше слово *лангет*.

Примеров с этимологическими латино-французскими дублетами в русском языке можно найти немало. Таковыми являются, например, *субъект* и *сюжет*, восходящие к латинскому *sub-* [суб-] «под-» и *-jectum* [-ектум] «лежащее». Таким образом получается, что в логике *субъект* — это предмет, лежащий в основе суждения; в синтаксисе — это то, что лежит в основе предложения (*подлежащее*); в художественной литературе *сюжет* — это то, что лежит в основе художественной «ткани» произведения. Аналогичное фонетическое соотношение можно обнаружить между словами *проект* и (устаревшим) *прожект*. Латинское *pro-* означает «вперед», *-ject-* [-ект-] — одна из основ глагола *jacere* [я́кере] «бросать». Следовательно, *проект* и (с французским «прононсом») *прожект*, с точки зрения этимологии,— это предварительный, наперед сделанный набросок. Аналогичную этимологию имеют слова, образованные на тех же основах,— *проектор* и *прожектор*. Буквальное их значение: «бросающий вперед» (изображение на экран или пучки света). Сходное по звучанию с *прожектором* слово *прожектер* семантически связано с первой группой слов — *проект* и *прожект*.

Трюфели и картошка. Но не всегда этимологическая связь между дублетами иноязычного происхождения устанавливается так просто. Ведь и звучание, и значение таких пар, как *легальный* и *лояльный* или *проектор* и *про-*

жектор, не так уж значительно расходятся между собой. Иное дело — такие пары, как, например, *трюфели* и *картошка*, *парабеллум* и *дуэль*, *суббота* и *шабаш*. Здесь, казалось бы, и фонетические расхождения, и далекие друг от друга значения приведенных слов не дают нам никаких оснований для их этимологического сближения. И все же перед нами типичные этимологические дублеты. Правда, для того чтобы убедиться в этом, нам необходимо более основательно углубиться в историю слов, принять во внимание целый ряд фонетических изменений, которые эти слова претерпели, учесть ту языковую среду, через которую каждое из интересующих нас слов проникло в русский язык.

Многие из вас хорошо знакомы с названием конфет — *трюфели*. Но сами конфеты получили свое наименование от особого вида подземных грибов. Их название пришло в русский язык из немецкого, где слово *Trüffel* [трю́фель] также не было исконным, а в свою очередь явилось результатом заимствования из итальянского языка: *tartufo*, *tartufolo* [тарту́фо, тарту́фолё] «трюфель». Наконец, итальянские слова восходят к латинскому *terrae tuber* [те́рре: ту́бер] «земляная шишка».

Картофель, как известно, появился в Европе после открытия Колумбом Америки (1492 г.). К нам это слово пришло из немецкого языка. А вот немецкое слово *Kartoffel* [карто́фель] явилось результатом фонетического изменения, которое называется д и с с и м и л я ц и е й[1]: первоначальное *Tartuffel* [тарту́фель] изменилось в *Kartoffel*, причем одинаковые согласные *t* — *t* в первой половине слова изменились в *k* — *t*. Что же касается немецкого *Tartuffel*, то это слово восходит к уже знакомому нам итальянскому *tartufolo* «трюфель» (и «картофель»). Таким образом, картофель получил свое название по сходству с подземными грибами клубневидной формы.

Система пистолета *парабеллум* представляет собой (по названию) вторую половину латинского выражения *si vis pacem*, *para bellum* [си вис па́кем, па́ра бе́ллум]. Слово *bellum* — «война» было образовано от более древней формы *duellum* [дуэ́ллум][2], которая и явилась первоисточником нашего слова *дуэль* — «поединок».

---

[1] Подробнее об этом фонетическом явлении см. гл. XXII «„Враги“ этимолога».

[2] Изменение *du-* [ду-] → *b-* [б-] аналогично случаю **duis* [дуи́с] → *bis* [бис] «дважды». Форма **duis* находится в родстве с нашим числительным *два*.

Наконец, *суббота* и *шабаш* пришли к нам разными путями из древнееврейского *šabbāt* [ша́бба:т] «суббота». Значение слова *шабаш* — вторичное, развившееся из «суббота» → «конец работы» → «отдых».

Несколько «музыкальных» примеров. Как мы уже знаем, слова заимствуются из одного языка в другой очень часто вместе с соответствующим предметом. В этом отношении интересно будет проследить, как название одного и того же музыкального инструмента, переходя от одного народа к другому, меняет свой фонетический облик и переносится с одного инструмента на другой. В результате возникает несколько названий неодинаковых инструментов, и эти названия разными путями проникают в наш язык, создавая в нем группу этимологических дублетов.

Именно такой случай произошел со словами *кифара*, *гитара* и *цитра*. Первое из этих слов берет свое начало от названия древнегреческого многострунного щипкового музыкального инструмента, похожего на лиру. Этот инструмент греки называли *kithara* [китха́ра:]. В эпоху Петра I в русский язык с запада в форме *китара* проникло название гитары, которое, однако, удержалось у нас недолго. Греческое слово *kithara* было заимствовано в латинский язык в виде *cithara* [ки́тара]. Будучи заимствованы разными путями в западноевропейские языки, греческое и латинское слова дали в испанском языке *guitarra* [гита́рра] «гитара» и *cítara* [си́тара] «цитра», во французском — *guitare* [гита́р] «гитара» и *cithare* [сита́р] «цитра», в немецком — *Gitarre* [гита́ре] «гитара» и *Zither* [ци́тер] «цитра». Любопытно, что в современном греческом языке слово *kithara* одновременно означает и «кифара», и «гитара».

Что касается русского языка, то в нем мы находим и слово *кифара* (для обозначения древнегреческого музыкального инструмента типа лиры), и *гитара*, и *цитра*. Поскольку все три слова восходят к единому источнику, они в русском языке являются этимологическими дублетами.

Сходную историю имеют названия украинского музыкального инструмента *бандуры*, негритянского (у негров США) *банджо* и итальянского (точнее, теперь уже международного) инструмента — *мандолины*. Исходным здесь является греческое название трехструнного музыкального инструмента — *pandoura* [панду́:ра:]. Это слово проникло в Италию в виде *pandura* и *pandora* [пандо́ра]. Последнее

видоизменилось в *mandora* и *mandola* «бандура», а уменьшительная форма последнего с итальянским суффиксом *-ino* явилась тем словом, которое пришло к нам в виде слова *мандолина*. Таким образом, и здесь мы имеем дело с дублетами, которые можно было бы назвать не только этимологическими, но и музыкальными.

*

Ложные дублеты. На примерах типа *гитара* и *цитра*, *трюфели* и *картофель* мы убедились в том, что этимологические «двойники» далеко не всегда имеют между собой большое сходство — как фонетическое, так и семантическое. И, напротив, нередко очень близкие по своему звучанию (а отчасти и по значению) слова оказываются этимологически не связанными между собой.

Взять хотя бы такие слова, как *кампания* и *компания*. На первый взгляд может показаться, что у этих слов есть что-то общее и в значении: ведь в проведении какой-нибудь массовой кампании обычно принимает участие солидная компания людей... Но это только кажущаяся общность. На самом деле, слово *кампания* этимологически связано с латинским существительным *campus* [ка́мпус] «поле (боя)», а пришло оно к нам (через польское или немецкое посредство) из французского *campagne* [кампа́нь] «военный поход». Слово же *компания* восходит к позднелатинскому *compania* [компа́ниа] «сообщество», где *com-* представляет собой приставку со значением «со-, вместе», а *-pania* связано со словом *panis* [па́нис] «хлеб». Иначе говоря, с точки зрения этимологии, *компания* — это сообщество людей, вместе едящих хлеб (сравните русское слово: *однокашники*).

Другой пример подобного же рода — слова *комплекс* и *комплект*. Первое из этих слов восходит к латинскому *complexus* [компле́ксус] «охват; связь, сочетание», а второе — к латинскому же *complētus* [компле́:тус] «полный». Кстати, французское *complet* [компле́], немецкое *Komplet* и польское *komplet* [ко́мплет] «комплект» свидетельствуют о том, что *к* в русском слове *комплект* — вторичного происхождения. Латинские же слова, которые послужили источником наших заимствованных слов *комплекс* и *комплект*, имеют разные корни, а следовательно, и разную этимологию.

Такого же рода ложные дублеты можно найти и среди исконных славянских слов. Сравните, например, отрывки из стихов начала XIX века:

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.

А. С. Пушкин.

Слышишь? Конь грызет *бразды*.

В. А. Жуковский.

Несмотря на полное совпадение в звучании, перед нами два разных слова. Первое из них — старославянизм, соответствующий исконно русскому слову *борозды*. Во втором слове звук [а] появился вторично — в результате аканья, а этимологически более точная форма *брозды* развилась из древнерусского *бръзды*. Таким образом, здесь перед нами — не этимологические дублеты, а омонимы.

Попробуйте сами! Тема «Этимологические дублеты» необъятна по своему содержанию. Каких только неожиданных сочетаний вы не найдете среди них! О каждой такой паре можно написать небольшую (а иногда довольно пространную) статью.

В заключение главы о словах-двойниках мы приводим небольшой список этимологических дублетов, разобраться в котором читатель при желании сможет сам, обратившись к этимологическим словарям, энциклопедиям, словарям иностранных слов и к другой справочной литературе. Вот этот список:

елей — оладья
тужурка — журнал
залп — салют
гранат — граната — гранит
князь — ксендз
карьер — карьера
композитор — компот
парк — паркет
каприз — шевро
картечь — картон
госпиталь — отель
курьер — курс
кристалл — хрусталь
сарай — сераль
сатана — шайтан
рацион — резон
том — анатомия
архитектор — техника
агитация — ажитация
дактиль — дактилоскопия
камин — комната
квартет — квартал
каштан — кастаньеты
металл — медаль
машина — махина
цифра — шифр
христианин — кретин
царь — кайзер
шарнир — кардинал
шорты — куртка
шуба — юбка — жупан — зипун
ходжа (хаджи) — ханжа
колпак — клобук
сироп — шербет
се́рвис — сервиз
галантерея — галантный
гиацинт — яхонт
сервант — сержант
дракон — драгун
проспект — спектакль

гимнастика — гимназия	астра — астрономия
грамм — грамота	пансион — пенсия
аллея — аллюр	пика — пике́
бинт — бант	карикатура — шарж
радиус — район	понтон — путь
саркофаг — сарказм	декан — десятник
пурист — пуританин — пюре	флигель — флюгер
шпиль — шпилька	танкер — танк
трюмо — трюм	штопать — штопор
пассаж — пассажир	офицер — официант
доска — диск	пенсне — пинцет
конвейер — конвоир	пикирующий — пикантный
кепка — шапка	почта — пост
нефрит (камень) — нефрит (болезнь)	сюита — свита

Глава восемнадцатая

КАЛЬКИ — ОСОБЫЙ ВИД ЗАИМСТВОВАНИЯ

Немецкий языковед Макс Фасмер в послесловии к своему трехтомному «Этимологическому словарю русского языка» писал: «Если бы мне пришлось начать работу снова, я уделил бы больше внимания калькам и семасиологической стороне». И действительно, калькам в этимологических словарях по большей части уделяется очень мало внимания. А напрасно. В истории языка кальки всегда играли и продолжают играть значительную роль.

Что такое кальки? Калькой, как известно, называется прозрачная бумага, которая используется для снятия копий с рисунков и чертежей. Словом *калька* может обозначаться и сама копия, снятая с помощью прозрачной бумаги.

В языке также существуют копии иноязычных слов, называемые кальками. По существу, кальки представляют собой один из видов заимствования, при котором, однако, слова́, строго говоря, не заимствуются, а как бы «копируются».

Например, немецкое слово *Wasserfall* [ва́серфал] «водопад», состоящее из двух частей: *Wasser* «вода» и *Fall* «падение», не было заимствовано в русский язык. Но структура этого слова была полностью скопирована в русском слове *водопад*. Таким образом, заимствованным в данном случае является не само слово, не его материальная оболочка, а его семантико-словообразовательная модель (словосложение на базе одинаковых по смыслу слов), построенная, однако,

на русском, а не на заимствованном материале. Вот почему принято говорить, что в процессе калькирования заимствуется не внешняя оболочка, не внешняя форма, а **в н у т р е н н я я ф о р м а** слова (термин, употребляемый в языкознании).

Но калькировались слова не только путем словосложения. Латинское слово *obiectum* [объéктум] пришло к нам в виде прямого заимствования — *объект*, а также в форме копии-кальки: *предмет*, где *пред-* является копией-переводом латинской приставки *ob-*, а *-мет* (от *метать* «бросать») воспроизводит латинское *-iectum* (от *iacio* «бросаю»).

Подобного рода калек особенно много в грамматической терминологии: *подлежащее*, *сказуемое*, *падеж*, *склонение*, *междометие*, *местоимение*, *прилагательное*, *существительное* — всё это копии латинских слов, которые в свою очередь обычно представляют собой кальки древнегреческих грамматических терминов.

Это «двухступенчатое» калькирование можно наглядно представить себе на примере такого термина, как *именительный падеж*:

а) греческий язык: *onomastikē ptōsis* [ономастикé: птó:сис] — от *onoma* [óнома] «имя» и *piptō* [пúпто:] «падаю»;

б) латинский язык: *nominativus casus* [но:мина:тú:вус кá:сус] — от *nomen* [нó:мен] «имя» и *cado* [кáдо:] «падаю»;

в) русский язык: *именительный падеж* — от слов *имя* и *падать*.

Кальки очень часто встречаются в топонимике. Так, например, финские названия озер *Хейнаярви* и *Кивиярви* были точно скопированы в русских названиях *Сенное озеро* и *Каменное озеро*. Название города *Пятигорск* представляет собой кальку с тюркского, о чем можно судить по названию находящейся рядом с городом горы *Бештау* (от *беш* «пять» и *тау* «гора»).

Калькироваться могут не только отдельные слова, но и целые выражения или сочетания слов. Например, выражение *присутствие духа* представляет собой кальку с французского *présence d'esprit* [презáнс деспрú]. *Борьба за существование* — это калька с английского *struggle for life* [страгл фо: лайф], *разбить наголову* — с немецкого *aufs Haupt schlagen* [ауфс хáупт шлáген] и т. д.

Типы калек. Но даже если мы оставим в стороне калькирование целых выражений и ограничимся отдельными словами, то увидим, что кальки бывают разные.

Например, при калькировании таких слов, как *водопад* или *предмет*, в русском языке были созданы новые слова, копирующие соответствующее немецкое и латинское слово. Этих слов в русском языке до того времени вообще не было.

Иное дело, если мы обратимся к слову *крыло* в значении «фланг войска». Здесь и русское слово, и немецкое *Flügel* [флю́гель], и английское *wing* [уи́нг] представляют собой кальку, отражающую то же самое вторичное значение латинского слова *ala* [а́ла] «крыло» → «фланг». Слова *крыло*, *Flügel*, *wing* существовали в указанных языках и раньше. Но означали они обычно «крыло птицы». Новое значение «фланг войска» появилось в этих языках в результате прямого или опосредствованного копирования подобного же образного семантического развития в латинском языке.

Таким образом, кальки этого типа не приводят к появлению новых слов в языке. Здесь «по образу и подобию» языка-источника возникает лишь новое значение слова.

Еще один тип калек — это свободный перевод какого-либо иноязычного слова, в отличие от точного перевода элементов в словах *водопад*, *предмет* и т. п. Например, немецкое слово *Vaterland* [фа́терланд] «отечество», состоящее из *Vater* «отец» и *Land* «земля, страна», лишь приблизительно передает модель латинского слова *patria* [па́триа] «отечество». Здесь скопирована лишь связь со словом *pater* [па́тер] «отец», а латинское суффиксальное образование (*patr-i-a*) было заменено типичным для немецкого языка словосложением, причем немецкому *Land* в латинском слове нет никакого соответствия.

Наконец, особый вид калькирования представляют собой полукальки. Это случай, когда одна половина иноязычного слова заимствуется, а вторая копируется (переводится). Сравните, например, слова *телевизор* и *телевидение*.

Телевизор — это заимствование из английского языка, где слово *televisor* было искусственно сложено из греческого *tēle* [тэ́:ле] «далеко» и латинского *visor* «тот, кто видит, видящий». Иначе говоря, слово *телевизор* — это обычное заимствование.

Иное дело — слово *телевидение*. По-английски «телевидение» будет *television* [тэ́левижн]. Здесь вторая половина слова образована от латинского *visio* [ви́:зио:] «способность видеть, видение». Одно время английское слово было заим-

ствовано в русский язык (в латинизированной форме): *телевизия*. Кроме того, в англо-русских словарях конца первой половины XX века можно найти кальку-перевод: *дальновидение*. В конце концов в языке упрочилось слово *телевидение*, являющееся полукалькой: первая половина слова (*теле*-) — это заимствование, а вторая (-*видение*) — калька-перевод.

«Международные» кальки. Иногда калькирование не ограничивается рамками двух языков. Особенно часто это происходило в результате распространения разного рода религиозно-философской терминологии греческого и латинского происхождения.

Так, греческое слово *syneidēsis* [сюне́йде:сис] «сознание, совесть», состоящее из приставки *syn*- «с, вместе» и производного от глагола *eidenai* [эйде́най] «знать», дало целый ряд калек во многих языках. Вот некоторые из этих калек.

Язык	Калька	«с, вместе»	«знать»
Латинский	*conscientia* [конскиэ́нтиа]	*con*-	*scire* [ски́:ре]
Готский	*mith-wissei* [ми́цвисси]	ср. немецк. *mit*-	ср. немецк. *wissen* [ви́сен]
Др.-исландский	*samvit* [са́мвит]	*sam*-	*vita* [ви́та]
Русский	*совесть* (из *совѣдть)	*со*-	*ведать*
Русский	*сознание*	*со*-	*знать*
Литовский	*sažinė* [са́:жине:]	*sa*-	*žinoti* [жино́:ти]

Однако такое «массовое» калькирование встречается не только среди слов религиозно-философской тематики. Возьмите, например, такой ряд слов: английск. *sky-skraper* [ска́йскре́йпэ], французск. *gratte-ciel* [гратсье́ль], итальянск. *grattacielo* [граттачие́ло], немецк. *Wolkenkratzer* [во́лькенкратцер], литовск. *dangoraižis* [данго:райжи́с], русск. *небоскреб*. Все эти слова имеют одно и то же значение. И все, начиная со второго, калькируют английское слово. Некоторую долю «самостоятельности» проявил здесь только немецкий язык: немецкие небоскребы *скребут* не *небо*, а *облака*...

Авторы калек. Кто же создает кальки в языке? Кто занимается копированием иноязычных слов и выражений с целью обогащения лексики и фразеологии своего родного

языка? Нужно сказать, что авторы большинства калек как в русском, так и в других языках неизвестны.

Кроме того, мы далеко не во всех случаях с полной гарантией можем сказать, что перед нами калька, а не самостоятельное параллельное образование. И, наоборот, в каждом языке, по-видимому, имеется немалое количество таких слов, которые обычно рассматриваются как исконные, а на самом деле являются результатом калькирования, следы которого давно затерялись.

Однако отнюдь не все кальки «анонимны». В частности, в русском языке есть немало калек, авторы которых нам хорошо известны. Большое количество калек было создано М. В. Ломоносовым в процессе выработки отечественной научной терминологии. Именно благодаря Ломоносову в русском языке появились такие слова, как *водород* и *кислород*, *движение*, *явление* и *наблюдение*, *предмет*, *кислота* и *опыт*. Все эти слова настолько прочно вошли в «плоть и кровь» русского языка, что подчас даже трудно поверить в их иноязычную подоплеку. Как именно проходил самый процесс калькирования этих слов, мы видели выше на примере слова *предмет*.

Двуязычие и кальки. Если где-нибудь в Лейпциге или в Вильнюсе зайти в магазин и спросить у продавца что-нибудь вроде: «У вас есть цветная фотопленка?», то продавец, немного говорящий по-русски, почти наверняка ответит: «Да, мы имеем» или «Нет, мы не имеем» — вместо обычного для русского языка: «У нас есть» или «У нас нет».

Что же здесь произошло? С одной стороны, вроде бы, все слова русские и формы употреблены правильные, а вот сказано как-то не совсем по-русски. Все дело здесь в том, что продавец, недостаточно хорошо знающий русский язык, дает в своем ответе буквальный перевод на русский язык предложений с конструкциями, обычными для его родного языка. Русское «У нас есть» по-немецки может быть выражено словами *wir haben* [вир ха́бен], а по-литовски — *mes turime* [мяс ту́римя] «мы имеем». Давая дословный перевод этих выражений, продавец тем самым делает синтаксическую кальку, копируя конструкцию своего родного языка.

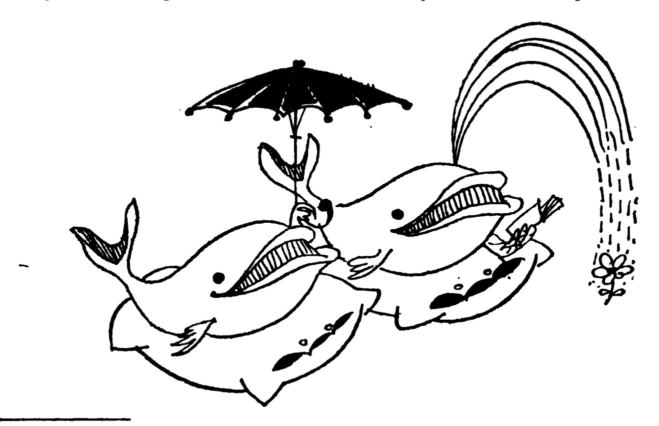
Именно эта особенность лежит в основе всякого калькирования, которое предполагает, как правило, наличие двуязычия у автора кальки. Питательной средой, послужившей источником проникновения в русский язык значительного числа калек немецкого и французского происхождения,

явились многочисленные случаи русско-немецкого двуязычия в петровскую и послепетровскую эпоху, а также русско-французское двуязычие, широко распространенное среди русского дворянства в XVIII — XIX вв.

Морские лежаги. Естественно, что и степень владения неродным языком, и языковое чутье у авторов калек могут оказаться на недостаточно высоком уровне. Это нередко приводит к созданию неудачных, а порой и просто ошибочных калек. В одних случаях эти кальки-ошибки исчезают из языка, а в других, несмотря ни на что, благополучно продолжают свое существование.

В памятниках древнерусской письменности неоднократно упоминаются *лежагы морьскыя*. Параллельные греческие тексты в соответствующих местах говорят о китах. Древнерусские переводчики греческое слово *kētos* [ки́тос] этимологически связали с глаголом *keitai* [ки́те][1] «лежит». Таким образом и возникла ошибочная калька: *лежага*. Не повезло в этом отношении и литовскому «киту». Калькируя немецкое слово *Walfisch* [ва́лфиш] с буквальным значением «кит-рыба», литовцы связали немецкое *Wal-* с *Welle* [ве́ле] «волна» или *wallen* [ва́лен] «волноваться (о море)» и образовали кальку: *bangžuvė* [ба́нгжуве:] — к *banga* [банга́] «волна» и *žuvis* [жуви́с] «рыба».

Не нужно, однако, думать, что ошибочные кальки встречаются только в древние времена. Вспомните, например, слова Фамусова, обращенные к Чацкому (А. С. Грибоедов.

[1] Древнегреческое *ē* [е:] и *ei* [эй] в средне-и новогреческом произносятся одинаково: как [и].

«Горе от ума»): «Любезнейший, ты не в своей тарелке». Выражение *не в своей тарелке* представляет собой буквальный перевод с французского, где, однако, слова *il n'est pas dans son assiette* [иль не па дан сон асьéт] означают: «он не в (своем) настроении», «он не в духе». Что же общего между этими словами и фразеологизмом *не в своей тарелке*? Все дело здесь в том, что франц. *assiette* имеет два разных значения: «положение; расположение (духа)» и... «тарелка». Следовательно, перевод французского выражения просто неверен. Но «слово что воробей, вылетит — не поймаешь». Выражение *быть не в своей тарелке* прочно вошло в русский язык, причем особенности его буквального русского смысла привели к тому, что оно все чаще начинает употребляться отнюдь не в значении «быть не в духе». Так, совсем недавно один писатель-юморист, впервые выступая по телевидению, заявил, что он привык обращаться к своей аудитории через книги, а здесь, в студии, он чувствует себя не в своей тарелке. При этом писатель мило улыбался, всем своим видом показывая, что он в прекрасном расположении духа. А выражение *быть не в своей тарелке* в данной ситуации примерно означало: «быть не в своей привычной стихии», «чувствовать себя стеснительно в необычной обстановке».

Кальки и пуризм. Немало новых калек было в свое время предложено пуристами, боровшимися против проникновения иноязычной лексики в русский язык. Поскольку калька заимствует лишь семантическую и словообразовательную структуру чужеземного слова, сторонники «чистоты» русского языка считали это меньшим злом, чем непосредственное заимствование. Однако среди калек, предложенных пуристами, оказалось большое количество столь неудачных, что они не привились в языке. Так, например, попытка Шишкова ввести в русский язык «слово» *тихогромы*, копировавшее итальянское *fortepiano* ([фортепья́но] — от *forte* «громко» и *piano* «тихо»), привела лишь к насмешкам над автором этой кальки. Не вошли в русский язык и такие предлагавшиеся в разное время кальки, как *себят-*

ник «эгоист», *любомудрие* «философия», *предзнание* «прогноз», *книжница* «библиотека», *побудка* «инстинкт», *рожекорча* «гримаса» и другие.

Печальный опыт пуристов доказывает, что языку нельзя искусственно навязывать те или иные способы пополнения его лексического запаса и, кроме того, что при калькировании слов необходимо иметь тонкое языковое чутье, знать меру и, конечно, обладать чувством юмора.

Еще один тип дублетов. Когда между двумя языками устанавливаются особенно тесные контакты, иногда возникают целые «волны» лексических заимствований. Поскольку кальки также представляют собой определенный тип заимствования, нередко случалось, что в эпохи массовых «нашествий» иноземной лексики одно и то же слово одновременно и заимствовалось, и калькировалось. В результате возникли дублеты, которые или оставались в языке как синонимы, или расходились в своих значениях, или, наконец, одно из этих слов устранялось из языка. Подобные дублеты могли возникать также в результате заимствования и калькирования, относящихся к разному времени.

Как известно, в старославянский и древнерусский языки проникло большое количество слов греческого происхождения. Немало мы можем встретить здесь и дублетов, сохранившихся (отчасти и от более позднего времени) в современном русском языке. Вот небольшой их перечень.

Заимствование	Калька	Заимствование	Калька
апатия	*бесстрастие*	*анархия*	*безначалие*
филантропия	*человеколюбие*	*симфония*	*согласие*
пневматический	*духовный*	*метаморфоза*	*преображение*
ортодоксальный	*правоверный*	*аморфный*	*безобразный*

Самый процесс калькирования в приведенных случаях можно проиллюстрировать на примере двух последних слов. Греч. *morphē* [морфé:] «форма, образ» было переведено как -образ-, *meta-* [мета-] — как *пре-*, отрицательная частица *а-* — как *без-*.

Любопытной является пара *пневматический* — *духовный*. Греческое слово *pneuma* [пнéума] «дуновение, веяние, дыхание» обладало также абстрактным значением «дух», а образованное от него прилагательное *pneumatikos* [пнеуматикóс] могло иметь три довольно далеких друг от друга значения: «воздушный», «дыхательный» и «духовный»[1].

[1] Кстати, русские слова *воз-дух*, *дых-ание* и *дух* также образованы от вариантов одного корня.

Слово *pneumatikos* в его последнем значении было скопировано в старославянском *духовьнъ* «духовный», а в первом значении это же слово пришло к нам через посредство западноевропейских языков в виде технического термина *пневматический* «действующий сжатым воздухом».

Интересно отметить, что в ряде случаев греческие слова были скопированы в именах нарицательных, но заимствованы в качестве собственных имен. В результате в современном русском языке мы имеем следующие дублеты:

Греческий источник	Имя собственное (заимствование)	Имя нарицательное (калька)
athanasia [атханасúа]	*Афанасий*	*бессмертие*
akakia [акакúа]	*Акакий*	*беззлобие*
eudokia [эудокúа]	*Евдокия*	*благоволение*
eudokimos [эудóкимос]	*Евдоким*	*благоизвольнъ*[1]
eugeneia [эугéнейа]	*Евгения*	*благородие*
sōphrōn [сó:фро:н]	*Софрон*	*целомудренный*

Дублеты типа «заимствование — калька» встречаются не только среди греческих заимствований. Их можно найти также среди слов иного происхождения. Например: *объект — предмет*, *позиция — положение*, *революция — переворот* (латинский язык); *элегантный — изящный* (французский язык); *флигель — крыло* (здания) — семантическая калька (немецкий язык) и т. п.

Псковский дьячок *Велосипедов* и шведский посол *Иванов*. До сих пор мы имели дело с калькированием нарицательных имен. Ну, а можно ли снять копию с имени собственного? Попробуйте, например, скалькировать слово *Москва*, если его этимология до сих пор не установлена языковедами! Однако в тех случаях, когда нам известна этимология имени собственного, оно обычно калькируется без особого труда. Так, например, итальянский город *Неаполь* (от греческих слов *nea polis* [нéа пóлис] «новый город») можно было бы скопировать на русский язык как *Новгород*.

Достоверно известны случаи калькирования фамилий. Так, ученые XVI века *Бауэр* (немецк. *Bauer* «крестьянин») и *Кремер* (ср. немецк. *Krämer* «торговец») переиначили свои фамилии на латинский лад, превратившись в *Агриколу*

[1] Пример из старославянского языка.

и *Меркатора* (по-латыни *agricola* — «земледелец», а *mercator* — «купец»). В результате подобного калькирования «грубые» немецкие фамилии превращались в «благозвучные» латинские. Этот способ калькирования переняли и разбиравшиеся в латыни представители русского духовенства. Так появились на Руси «латинские» фамилии типа *Беневоленский* (к латинскому *benevolens* [бене́воленс] «доброжелательный» — от *Добровольский*) и *Сперанский* (к латинскому *sperans* [спе́:ранс] «надеющийся» — от *Надеждин*).

Но самый, пожалуй, интересный случай подобного калькирования отыскал в одной из псковских грамот XVI века известный писатель и филолог Л. В. Успенский. В этой грамоте упоминается *погоста Микифорова дьячок Игнатий... Велосипедов*. Если бы в XVI веке удалось найти пономаря *Мотоциклова* или попа *Телевизорова*, удивление Л. В. Успенского едва ли было бы более сильным. Ведь известно, что слово *велосипед* появилось в России лишь в XIX веке вместе с изобретением соответствующего средства передвижения. Этот курьезный случай был объяснен Л. В. Успенским в его книге «Слово о словах». По-видимому, перед нами случай калькирования, стремление переделать на иностранный лад какую-то русскою фамилию типа *Бегунов* или *Быстроногов*. Дело в том, что слово *велосипед* этимологизируется на базе латинских слов *velox* [ве́локс] «быстрый» и *pedem* [пе́дем] (винительный падеж единственного числа) «нога», означая буквально «быстроногий». Л. В. Успенский считает, что перед нами латинизированная калька. Но, во-первых, тогда мы, по-видимому, должны были бы получить форму *Велоципедов*, ибо в средневековой латыни *c* перед *i* произносилось как [ц], а не [с][1]. Во-вторых, для латинского языка в общем не типичны сложные слова вроде **velocipedis* [велоци́педис] «быстроногий».

В то же время в итальянском языке с XVII века засвидетельствовано слово *velocipede* [велочипе́де], представляющее собой кальку греческого *ōkypous* [о:кю́пу:с] «быстроногий». Первая фиксация слова совсем еще не говорит о том, что его не было в итальянском языке до XVII века. Однако по фонетическим причинам (наш дьячок носил фамилию *Велосипедов*, а не **Велочипедов*) итальянский язык также отпадает в качестве «строительного материала» кальки.

---

[1] Кстати, именно в латинизированной форме *велоципед* к нам и проникло в середине XIX века это слово. Вскоре, однако, восторжествовало французское произношение *велосипед*.

Остается, видимо, французский язык, где произношение *ci* как [си] вполне обычно.

Впрочем, не исключена возможность, что искусственно образованная на латинских корнях фамилия *Велоципедов* впоследствии изменилась в *Велосипедов*. В этом случае объяснение Л. В. Успенского нужно будет принять не только в целом, но и в деталях.

Не менее интересны случаи калькирования шведских фамилий. Примеры таких калек можно найти в русских дипломатических документах начала XVII века. Поскольку шведское имя *Ян* соответствует русскому *Иван* (оба они восходят к греческому *Iōannēs* [Ио:áнне:с]), а шведская фамилия *Янссон* буквально означает «сын Яна», то есть «Иванов (сын)», в одном из документов 1614 года шведский посол *Янссон* превратился в... *Иванова*. Точно таким же образом другой шведский посол *Андерссон* стал *Ондреевым*.

Но что делать с фамилией того же типа *Кнутссон* — ведь в русском языке нет имени, которое соответствовало бы шведскому имени Кнут?! И вот здесь «сработала» словообразовательная модель. Если шведским фамилиям на *-sson* соответствуют русские фамилии на *-ов* или *-ев*, и если имя *Кнут* по-русски так и остается *Кнут*, то фамилии *Кнутссон* в русском языке должно соответствовать... *Кнутов*. Причем *Кнутов* — не от русского слова *кнут*, а от шведского мужского имени *Кнут*. Именно такую «шведскую» фамилию *Кнутов* мы и встречаем в русских дипломатических документах XVII века.

С кальками далеко не все ясно. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово *кабак*, *кабачок* «вид тыквы» рассматривается как восточное заимствование, а для *кабак* «трактир» автор словаря дает несколько этимологических решений, начиная с предположения о западном происхождении этого слова. Следовательно, перед нами — случайное созвучие?

Но вот писатель А. М. Арго в журнале «Наука и жизнь» (1968, № 6, стр. 120) приводит интересную параллель к русским словам *кабак* и *кабачок*: франц. *auberge* [обéрж] «трактир, харчевня» и *aubergine* [обержúн] «баклажан». Что это — еще одно «случайное созвучие», как две капли воды повторяющее первое? Видимо, нет. Известно, что из тыквы и других близких ее «родственников» часто приготовляют кувшины и прочие сосуды для питья. Питейное же заведение, естественно, может получить свое название от сосуда для

питья. Сравните, например, немецкое слово *Krug* [круг] «кувшин», «кружка» и *Krug* «кабак, трактир».

Но как связаны между собой русская и французская пары слов? Что это — результат независимого развития значений? Или здесь мы имеем дело с кальками? Все эти вопросы гораздо легче поставить, нежели дать на них убедительный ответ. Примеры, подобные приведенному, встречаются в разных языках достаточно часто. Все они наглядно свидетельствуют о том, что исследование калек представляет собой одну из наиболее сложных проблем из числа тех, с которыми сталкивается в своей работе этимолог.

* * *

В заключение настоящей главы следует сказать, что наличие калек в языке значительно затрудняет этимологический анализ. Кто бы мог, например, подумать, что такие типично русские слова, как *кислота* или *падеж*, возникли в нашем языке под влиянием слов иноязычных? Или — что встречающаяся в русских документах фамилия *Кнутов* не имеет ничего общего с русским *кнутом*?

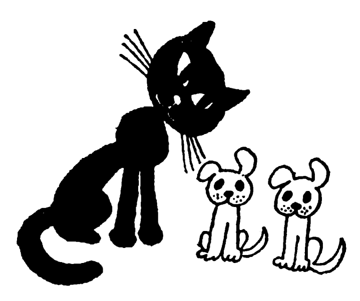
Но все перечисленные выше кальки возникли сравнительно поздно, и самый факт калькирования очень часто может быть подтвержден документально. А вот как быть с доисторической эпохой в развитии языка? Какое количество нераскрытых калек таят в себе древнейшие периоды истории каждого языка? На эти вопросы, к сожалению, ученые в большинстве случаев не могут дать ответа.

Глава девятнадцатая

УТРАТА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Одно из наиболее сложных явлений, с которыми приходится сталкиваться в своей работе историку слова, носит название: д е э т и м о л о г и з а ц и я. Что представляет собой это явление?

«Кошка ощенилась...» «Мама, кошка ощенилась!» Захлебываясь от восторга и перебивая друг друга, счастливые дети спешат сообщить эту важную новость своей матери. Вы, конечно, уже догадались, что перед вами сценка из рассказа А. П. Чехова «Событие». Чеховские ребятишки, разумеется, не задумывались над тем внутренним противо-

речием, которое заключено в их словах. В самом деле, может ли кошка *ощениться*, то есть, иначе говоря, принести щенят? Разумеется, дети из рассказа Чехова прекрасно понимали, что кошка принесла не щенят, а котят. Но почему же дети упорно повторяли слова *кошка ощенилась*? Что это — случайная комичная путаница? Возможно. Но более правдоподобным в данном случае будет выглядеть другое объяснение.

Обратимся к народным говорам русского языка и к русской художественной литературе. Оказывается, *щенков* приносят не только собаки, но и волки, лисы, шакалы, песцы и даже моржи и тюлени. Более того, в бранной и грубо-просторечной форме слово *щенок* (с оттенком оскорбительного пренебрежения) иногда употребляется в тех случаях, когда речь идет о ребенке.

Достаточно детям услышать от взрослых один-два раза, что волчица или лиса *ощенилась*, что из леса принесли волчьих или лисьих *щенков*,— и они перестанут связывать слова *щениться* и *щенок* непременно только с собакой. Для них *щенок* превратится вообще в детеныша животного, независимо от того, идет ли речь о кутенке, волчонке или лисенке. А с этой точки зрения в словах *кошка ощенилась* уже не будет никакого противоречия, ибо в детских головках произошла диэтимологизация глагола *ощениться*. Следовательно, деэтимологизация — это утрата этимологических связей в языке.

С явлениями деэтимологизации мы сталкиваемся почти на каждом шагу. Вдумайтесь, например, в такое совершенно заурядное сочетание слов, как *синие чернила*. С точки зрения этимологии и самой элементарной логики, эти слова столь же противоречивы, как и *кошка ощенилась*. Но в отличие от последнего случая и *синие чернила*, и *цветное белье*, и другие примеры такого же типа уже давно получили в языке права гражданства.

Хай живе Червоний Жовтень. Если вам приходилось бывать на ноябрьских демонстрациях на Украине или смотреть по телевизору на праздничные колонны киевлян, то вы, наверное, обратили свое внимание на этот часто

повторяющийся лозунг, который в переводе на русский язык значит: «Да здравствует Красный Октябрь!»

Украинское слово *жовтень* «октябрь» имеет предельно ясную этимологию: в его основе лежит прилагательное *жовтий* «желтый», а месяц этот получил свое название по цвету желтеющих осенью листьев. Сочетание *червоний* («красный») *жовтень*, с точки зрения этимологии, опять кажется противоречивым, но на самом деле здесь никакого противоречия нет.

Во-первых, украинское слово *Жовтень* (с большой буквы!) означает уже не десятый календарный месяц года, месяц желтеющей флоры, а, подобно русскому слову Октябрь, является синонимом Великой Октябрьской социалистической революции. Во-вторых, в сочетании *Червоний Жовтень* слово *червоний*, как и русское *красный* в сочетании *Красный Октябрь*, лишь исторически связано с красным цветом. Значение же этого слова стало синонимичным прилагательному *революционный*. Когда мы говорим: *красная конница*, *красные части*, *красные партизаны*, то речь идет не о цвете лошадей, всадников, частей, партизан, а об их принадлежности к революции. Исторически же возникновение у слова *красный* значения «революционный» связано с цветом красного знамени — знамени борьбы угнетенных трудящихся за свое освобождение.

«Разноцветная» смородина. Вообще, частичная или полная утрата этимологических связей очень часто происходит у прилагательных, обозначающих различные цвета.

Например, в припеве одной из популярных советских песен 50-х годов повторяются строки:

Самое *синее* в мире
Черное море мое.

Сходное явление можно наблюдать и в одной загадке, которая обычно предлагается в форме короткого диалога между покупателем и продавщицей на летнем рынке:

— Скажите, у Вас черная?
— Нет, красная.
— А почему же она белая?
— Потому что она зеленая.

Таинственная «она» — это смородина. *Черная* и *красная смородина* — названия ягод, данные по их цвету в спелом состоянии. Прилагательное *белая* употреблено в приведенном

диалоге в его обычном значении (в данном случае — это цвет несозревшей красной смородины). А вот слово *зеленая* уже утратило прямую связь с цветом. По своему значению оно здесь является синонимом слова *незрелая*. И еще более удаляется прилагательное *зеленый* от своего исходного цветового значения в сочетаниях типа *зеленый юнец*.

О катахрезе. Мы уже имели возможность убедиться, что в результате утраты первоначальных этимологических связей в языке появляются многочисленные случаи соединения несовместимых друг с другом слов (разумеется, с точки зрения их этимологии): *фиолетовые чернила*, *зеленая красная смородина* и т. п. Такое сочетание несовместимых слов и понятий в языкознании обычно называется термином к а т а х р е з а[1].

На это явление ученые обратили внимание уже давно. Еще знаменитый древнегреческий философ Аристотель (384—322 гг. до н. э.) пользовался в своих сочинениях термином *катахреза*. Примеры употребления сочетаний, состоящих из противоречивых по своему прямому значению слов, можно найти уже в самых древних памятниках письменности. Так, в «Илиаде» Гомера встречается сочетание слов *hippoi boukoleonto* [хи́ппой бу:коле́онто] «кони паслись». Второе слово в этом сочетании этимологически восходит в греческом языке к существительному *bous* [бу:с] «бык, корова», и исходное значение соответствующего глагола было «пасти коров», а не «пасти» вообще. Поэтому в этимологическом плане приведенное гомеровское сочетание слов содержит в себе внутреннее противоречие — катахрезу. Сочетание же это стало возможным именно потому, что глагол *boukòleomai* [бу:коле́омай] «пасу» утратил свою этимологическую связь со словом *bous* «бык, корова», то есть он подвергся деэтимологизации.

Аналогичное явление можно наблюдать и в случае с греческим *hippeuein ep'onu* [хиппе́уэйн эп о́ну:] или с итальянским *cavalcare un asino* [кавалька́ре ун а́зино] «ехать верхом на осле». Греческое слово *hippos* [хи́ппос] и итальянское *cavallo* [кава́ллё] означают «конь, лошадь». Поэтому соответствующие глаголы имеют в обоих приведенных примерах буквальное значение «ехать верхом на лошади». И только после деэтимологизации этих глаголов они стали употребляться в более широком значении: «ехать верхом» вообще.

[1] От греческого слова *katachresis* [ката́хре : сис] «употребление в неправильном (или несобственном) смысле».

Древний Новгород и бородатые «младенцы». Пути, ведущие к деэтимологизации слова, могут быть самыми различными. В одних случаях они прослеживаются на протяжении письменно засвидетельствованной истории племен и народов, в других — уходят своими истоками в седую старину доисторической эпохи. Восстановить утраченные в языке древние этимологические связи обычно бывает легче в тех случаях, когда самое явление деэтимологизации относится к сравнительно позднему времени. В качестве иллюстрации этого положения остановимся на следующих двух примерах.

Изучая историю нашей родины, мы на первых же страницах сталкиваемся с древним Новгородом. Каждому из нас ясно, что топоним *Новгород* значит «новый город». Но может ли *новый* город быть в то же время и *древним*? Разумеется, новым городом Новгород был лишь в наиболее древний период своего существования. С годами и столетиями город становился старше, но имя его продолжало оставаться без изменений. Этим и объясняется то кажущееся противоречие, которое мы, опираясь на данные этимологического анализа, находим в сочетании слов *древний Новгород*.

Нечто подобное можно наблюдать и в случае с испанским словом *infante* [инфáнте]. Испанский язык относится к романской группе языков, ведущих свое происхождение из латинского языка. Поэтому большое количество испанских слов этимологизируется на латинском языковом материале. Слово *infans* [и́нфанс] в латинском языке имело буквальное значение «не говорящий, не умеющий говорить». Употреблялось оно сначала лишь в отношении грудных младенцев, которые еще не научились говорить. Позднее это слово стало употребляться в более широком значении: «дитя, ребенок»[1]. В форме винительного падежа *infantem* [инфáнтем] оно перешло в испанский язык и приобрело здесь свой современный вид: *infante*. Испанское слово *infante* до сих пор сохранило значение «мальчик до семи лет».

Но наряду с этим еще в средние века слово *infante* превратилось в Испании в официальный титул, хорошо известный читателю по исторической и художественной литературе: *инфант* и *инфанта* — это дети королевской крови в Испании. Сын испанского короля, не являющийся наследником престола, мог дожить до седых волос, отрастить солидную бороду, но он все равно оставался при этом инфан-

---

[1] Ср. в русском языке: *инфантильный* «ребяческий», «ребячливый».

том. Таким образом, испанское слово *infante* «инфант», подобно русскому *Новгороду*, явно «выросло» из своей этимологии.

Интересно отметить, что в современном английском языке слово *infant* [и́нфэнт] употребляется в качестве юридического термина, имеющего значение «несовершеннолетний». В США, например, «младенческий» (с точки зрения этимологии) возраст infant'а продолжается до ... 21 года.

История латинского слова *infans* «младенец» далеко не ограничивается приведенными примерами. В испанском и итальянском языках слово *infante* приобрело еще и значение «пехотинец». Происшедшее здесь семантическое развитие «ребенок» → «парень» → «пехотинец» напоминает нам развитие значений в русском слове *ребята*, которое в дореволюционной армии было официальным обращением офицеров к солдатам: «Здорово, *ребята*!», «*Ребята*, за мной!» и т. п. Это же значение слова *ребята* нашло свое отражение и в русских народных песнях (*солдатушки-ребятушки*).

Испанское слово *infanteria* [инфантери́а], французское *infanterie* [инфантери́], английское *infantry* [и́нфентри], немецкое *Infanterie* [и́нфантери] — все эти слова имеют значение «пехота». Когда-то слово *инфантерия* существовало и в русском языке (*генерал от инфантерии*), но после 1917 года оно было окончательно вытеснено современным словом *пехота*.

«Гарсон, пива!» С небрежным видом подгулявший купчик бросает эти слова старику-официанту, не подозревая, что *garçon* [гарсо́н] по-французски значит «мальчик», а тот «мальчик», к которому он обращается, годится ему в дедушки.

Формы обращения часто подвергаются деэтимологизации, в частности в сфере обслуживания. «У вас есть лимонад?» — обращаетесь вы к продавщице. Никакого ответа. «Скажите, пожалуйста, у вас есть лимонад?» Опять — никакой реакции, ибо продавщица увлечена разговором со своей знакомой. «*Девушка*, у вас есть лимонад?» — спрашиваете вы в третий раз. «Да, пожалуйста!» — живо откликается... пятидесятилетняя продавщица. Диапазон употребления слова *девушка* за последнее время необычайно расширился, слово стало «штампом» обращения, утратив свои этимологические связи в языке, несмотря на всю их прозрачность.

Слова *молодой человек* в обращении к далеко не молодому мужчине также стали обычным делом в разговорной речи.

В последнее время модным штампом стало слово *старик* в обращении молодых людей друг к другу. В этой ситуации данное слово употребляется с определенной дозой юмора, подвергаясь в какой-то мере деэтимологизации. Именно поэтому слово *старик*, употребляемое (в подражание молодежи) лицами «не первой молодости», начинает звучать комично. Ибо здесь снимается действие деэтимологизации.

Таким образом, мы видим, что одно и то же слово может выступать как в деэтимологизированной, так и в недеэтимологизированной форме — в зависимости от общего контекста речи.

Наконец, нужно сказать, что катахреза может возникать в результате изменений, происшедших за пределами языка. Например, слово *атом* происходит от греческого слова *atomos* [а́томос] «неделимый». Но когда после работ Д. Томсена оказалось, что атом делим, реальное содержание, обозначаемое словом *атом*, вошло в противоречие с этимологией слова. В данном случае катахреза появилась не в результате изменения значения слова, а вследствие углубления наших знаний о том объекте, который данным словом обозначается.

Деэтимологизация и этимология. Почему мы так подробно остановились на различных случаях частичной или полной деэтимологизации слова? Да по той простой причине, что без деэтимологизации вообще не было бы этимологической науки. Если бы в языке не происходило постоянной утраты этимологических связей между словами, то у ученых не было бы никакой необходимости создавать науку этимологию, так как происхождение каждого слова оставалось бы совершенно очевидным даже для неспециалиста.

По существу, все непонятные по своему происхождению слова в языке в разное время подверглись деэтимологизации. Именно нарушенные в результате этого процесса древние этимологические связи и восстанавливают своей работой этимологи. Иначе говоря, этимологи реконструируют то, что было разрушено действием деэтимологизации.

Глава двадцатая

ЭТИМОЛОГИЯ, СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ И СЛОВОТВОРЧЕСТВО

Вопросы, связанные с деэтимологизацией в языке, имеют важное значение не только в чисто теоретическом, но и в практическом плане. Авторы разного рода книг и статей по культуре речи, доказывая, что так говорить можно, а так нельзя, довольно часто в своей аргументации опираются на этимологию. Поскольку уже самые заглавия книг типа «Правильно ли мы говорим?» или «Говорите правильно» обычно не оставляют у читателя никаких сомнений в непогрешимости изложенных в них рекомендаций, эти последние по большей части воспринимаются как «руководство к действию». Между тем авторы такого рода рекомендаций, опираясь на этимологию, во многих случаях не учитывают особенностей развития языка, связанных с деэтимологизацией и катахрезой.

Можно ли *открыть окно?* Писатель Б. Н. Тимофеев[1] считает неправильными такие сочетания слов, как *закрой дверь* или *открой окно*. Чем же он мотивирует свое столь странное утверждение? Ссылками на этимологию глаголов *закрыть* и *открыть*, которые имеют тот же самый корень, что и существительные *кров*, *крыша*, *крышка*. Следовательно, «этимологически» *закрыть* или *открыть* можно *сундук*, *шкатулку*, *кастрюлю*, то есть предметы имеющие крышку. *Дверь* же или *окно*, как предметы со створками, не *открываются*, а *отворяются* (то есть поворачиваются на петлях, распахивая створки).

Все это было бы верным, если бы в языке не было деэтимологизации и если бы слова не обладали способностью изменять свои значения, расширяя или сужая их при этом. В самом деле, если подходить к употреблению слова с точки зрения его этимологии, то должны ли мы говорить, что Колумб *открыл* или *отворил Америку*? Ведь у Америки нет ни крышки, ни створок!

Живое словоупотребление в языке не может быть уложено в прокрустово ложе этимологического анализа. Словоупотребление не должно на каждом шагу ориентироваться

---

[1] Борис Тимофеев. Правильно ли мы говорим? Заметки писателя. Лениздат, 1960, стр. 60—62.

на этимологию слов, тем более что многие слова вообще не имеют надежно установленной этимологии. Иначе нам пришлось бы каждый раз, прежде чем употребить то или иное словосочетание, *открывать* (или *отворять*?) этимологический словарь и наводить соответствующие справки.

Автор цитированной книги, требуя, чтобы мы непременно отворяли и затворяли окна и двери, естественно, вынужден был вспомнить известные слова пушкинской Татьяны:

Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне.

Вот что по этому поводу сказано в книге «Правильно ли мы говорим?»:

«Татьяна, по свидетельству самого Пушкина (гл. III, строфа XXVI):

...по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном...

Где уж ей было знать такие тонкости, как различие между словами *отвори* и *открой*.»

Если признать правильным этот ход рассуждений Б. Н. Тимофеева, то мы должны будем прийти к выводу, что и сам Пушкин не сумел разобраться во всех этих «тонкостях». Ибо он (в авторской речи!) употреблял глагол *открыть* в том же значении, что и его Татьяна:

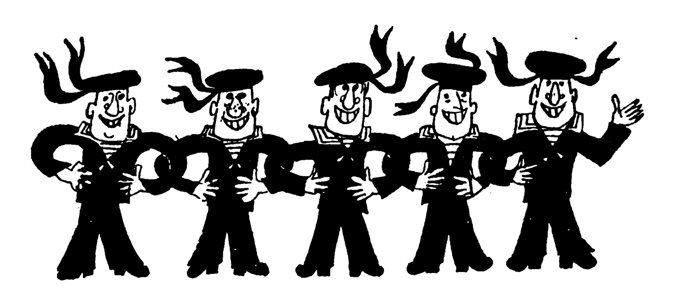
Едва дыша, встает она;
Идет; рукою торопливой
Открыла дверь...

«Бахчисарайский фонтан».

Такие выражения, как *ломиться в открытую дверь* или *день открытых дверей*, также говорят отнюдь не в пользу изложенных выше более чем странных рекомендаций.

Кавалькада машин. Случай со словами *открыть* и *отворить* показывает, к каким ошибкам может привести нас стремление употреблять слова в полном соответствии с их этимологией. Между тем подобная тенденция в наши дни получила довольно широкое распространение. Рассмотрим еще один пример.

В последнее время на страницах газет и журналов все чаще появляется сочетание слов *кавалькада машин*. Правомерно ли такое словоупотребление? В одной из статей,

помещенных в журнале «Русская речь», говорится о том, что *кавалькада машин* — словоупотребление ошибочное (1970, № 4, стр. 128). Почему? Опять по этимологическим соображениям. Слово *кавалькада* «группа всадников» этимологически восходит к латинскому *caballus* [кабáллюс], итальянскому *cavallo* «конь, лошадь» [1].

Все это верно. Только здесь не учтены возможности деэтимологизации слова. Выше мы уже видели, что итальянский глагол *cavalcare* подвергся деэтимологизации в итальянском языке, где допускается словоупотребление, не связанное со словом *cavallo* «конь» (например, *cavalcare un asino* «ехать верхом на осле»). Если даже в итальянском языке, где этимологические связи между словами *cavalcare* и *cavallo* лежат на поверхности, возможна деэтимологизация глагола *cavalcare*, то не станем ли мы «большими роялистами, чем сам король», если запретим метафорическое (переносное) употребление слова *кавалькада*, ссылаясь на его латинскую (или итальянскую) этимологию?!

Живость и образность нашего языка во многом зависят от его метафоричности. Вдумайтесь в такие сочетания слов, как *вереница мыслей*, *уток; лавина казаков; цепочка фонарей*, *машин*, *матросов* и т. д., и т. п. Во всех этих примерах словоупотребление противоречит этимологии, причем — в отличие от слов *кавалькада машин* — в рамках одного и того же языка. Без этих «противоречий» и «нарушений» язык наш давно превратился бы в засушенную мумию. Ни шуток, ни намеков, ни игры слов, ни ярких образов,— ибо каждое слово употреблялось бы только в том значении, которое определено его этимологией. На вопрос о том, отчего утка плавает, в таком языке был бы возможен только один ответ: «от берега», а на вопрос: «почему утка плавает?» — лишь ответ: «по воде». А все остальное — «от лукавого».

---

[1] В журнале допущена неточность: латинск. *cavallus*.

Что отводит громоотвод? Этимологически противоречивые слова и словосочетания мы употребляем в нашей речи на каждом шагу. Если критерием словоупотребления сделать этимологию слова, то нам придется весьма существенно «перекроить» наш язык.

Слово *атом*, как мы видели, этимологически означает «неделимый». Близким его «родственником» является слово *анатом* «специалист по анатомии»,— сравните греческое слово *tomē* [томé:] «рассечение» и «разделение», *а-том* «не-делимый», *ана-том* — «рас-секающий, раз-резающий (трупы)». Исходное значение слова *анатом* оказалось утраченным, его в русском языке в этом значении заменило слово латинского происхождения: *резектор*. Таким образом, у слов *атом* и *анатом* налицо явное расхождение между их этимологией и словоупотреблением.

Всем нам хорошо известно, что *громоотвод* отводит молнию, а не гром. Тем не менее, мы великолепно пользуемся этим словом, нисколько не смущаясь его этимологической несуразностью. *Летучая мышь* отнюдь не является мышью, а *рыба-кит* русских народных сказок — совсем не рыба[1]. В русских диалектах можно встретить такие этимологически прозрачные слова, как *тринога* «большая лохань без ножек» (!) и *триножичка* «сарайчик на четырех (!!) столбах». *Цветное белье*, *свободная вакансия* (от латинского *vacare* [вака́:ре] «быть свободным, незанятым»), *древний Новгород*, *монументальный памятник* (сравните латинск. *monumentum* [монуме́нтум] «памятник») и многие другие сочетания содержат в себе очевидные этимологические «повторы» или «противоречия», которые, однако, нисколько не мешают употреблению этих сочетаний.

Примеры такого рода из разных языков и диалектов можно продолжать без конца. Они свидетельствуют о том, что не этимология является главным судьей при решении вопросов, связанных со словоупотреблением.

Где искать критерий? Где же в таком случае искать главный критерий, который позволил бы в каждом отдельном случае установить какую-то норму в употреблении слова?

Здравые суждения на этот счет (хотя и в несколько ином контексте) высказал еще 2 тысячи лет тому назад знаменитый римский поэт Гораций. В своем стихотворном трактате «О поэтическом искусстве» он писал, что норму употребле-

[1] Сравните также приведенное выше немецкое слово *Walfisch* «кит-рыба».

ния или неупотребления тех или иных слов устанавливает *usus* [ýːсус] «обычай, обыкновение, узус» (последний термин употребляется в этом значении в языкознании). Именно узус, согласно Горацию,— высший судия в вопросе о нормах словоупотребления.

История многих слов подтверждает справедливость этой точки зрения. Так, например, слово *довлеть*, имевшее вначале значение «быть довольным», этимологически связанное с наречием *довольно* (*до* + *воля*), под влиянием близкого по звучанию существительного *давление* и глагола *давить*, приобрело новое значение: «тяготеть (над кем-либо, чем-либо)». Авторы разных словарей и некоторые писатели на все лады твердили, что такое словоупотребление ошибочно, что приписывать глаголу *довлеть* его новое значение нельзя, что это неграмотно с этимологической точки зрения и т. д. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова в статье *довлеть* говорится следующее: «С недавних пор стало встречаться неправ(ильное) употр(ебление) этого слова в смысле «тяготеть над кем-н(ибудь)». (Том 1, столб. 733.) Прошли годы. Несмотря на запрет словарей, многие наши писатели (Н. Тихонов, К. Федин и другие) продолжали употреблять глагол *довлеть* в его новом значении. И вот спустя 22 года в I томе четырехтомного «Словаря русского языка» (М., 1957, стр. 559) этимологически правильное значение глагола *довлеть* дается с пометой «устаревшее», а новое «неправильное» его значение приводится без всяких критических замечаний.

Другой пример такого же рода — слово *абитуриент*. Этимологически верное его значение — «выпускник; учащийся, сдающий выпускные экзамены» (от латинского *abiturus* [абитýːрус] «намеревающийся уходить»). В последние годы широко распространилось этимологически ошибочное употребление этого слова в значении «поступающий в вуз», «сдающий вступительные экзамены». В многочисленных статьях и заметках об этом писали противники нового словоупотребления. Но и здесь в конце концов победил не ученый догматизм, а узус. Нельзя не согласиться в связи с этим с предложением Л. И. Скворцова «прекратить бесплодные споры по поводу нового употребления слова *абитуриент*» («Русская речь», 1971, № 4, стр. 82).

Есть ли на Луне земля? Изучение вопросов, связанных с деэтимологизацией, имеет важное значение не только для определения норм словоупотребления, но и в процессе соз-

дания новых слов и терминов — в процессе словотворчества. В наш век освоения космоса перед языковедами стоит серьёзная задача: выявить закономерности, которые определяют создание новой (в частности, космической) терминологии. А вопросов здесь возникает множество, и подчас совсем неожиданных. Возьмем такой пример.

Писатель А. М. Волков, автор книги «Земля и небо», получил от одного из своих юных читателей письмо с вопросом: «Есть ли на Луне земля?» Ответ писателя на этот вопрос чрезвычайно интересен, поэтому приведем его полностью:

«Теперь открывается наружная дверь, и мы выходим из корабля, спускаемся по выдвижной лесенке, ступаем на лунную почву... Как ее назвать? На нашей родной планете мы ходим по *земле*, берем в руки горсточку *земли*, бросаем друг в друга *землей*... А здесь? Смешно говорить: я взял горсточку *луны*, я запустил в товарища *луной*. Придется уж выражаться по старой привычке: *я иду по земле*, *я упал на землю*. Но будем помнить, что земля эта — лунная!»

К этому ответу нужно только добавить, что нелепость выражений типа *я взял горсточку луны* объясняется довольно элементарной (хотя и очень распространенной) логической ошибкой. Все дело в том, что в русском языке следует различать разные значения слова *земля*, в частности, *земля* «почва, грунт», *земля* «суша» и *планета Земля*. Во многих языках эти значения передаются р а з н ы м и словами. Например, значения «почва, грунт» и «суша» по-немецки передаются словами *Grund* [грунд] и *Land* [ланд], по-английски — *ground* [гра́унд] и *land* [лэнд], а «планета Земля» в немецком языке будет *Erde* [э́рде], в английском — *earth* [э:тс]. Следовательно, в этих языках не может возникнуть проблемы, с которой мы столкнулись в ответе А. М. Волкова. В немецком и английском языках возможен лишь вполне законный вопрос о том, есть ли на Луне почва, грунт, ибо, естественно, никто не будет спрашивать, есть ли на Луне... планета Земля.

Читатель А. М. Волкова, видимо, рассуждал примерно так: если на планете Земля поверхностный ее слой называется *землей*, то на планете Луна он должен называться *луной*. Здесь сказывается магическое действие языка, который в данном случае два разных понятия обозначает одним и тем же словом. Носителю такого языка иногда бывает столь же трудно разобраться в разных значениях од-

ного и того же слова, как, например, дальтонику отличить красный цвет от зеленого.

Чтобы пояснить суть рассмотренной ошибки, сошлемся на специально доведенную ad absurdum (до нелепости) параллель. Если на железнодорожной станции Зима самое холодное время года называется *зимой*, то значит ли это, что, например, в Москве это время года должно называться *москвой*?

***Прилунение* и *лунотрясение*.** Космическая эра привела к появлению в нашем языке большого количества «космических» слов и терминов. Некоторые из них удачны и, видимо, прочно вошли в состав русского языка. Но излишнее увлечение слово- и терминотворчеством (чем особенно грешат журналисты) привело к созданию ряда явно неудачных слов и к определенному разнобою в «космической» терминологии.

Когда первая советская космическая ракета достигла поверхности Луны, в русском языке появились новые слова *прилуниться* и *прилунение*. Конечно, можно было бы сохранить старое, уже знакомое нам слово *приземлиться*. Но в этом случае, по мнению создателей новых слов, в сочетании *приземлиться на Луне* появилось бы этимологическое противоречие (типа *красные чернила*). Чтобы избежать этого противоречия, в русском языке ввели новый глагол: *прилуниться*.

Новые слова на первых порах, естественно, были встречены с большим энтузиазмом. Но теперь, видимо, наступило время спокойно рассмотреть слова, которые возникли в последние годы.

К сожалению, при создании слов *прилуниться* и *прилунение* проявился уже знакомый нам этимологический «дальтонизм», не различающий отдельных значений слова *земля*. Какое из отмеченных выше значений лежит в основе глагола *приземлиться*? Конечно же, значение «твердая поверхность, грунт» или «суша», но не «планета Земля». Из чего это видно? Во-первых, из наличия противопоставления *приземлиться* — *приводниться*. *Приземлиться* имеет значение «совершить посадку на твердой поверхности, на суше», а не «войти в соприкосновение с планетой Земля». Характерно, что космические корабли не только *приземляются*, но и *приводняются*. Иначе говоря, даже применительно к космическим полетам глагол *приземлиться* не имеет того значения, отправляясь от которого можно было бы создать ему парал-

лель *прилуниться*. Если же наш глагол *приземлиться* (как и немецк. *landen* [ла́нден] или английск. *to land* [ту лэнд]) означает «совершить посадку на земле» (а не на Земле), то его лунный «двойник» *прилуниться* оказывается образованным от той самой *луны*, которую можно брать в горсточку и бросать.

То же самое нужно сказать и о термине *лунотрясение*. Ведь «трясется» не планета Земля или Луна, а отдельные участки коры, то есть поверхностного слоя планеты. Поэтому данный термин также трудно признать удачным. Но может быть, не стоит поднимать этого вопроса? Ведь если благополучно здравствует в нашем языке *громоотвод*, то почему бы не быть в нем и *лунотрясению*? Думается, однако, что едва ли разумно в наши дни пускать на самотек важное дело создания новых терминов.

***Прилуниться* и *примеркуриться*.** Логические и этимологические ошибки или неточности, допущенные при создании слов *прилуниться* и *лунотрясение*, в конце концов не могут решить вопроса о будущем этих слов. Гораздо опаснее другой недостаток рассматриваемых неологизмов (новых слов).

В марте 1966 года очередная советская космическая ракета вошла в соприкосновение с планетой Венера. Следуя той же логике, что и в случае с *прилунением*, мы должны были бы сказать, что *ракета привенерилась*, а в дальнейшем можно было бы ожидать появления в русском языке глаголов *примарсилась*, *примеркурилась*, *приплутонилась* и т. п. В одном из юмористических рассказов была описана космическая экспедиция, которая достигла одной из планет созвездия Гончих Псов. Начальник экспедиции послал на Землю радиограмму, сообщая, что корабль благополучно «присобачился» на заданной планете.

Очевидно, что такой путь выработки новых терминов никак нельзя признать удачным. В данном случае необходим какой-то о б щ и й термин, обозначающий факт соприкосновения ракеты с планетой, независимо от названия последней. Как будет конкретно решен этот вопрос в русском языке, сейчас сказать трудно. Возможно, что появится новое или будет использовано какое-то старое слово, этимологически не связанное ни с одним из названий планет (слова типа *сесть* или *совершить посадку*). Но теоретически исключить нельзя и такой возможности, как использование гла-

гола *приземлиться* в сочетаниях *приземлиться на Луне, на Марсе, на Нептуне* и т. д.

Впрочем, уже сейчас выражение *мягкая посадка на Луне* приходит на смену *прилунению*, *геология Луны* встречается чаще, чем *лунология* или *селенология*[1]. Было бы проще всего заменить начальное *гео-* наших «земных» научных терминов начальным *луно-* или *селено-*. Но вся беда в том, что, например, вновь образованное слово *селенология* начинает в русском языке восприниматься не как «геология Луны», а как «наука о Луне». Причина этого — словообразовательно-семантическая модель: *антропология* «наука о человеке» (греч. *anthrōpos* [áнтхро:пос] «человек»), *ихтиология* «наука, изучающая рыб» (отдел зоологии, от греч. *ichthys* [ихтхю́с] «рыба»), *минералогия* «наука о минералах» и т. п. В этом отношении, слово *геология* этимологически «неточно»: оно означает не науку о земле вообще (греч. *gē*[ге:] «земля»), а только о земных недрах.

Вот почему в газетах мы на каждом шагу встречаемся с *геологическими* процессами на Луне, с *геометрической* структурой поверхности Луны, с *геодезическими* измерениями и даже с *землеройным* устройством на Луне. Деэтимологизация первого компонента сложных слов на *гео-* позволяет на базе нашей «земной» терминологии выработать такие о б щ и е термины, которые окажутся одинаково пригодными на любой планете солнечной (да и не только солнечной) системы. Если же мы будем создавать «частную» терминологию для каждого небесного тела, мы не сможем передать даже такой простой газетной фразы, как, например: «Что может дать науке сравнение геологической истории разных планет?» («Известия», 21/XI — 1970 г.). Ведь на Луне эта история будет *селенологической*, на Плутоне — *плутонологической*, на Венере — *афродитологической*[2].

А что об этом думают геологи-селенологи? Г. И. Миськович в журнале «Русская речь» (1971, № 5, стр. 71) приводит интересный ответ ученого, занимающегося вопросами геологии Луны и планет. К. Б. Шинкаревой был задан вопрос, почему она в своей речи пользуется (применительно к Луне) словом *геологи*, а не *селенологи*. К. Б. Шинкарева ответила: «Это вопрос пока дискуссионный. Ведь наступит

---

[1] От греческого слова *selēnē* [селé:не:] «луна».

[2] В е н е р а — это латинское имя греческой богини любви Афродиты.

время, и нам придется вплотную заняться Марсом, Меркурием... Как тогда именовать специалистов по этим планетам? Да и стоит ли всякий раз менять нашу «земную» терминологию?» («Правда», 22/IX — 1970 г.).

Следовательно, одним из важнейших средств создания общих терминов в рамках новой космической лексики может явиться деэтимологизация наших более конкретных «земных» слов. Не стоит сейчас задаваться вопросом о том, какие из недавно созданных «космических» слов удержатся в языке, а какие — нет. Наша задача — более строго относиться к созданию новых слов, учитывая при этом не только этимологический фактор, но и роль деэтимологизации в истории языка.

* * *

Итак, на примерах словоупотребления и словотворчества мы убедились в практической значимости деэтимологизации, в том, что деэтимологизация была и остается одним из важнейших языковых средств в процессе выработки общих понятий и терминов. Именно частичная деэтимологизация слова *чернила*, несмотря на его очевидную связь с прилагательным *черный*, позволяет нам свободно пользоваться сочетаниями *синие*, *зеленые* и т. д. *чернила*, а не создавать для каждого отдельного случая самостоятельные слова типа «синила», «краснила», «зеленила». И даже в сочетании *черные чернила* никто сейчас не усмотрит тавтологии типа *масло масляное*.

Все приведенные выше примеры говорят о том, что деэтимологизация — это закономерное явление в истории языка, а не нарушение его норм, не «порча», которая ведет к созданию этимологических нелепостей. Стремление устранить из языка все то, что противоречит этимологии слов, может привести не к «очищению», а только к обеднению нашего языка.

Глава двадцать первая

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ НОВЫХ СЛОВ

Прежде всего, необходимо оговориться: понятие «новое слово» — весьма и весьма условно. Отношения и связи между неологизмами (новыми словами) и архаизмами (уста-

ревшими словами) в языке могут переплетаться самым причудливым образом. Поясним это утверждение несколькими примерами.

Устаревшие неологизмы и возрожденные архаизмы. Как вы думаете, много ли лет нашему слову *танк*? В русский язык оно проникло из английского в годы первой мировой и гражданской войн. Еще позднее пришло к нам слово *танкетка* «малый быстроходный танк», которое было «обыграно» при создании нового слова *танкетки* «вид легкой женской обуви». Ему, видимо, нет и тридцати лет от роду. В конце 40-х годов это было одно из самых употребительных названий женской обуви. А многие ли его сейчас знают, и часто ли оно употребляется в русском языке 70-х годов XX века? Вот вам пример нового слова, которое уже успело стать устаревшим.

Между тем такие слова, как *небо*, *луна*, *мать*, *брат*, *новый*, *два*, *дом* и многие другие, существуют в нашем языке и в языке наших предков не один десяток столетий. И несмотря на свой весьма почтенный возраст, они не воспринимаются нами как слова устаревшие.

Особенно часто можно наблюдать устаревание, а порой и полное отмирание неологизмов иноязычного происхождения, когда они вытесняются словами родного языка. Так, заимствованное слово *геликоптер* было вытеснено русским словом *вертолет*, *аэроплан* — словом *самолет*, *авиатор* — *летчик* и т. д. Немало подобного рода примеров можно привести из области спортивной лексики: *голкипер* — *вратарь*, *бек* — *защитник*, *хавбек* — *полузащитник*, *корнер* — *угловой* (удар).

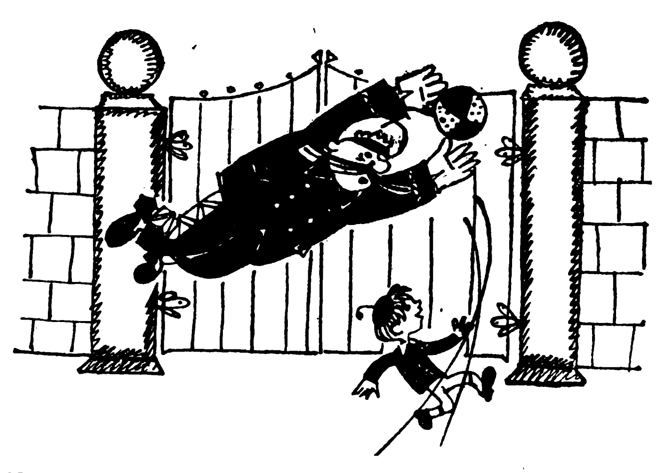
Навсегда ли уходят из языка, из его активного «арсенала» устаревшие слова? Часто — да, но иногда — нет. Так, например, слово *майор* стало устаревшим в русском языке после того, как соответствующее звание, введенное Петром I, было упразднено в конце XIX века[1]. После введения в Советской Армии воинского звания *майор* слово это пережило в русском языке свое второе рождение.

Нечто аналогичное произошло и со словом *ударник* «передовик производства». В тридцатые годы оно было вытеснено в данном значении словом *стахановец*[2].

---

[1] Слово устарело лишь применительно к офицерским званиям в русской армии того времени.

[2] А. Г. Стаханов — шахтер-забойщик из Донбасса.

Но вот прошло совсем немного лет (с точки зрения многовековой истории языка), и опять в значении «передовик производства» мы пользуемся словом *ударник*.

Иногда возрожденные архаизмы приобретают в языке совсем не то «звучание», которое они когда-то имели. Так, *ковер-самолет* русских народных сказок или диалектное слово *самолет* а) «вид парома» и б) «ткацкий челнок» имеют мало общего с современным летательным аппаратом — *самолетом*. Едва ли узнал бы себя в современном футбольном или хоккейном *вратаре* прежний *вратарь* — «привратник».

Интересно, что рассмотренные нами особенности, проявляющиеся в истории слов, были отмечены еще Горацием, который писал:

«Многие из тех слов, которые уже исчезли, возродятся, а те, которые сейчас в почете,— исчезнут (из языка)».

«Ближняя» этимология. До сих пор наше основное внимание привлекали такие слова, этимология которых может быть выявлена с помощью индоевропейских фонетических соответствий, реконструкций древнейшей словообразовательной структуры слова и т. д. Иначе говоря, нам постоянно приходилось обращаться к индоевропейской или, по крайней мере, праславянской эпохе.

Но есть слова, которые возникли в нашем языке совсем недавно, например 5, 50 или 500 лет тому назад. Не удивляйтесь, что здесь в один ряд поставлены столь различные временные промежутки. С точки зрения индоевропейской древности, слова, возникшие и 5, и 500 лет тому назад,

вполне могут рассматриваться как «новые». Правда, при этом нужно учитывать специфику той лексики, которая отражает широкие международные культурные связи и технический прогресс последних столетий.

В целом слова, этимологизация которых не требует обращения к разного рода праславянским и индоевропейским реконструкциям, мы и будем в данной главе именовать (условно, как мы уже убедились) «новыми» словами. Н. М. Шанский этимологизацию такого рода слов относит к разряду «ближней» этимологии, в отличие от этимологии «дальней», которая должна принимать во внимание материал родственных индоевропейских языков.

Трудные «новички». На первый взгляд может показаться, что «ближняя» этимология намного легче «дальней». Но подобное мнение следует признать глубоко ошибочным. Среди новых слов в языке немало таких, этимологию которых установить очень трудно, хотя появились эти слова в русском языке совсем недавно. Взять хотя бы слово *майка*. Одни этимологи считают, что оно образовано от существительного *май* (хотя в мае в майке, пожалуй, холодновато). Другие полагают, что источником нашей *майки* явилось какое-то заимствование, связанное с польским словом голландского происхождения *majtki* [ма́йтки] «матросские штаны». Но здесь остается неясным: каким образом «штаны» превратились в «майку»? Третьи считают, что русское слово *майка* и сербскохорватское *maja* [ма́я] «майка» были заимствованы из итальянского *maglia* [ма́йя] или французского *maillot* [майо́] «трико; майка». И если мы откроем сейчас этимологические словари русского языка, то найдем там отнюдь не одинаковые этимологии слова *майка*. А ведь первая фиксация этого слова в словарях относится лишь к 30-м годам XX века!

Именно на основании исследования слова *майка* специально работавший над его этимологией венгерский языковед Л. Киш писал: «Занимаясь «новичками» лексики, этимолог становится скромнее. Если нередко и слова, возникшие почти на наших глазах, трудно поддаются окончательному этимологическому разбору, как же не быть исследователю в своих суждениях о происхождении «старых» слов сугубо осторожным?»

Авторы новых слов. Однако в отдельных случаях нам оказывается известной не только этимология новых слов,

но и их создатели. Так, например, автором слова *утопия* был английский ученый-гуманист XV—XVI века Томас Мор, слово *фауна* было создано шведским естествоиспытателем XVIII века К. Линнеем, слово *лилипут* в начале XVIII века придумал английский писатель Дж. Свифт. Украинский ученый XVI — XVII века М. Г. Смотрицкий явился создателем слова *деепричастие*. Вот еще небольшой перечень новых слов и их авторов: *вандализм* (А. Грегуар), *газ* (Я. Гельмонт), *промышленность* (Н. М. Карамзин), *робот* (К. Чапек, осуществивший идею своего брата Й. Чапека), *заумь* (А. Кручёных), *оэкранить* (И. Северянин).

Выше мы уже видели, что много новых слов и терминов в русском языке создал М. В. Ломоносов. Некоторые из новых слов (в частности, у Ломоносова) представляют собой кальки. Иногда этимология неологизмов прозрачна (*зáумь*, *оэкранить*), хотя значение слова могло в той или иной степени измениться.

В отдельных случаях нам известны мотивы, которыми руководствовался автор при создании нового слова. Так, слово *утопия* явно образовано от греческих слов *ou* [у:] «не» и *topos* [тóпос] «место». Иначе говоря, *Утопия* (а так у Томаса Мора назывался остров, где были осуществлены его социальные идеи) — это «место, которого нет». При создании слова *газ* голландский химик Я. Гельмонт исходил, с одной стороны, из греческого *chaos* [хáос] «хаос», а с другой — из немецкого *Geist* [гайст] «дух». А вот какова этимология слова *лилипут* мы с полной уверенностью сказать не можем, хотя нам и известен его автор.

Но не всегда «путевку в жизнь» словам дают их создатели. Нередки случаи, когда слово живет в языке тихо и незаметно, и только будучи употреблено в какой-то определенный момент и в определенной ситуации, начинает использоваться активно. Такой, в частности, была история слова *оптимизм*, которое едва ли с такой быстротой распространилось бы по всей Европе и за ее пределами, если бы Вольтер не написал своей блестящей повести «Кандид, или Оптимизм».

Слово *нигилист* употребляли в первой половине XIX века Н. И. Надеждин, Н. А. Полевой, А. С. Пушкин. Но только после выхода в 1863 году романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» слово *нигилист* получило широкое распространение в русском языке.

Иногда и не очень «новые» слова имеют более или менее точную дату своего рождения, а также — своего автора. Так, ученый XIV века Фирузабади назвал свой арабский

толковый словарь «Ḳamūs» [ка́му:с] «Океан». Это название вполне оправдывало себя, ибо словарь, содержавший по одним сведениям 60, а по другим даже 100 томов[1], являл собой поистине океан слов. Авторитет «Океана» был столь велик, что слово *ḳamūs* стало означать не только «океан», но и «словарь». В этом своем последнем значении слово *ḳamūs* проникло во многие языки, лексика которых испытала на себе сильное арабское влияние (непосредственное или через посредство других языков): ср. таджикское *комус* «словарь», афганское *ка̄му́с* «словарь» и др.

«Фамильные» этимологии. Очень часто новые слова и термины носят имена изобретателей, создателей, изготовителей и т. п. соответствующих предметов или имена ученых, которые совершили важные открытия в той или иной научной области. Такие «фамильные» этимологии имеют, например, названия ряда систем пистолетов: *браунинг*, *кольт*, *маузер*, *наган*. Или (совсем из другой области) — названия одежды: *будёновка*, *галифе*, *макинтош*, *реглан*, *толстовка*, *френч*. Таково же происхождение целого ряда физических терминов: *ампер*, *ватт*, *вольт*, *герц*, *ом*, *рентген*, а также (опять из другой области) — названий декоративных растений: *бегония*, *георгин*, *камелия*, *магнолия*. «Фамильного» происхождения будут и такие слова, как *архаровец*, *бойкот*, *гильотина*, *дизель*, *морзе*, *сандвич*, *силуэт*, *хулиган*, *царь*, *шрапнель*... Слова подобного рода обычно не доставляют этимологу никаких хлопот. Поэтому останавливаться на их происхождении мы здесь не будем[2].

Однако слова эти заставляют этимолога задуматься по другой причине. В книге грузинских ученых Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» (Тбилиси, 1970) рассматривается около 1500 русских слов, образованных от фамилий, имен, отчеств, прозвищ, псевдонимов. Такое обилие подобного рода слов свидетельствует о том, что перед нами не какое-то исключительное, а обычное явление в развитии языка. Возникновение таких слов в одних случаях исторически документировано (*ампер*, *рентген*, *силуэт*), а в других — эти слова этимологически бесспорны в рамках самого русского языка (*будёновка*, *толстовка*). Но где гарантия того, что от более

---

[1] До нас дошел только краткий вариант этого словаря в двух томах.

[2] Желающие могут обратиться к интересной книге Эд. Вартаньяна «Рождение слова» (М., «Детская литература», 1970), где рассказывается о происхождении большинства приведенных здесь слов.

древних эпох до нас не дошло некоторого количества таких же слов, однако, при этом не сохранилось ни исторических свидетельств, ни этимологических данных, ни даже тех имен собственных, от которых эти слова могли быть образованы? Представьте себе, например, что до нас дошли названия месяцев *июль* и *август*, но имена собственные, от которых они образованы (*Юлий Цезарь* и *Октавиан Август*), нам остались бы неизвестными. Или, допустим, что редкие в наши дни имена *Кондрат(ий)*, *Егор* и *Кузьма* оказались бы совершенно забытыми. Как бы в этом случае этимологи стали объяснять происхождение слов *кондрашка*, *объегорить*,*подкузьмить?*[1] К сожалению, этимологам приходится считаться и с такой возможностью.

Опять слова-«гибриды». Мы уже видели, что слова-«гибриды» образуются часто в полукальках. Так, наше слово *телевидение*, образованное на основе английского *television* [тéлевúжн], состоит из двух разных частей: греческой *теле-* и русской *-видение*. Однако и само английское слово также является «гибридом», но только греческо-латинским. Особенно много таких «гибридных» слов среди искусственных образований нового времени. Возьмите, к примеру, такие привычные нам слова, как *оптимизм* и *оптимист*, *пуризм* и *пурист*, *нигилизм* и *нигилист*. Все они образованы на базе латинских слов (*optimus* [óптимус] «наилучший», *purus* [пý:рус] «чистый», *nihil* [нúхиль] «ничто»), но суффиксы (*-изм* и *-ист*) у них — греческого происхождения. Напротив, в слове *архитектура* мы имеем дело с сочетанием греческой основы и латинского суффикса, причем слово это возникло еще в древнем Риме, а не относится к числу поздних искусственных образований.

Одно время часть ученых резко возражала против «незаконных браков» разноязычных слов или их составных элементов. Но постепенно узус восторжествовал, и противники слов-«гибридов» вынуждены были смириться. Теперь уже никого нельзя удивить такими словами, как *акваланг*

---

[1] *Кондрашка* («внезапная смерть») — слово неясного происхождения. Возможно, что его появление в русском языке связано с восстанием Кондратия Булавина (1707—1708 гг.). *Объегорить и подкузьмить* — слова более определенного происхождения. В день святого Егория (Георгия) и в день Кузьмы и Демьяна обычно заключались сделки и производились расчеты между хозяином и работником (еще до введения крепостного права на Руси). «Надуть» кого-то при заключении сделки или при расчете — таков смысл слов *объегорить* и *подкузьмить*.

(от латинского *aqua* [а́ква] «вода» и английского *lung* [ланг] «легкое») или *козлетон* (просторечно-ироническое слово с русским первым и заимствованным вторым компонентом).

Рождение или возрождение слова *кибернетика?* Обычно авторы разного рода словарей и справочников без колебаний называют как год рождения слова *кибернетика*, так и его создателя. Слово это получило широкое распространение после выхода в 1948 году книги американского ученого Норберта Винера, которая так и называлась: «Кибернетика». Считается, что новое слово Н. Винер образовал от греческого существительного *kybernētēs* [кюберне́:те:с] «кормчий, рулевой», а этимологическое значение вновь образованного слова *кибернетика* может быть передано словами «наука управления». Сомневаться в правильности подобного объяснения, казалось бы, у нас нет никаких оснований — хотя бы потому, что именно так объяснял происхождение слова *кибернетика* сам Н. Винер.

И все же, недаром говорится, «ничто не ново под луной». Слово *кибернетика* (*kybernētikē* [кюберне:тике́:]) «искусство управления» мы находим, например, в диалоге древнегреческого философа Платона «Горгий», написанном более 23 веков тому назад. Интересно отметить, что здесь также наблюдается семантическое развитие от конкретного («управление кораблем») к абстрактному («управление» вообще). Хотя в древнегреческом языке скорее нужно говорить о переносе значения из одной конкретной сферы («управление кораблем») в другую конкретную же сферу («управление государством»). Именно последняя сфера стала обычной у соответствующих слов новогреческого языка: *kybernētēs* [киверни́тис] «правитель» (но также и «капитан»), *kybernētikos* [кивернитико́с] «правительственный», *kybernēsē* [киве́рниси] «правительство». Это направление в семантическом развитии слова было, видимо, использовано уже полтора столетия тому назад французским ученым А. М. Ампером, который употреблял слово *кибернетика* в значении «наука об управлении государством» (то есть в платоновском смысле).

Следовательно, едва ли будет правильным утверждение, что Н. Винер «изобрел» или «создал» слово *кибернетика*. Для того чтобы столь удачно создать искусственное греческое слово, нужно хорошо знать греческий язык. А хорошее его знание предполагает знакомство со словом *kybernētikē*, которое можно найти даже в гимназических словарях и по-

собиях. Скорее всего, Н. Винер подсознательно помнил греческое слово, действительно, образованное от существительного *kybernētēs*, и воспользовался этим словом для образования нового научного термина, обозначающего новую научную область.

Но даже если Н. Винер совершенно заново создал слово *кибернетика*, мы должны говорить о возрождении старого слова, в которое американский ученый вложил новое современное содержание (случай, когда вино молодое в л и в а ю т в мехи старые). Успех быстрого распространения слова *кибернетика* был обеспечен колоссальными достижениями, которых добилась эта наука в 50—60-е годы XX века.

Несколько совсем новых слов. Русский язык, как и всякий другой, постоянно обновляет и пополняет свой словарный запас. Все лексические «новинки» языка, как правило, фиксируются словарями. Но количество новых слов в наш космический век растет с поистине «космической» быстротой. Не случайно поэтому совсем недавно у нас даже вышел специальный словарь «Новые слова и значения» (М., 1971), в котором собраны «новинки» нашей лексики 50—60-х годов.

Среди этих новых слов немало заимствований из других языков, но есть здесь также и незаимствованные слова. Вот несколько примеров со словами, «стаж» которых обычно не превышает 10—15 лет: *лавсан* (1956)[1], *круиз* (1957), *бионика*, *бистро*, *лазер* (1960), *бадминтон*, *джинсы* (1963), *акваланг*, *бикини*, *хобби* (1964), *болонья*, *прессинг*, *ралли*, *смог*, *цунами* (1965), *венерианский*, *субъядерный* (1966), *колготки*, *сенаж* (1967).

С этимологической точки зрения эти слова составляют довольно «разношерстную» массу. С некоторыми из них мы уже знакомы (*лавсан*, *акваланг*, *сенаж*). Из остальных слов одни этимологизируются предельно ясно: *венерианский*, *болонья* (от названия итальянского города *Болонья*), *субъядерный*; другие — не столь просто. Например, заимствованное из английского языка слово *смог* «густой туман, смешанный с дымом и копотью» мы тщетно пытались бы отыскать в английских словарях, вышедших, скажем, 10—

---

[1] В скобках указан год первой фиксации слова. Возможно, что отдельные слова появились в русском языке несколько раньше, а в языке специалистов — и намного раньше. Словарь обычно фиксирует лишь время сравнительно широкого распространения слова.

15 лет тому назад. Дело в том, что и в самом английском языке слово *smog* представляет собой неологизм, появившийся в результате контаминации (скрещивания) слов *fog* [фог] «туман» и *smoke* [смóук] «дым, копоть». Следовательно, и самые новые слова могут представлять определенный интерес для этимолога.

* * *

История слов *майка*, *кибернетика* и др. показывает, что, занимаясь происхождением новых слов в языке, этимолог может столкнуться с массой неожиданных трудностей. Примеры с этимологиями подобного рода должны предостеречь от пренебрежительного отношения к «ближней» этимологии, которая имеет такое же право на существование, как и «дальняя», базирующаяся на изучении родственных связей между отдельными индоевропейскими языками.

Глава двадцать вторая

«ВРАГИ» ЭТИМОЛОГА

Жизнь этимолога была бы ясной и безмятежной, если бы в истории слов проявлялись одни лишь регулярные закономерности. Восстановил на основании известных фонетических законов древнейшую форму слова, по таблице звуковых соответствий выявил ближайших «родственников» (в тех индоевропейских языках, где они сохранились), определил словообразовательную модель, реконструировал (на основе типичных семантических изменений) древнейшее значение слова — и готова этимология! Все было бы хорошо и просто.

Но дело в том, что каждый язык содержит большое количество заимствований и калек. А здесь уже действуют свои особые закономерности, к тому же не всегда столь же строгие, как в лексике исконного происхождения. Но и это не всё. Значительное число древнейших глаголов, которые могли бы явиться «ключевыми» при раскрытии этимологии многих слов, безвозвратно исчезли из языка. И этимологу вместо прямых доказательств часто приходится прибегать к косвенным аргументам, то есть идти к раскрытию этимологии слова окольным путем.

Какая-то часть слов в языке вообще «выпадает» из обычных норм фонетического, словообразовательного и семан-

тического развития. Каждое из таких слов является уникальным в своем роде, не отражая общих закономерностей развития языка (вспомните слова *о'кей*, *кворум*, *омнибус* и другие примеры, рассмотренные нами в X главе).

Однако всем этим отнюдь не исчерпываются неожиданности, с которыми приходится сталкиваться исследователю, занимающемуся вопросами происхождения слов. Немало и других подводных рифов ожидает этимологический корабль на его нелегком пути по безбрежным просторам моря слов. Именно о подобного рода этимологических «рифах» у нас и пойдет речь в настоящей главе.

***Пилигрим* и *каннибал*.** Нет, это не рассказ о том, как каннибал съел пилигрима, а всего лишь разбор соответствующих слов, в которых произошли фонетические изменения нерегулярного типа. Такого рода явления, когда в одних и тех же условиях фонетическое изменение то происходит, то не происходит, встречаются в языке достаточно часто. К их числу относятся ассимиляция (уподобление) и диссимиляция (расподобление). Причем ассимиляция (как и диссимиляция) может быть полной или частичной.

Примером частичной ассимиляции может служить слово *свадьба*, которое образовалось из **сватьба* (сравните слова *сват*, *сватать*). Под влиянием звонкого *б* глухой звук *т* перешел у этого слова в *д*. Иначе говоря, звук *т* уподобился звуку *б* в отношении его звонкости. Произошла так называемая частичная ассимиляция по степени звонкости. Особенно часто ассимиляция происходит у приставочных образований: *раз-украсить*, но *рас-писать*, *рас-творить*. Поскольку слова с приставками обычно представляют собой сравнительно поздние образования, ассимиляция в большинстве случаев не доставляет слишком больших хлопот этимологу. Иное дело — диссимиляция. Здесь изменения, как правило, бывают более «разнонаправленными», а подчас и несколько неожиданными.

Старое наше слово *феврарь* (из латин. *Februarius* [фебруа́:риус]) перешло в *февраль* в результате расподобления: *р — р* → *р — л*. Между прочим, в древнерусском языке сохранились следы несколько иной диссимиляции: *феуларь*. Древнерусское слово *вельблюдъ* одно из своих *л* изменило в *р* (→ *верблюд*). Выше мы уже видели, что в немецком языке слово *Tartuffel* изменилось в *Kartoffel* (*t — t* → *k — t*). Латинское слово **medidianus* [медидиа́:нус] «полуденный»

(от *medius* [ме́диус] «средний» и *dies* [ди́э:с] «день») в результате диссимиляции превратилось в *meridianus* (*d — d* → *r — d*); сравните наше слово *меридиан*.

В латинском языке слово *peregrinus* [перегри́:нус] «чужеземец» было образовано с помощью приставки *per-* «через, сквозь», существительного *ager* «поле, земля» и суффикса *-in-*. Буквальное этимологическое значение этого слова: «за полями, за землями (находящийся)» или «по полям, по землям (странствующий)» — к латинскому *per agros* [пер а́грос] «за поля, земли» или «по полям, землям». В поздней латыни слово *peregrinus* подверглось диссимиляции (*r — r* → *l — r*), и его новая форма *pelegrinus* послужила в конечном счете источником русского слова *пилигрим* (сравните русские просторечные образования *колидор* и *секлетарь*, в которых произошло аналогичное фонетическое изменение).

Интересна история слова *каннибал*, которое к нам пришло через западноевропейские языки из туземных языков Вест-Индии. В Европу это слово было принесено испанцами, в языке которых слово *canibal* [ка́нибал] «людоед, каннибал» первоначально имело значение «кариб, житель Карибских островов». Слово *canibal* возникло из *caribal* «кариб» в результате диссимиляции: *r — l* (два плавных звука) → *n — l*. Мена *r* и *n* в процессе диссимиляции хорошо известна и из других языков. Например, латинское слово *carmen* [ка́рмен] «песня» возникло из **canmen* (*n — n* → *r — n*), сравните глагол *cano* [ка́но:] «пою».

Однако не нужно думать, что диссимиляция, затрудняющая этимологический анализ, встречается только в словах иноязычного происхождения. Наше исконное слово *блин(ъ)* возникло из *млинъ* в результате расподобления двух носовых звуков: *м — н* → *б — н*. Слово *млинъ* относится к глаголу *молоть* так же, как *клинъ* относится к *колоть*, и этимологически означает: «(испеченный) из молотого» (то есть из муки). Кстати, слово *млинъ* имеет также значение «мельничный жернов», «мельница». В диалектах русского языка подобное же фонетическое изменение (*м — н* → *б — н*) можно отметить у слова *бладень* «младенец» (из *младень*).

«Усеченные» слова. Среди разного рода сокращений, которым подвергаются слова в процессе своего развития, можно отметить явление, обозначаемое словом греческого происхождения: *гаплология*. Вторая половина этого слова (*-логия*) нам хорошо известна, а первая (*гапло-*) образована от греческого прилагательного *haplos* [хапло́с] «простой».

Гаплология — это упрощение слова, при котором опускается один из соседних одинаковых слогов: **знаменоносец* → *знаменосец*, **близозоркий* → **близоркий*, с последующим переосмыслением: *близорукий*. Немецкое слово **tragikokomisch* [трагикокóмиш] изменилось в *tragikomisch* (сравните в русском языке: *трагикомический*, а не **трагикокомический*). Интересно отметить, что в самом слове *гаплология* не произошло гаплологии в отличие, например, от **минералологии*, где двойное *-лоло-* упростилось, дав современное *минералогия*.

Немало сокращений различного типа произошло в русском и в других языках уже в XX веке: *метрополитен* → *метро*, *кинематограф* → *кино* (сравните английское сокращение: *cinema* [си́нимэ] «кино»), *таксомотор* → *такси;* английское *laboratory* [лáбэрэтэри] → *lab*, *professor* [прэфéсэ] → *prof*, *doctor* [дóктэ] → *doc* и т. п.

Иногда сокращается только часть нового слова, явившегося результатом словосложения: ***зар**плата*, ***пром**товары*, ***хоз**расчет*. Сокращаться слово может не только за счет своей конечной, но и начальной части: английское *history* [хи́стори] → *story* [стó:ри] «рассказ» (с этимологической точки зрения: «история»).

Разумеется, большинство приведенных здесь примеров относится к позднему времени и не вызывает почти никаких затруднений у этимолога. Но можем ли мы быть уверены в том, что подобные явления не встречались также и в глубокой древности?

Что такое синкопа? Распространенным типом сокращения слова является синкопа — выпадение звука или звуков внутри слова (от греч. *sygkopē* [сюнкопé:] «рубка», из слова как бы «вырубается» его часть)[1]. Выше, на примере с этимологией слова *луна*, мы убедились в том, что у этого слова подверглись выпадению звуки **k* и **s* перед *n* (**louksnā*>луна), а именно эти важные звуки позволяют выявить этимологию данного слова. Синкопа редуцированных гласных *ь* и *ъ*, вместе с превращением их в гласные полного образования (*е* и *о*) в ударном положении, привела к наличию так называемых беглых гласных в современном русском языке: *день*, но *дня*, *сон — сна*, *лоб — лба* и т. п.

Такого рода явления нередко приводили к нарушению

---

[1] Иногда *синкопой* называется выпадение лишь гласного звука.

этимологических связей между словами. Например, глагол *спать* трудно фонетически увязать в рамках современного русского языка с существительным *сон* (кроме начального *с-* у них нет ничего общего). Между тем перед нами — слова общего происхождения; но у глагола *съп-ати* (сравните: *за-сып-ать*) синкопировался гласный *ъ*, а у существительного **съп-н-ъ* — согласный *п*, с последующим переходом гласного *ъ* в *о* в ударном положении. В русском языке имеется большое количество слов, этимология которых оказалась затемненной из-за выпадения звуков, происшедшего в различные исторические эпохи.

Явление, прямо противоположное синкопе, представляет собой вставка так называемого «паразитического» звука в определенных группах согласных. Наглядным примером этого явления могут служить просторечные формы типа *ндрав* или *страм*. Правда, написание *д* и *т* у данных слов орфографическими нормами не предусмотрено, и сами эти слова в подобной форме не входят в русский литературный язык. Но вот, например, слова из литературного языка — *остров* и *струя* — содержат точно такое же «паразитическое» *т*, как и в слове *страм*. И только почтенная древность этой вставки в первых двух словах позволяет нам относиться к ней вполне терпимо. О вставном характере *т* в словах *остров* и *струя* свидетельствуют соответствия в родственных языках: литовск. *srauja* [српуя́] «струя», др.-индийск. *sravati* [сра́вати] «течет» и др.

Легко убедиться, что и выпадение того или иного звука в слове, и вставка лишнего звука приводит подчас к существенному изменению фонетического облика слова, а это в свою очередь затрудняет его этимологический анализ.

***Ладонь* и *долонь*.** В диалектах русского языка на месте нашей литературной *ладони* можно встретить также другое слово: *долонь*. Какое же из этих слов является более древним и как они связаны между собой? Прежде всего, в русском литературном языке имеется устаревшее слово высокого стиля — *длань*, которое при сопоставлении с *долонь* явно указывает на старославянский источник. И действительно, в старославянском языке мы находим слово *длань*, в болгарском и сербскохорватском — *длан* и т. д. Во всех славянских языках, даже в белорусском и украинском, мы встречаем «двойников» нашей *долони*, а не *ладони*. Литовское слово *delnas* [дя́лнас] «ладонь» окончательно решает вопрос: форма *долонь* (и *длань*) древнее, чем *ладонь*.

Откуда же взялось это последнее, столь привычное для нас слово?

Оказывается, слово *ладонь* явилось результатом м е т а т е з ы (перестановки) звуков *д* и *л* в слове *долонь* (→ **лодонь* → *ладонь* — в результате закрепления аканья в безударной позиции).

Метатеза также представляет собой нерегулярное, хотя и довольно распространенное фонетическое явление. Часто оно встречается в заимствованных словах. Объясняется это тем, что заимствованное слово лишается поддержки со стороны однокорневых слов своего родного языка, что способствует меньшей устойчивости слова, перенесенного в чужую языковую среду. Кроме того, в этом новом языковом окружении могут возникать разного рода ложные ассоциации, приводящие к искажению заимствованного слова.

Вот несколько примеров метатезы в словах иноязычного происхождения (изменение могло в отдельных случаях произойти еще в языке-посреднике): латинское *marmor* [мáрмор] → *мрамор*, немецкое *Teller* [тéллер] → *тарел(ка)*, латинское *Florus* [флó:рус] → *Фрол*, латинское *Silvester* [силвéстер] → *Селиверст*[1].

Иногда в языке и его диалектах могут параллельно существовать как формы с метатезой, так и без нее: *тверёзый* и *трезвый*, *суворый* (ср.: *Суворов*) и *суровый*, *ведмедь* и *медведь*. Нередко такой же параллелизм можно отметить, если привлечь материал родственных языков. Сравните, например, русское слово *сыворотка* и болгарское *суроватка*. Наше прилагательное *сыроват(ый)* показывает, что метатеза произошла в русском слове.

Некоторые из приведенных примеров с метатезой относятся к сравнительно позднему времени. Однако было бы ошибочным считать, что метатеза не встречалась в более ранние эпохи. Такие параллели, как русское *ка-мень* — литовское *ak-menį* ([áкьмени:] — винительный падеж единственного числа) «камень», греческое *ak-mōn* [áкмо:н] «наковальня», древнеиндийское *aš-man* [áшман] «камень»; русское *ра-тай* — литовское *ar-tojas* [артó:яс] «пахарь», русское *ра-ло*, чешское *rá-dlo* [рá:дло] — литовское *ar-klas* [áрклас] «соха» и др. показывают, что в ряде случаев факт метатезы в русском и других славянских языках может быть установлен только с помощью материала родственных индоевропейских языков.

---

[1] По-латыни *florus* значит «цветущий», *silvester* — «лесной».

Выше мы уже видели, что именно учет метатезы у ряда производных глагола **ра-ти (орать)* «пахать» позволил объяснить этимологию русского слова *ра-мень*, которое относится к литовской форме винительного падежа *ar-menį* [áрьмени:] «пашня» точно так же, как *ка-мень* относится к *ak-menį*.

Словообразовательные «рифы». Очень часто простые имена и глаголы, играющие исключительно важную роль в этимологических исследованиях, исчезают из языка. Их вытесняют более сложные слова, «отягощенные» различными суффиксами, значение которых, однако, оказалось «стертым» по мере развития языка.

Возьмем, например, такую группу русских слов: *палка, кольцо, солнце, сердце, улица, овца, палец*. Все они исторически представляют собой образования с уменьшительным суффиксом **-k-*, который в ряде позиций изменился в *-ц-*. Но уменьшительное значение этими словами было утрачено. Поэтому каждое из них послужило основой для образований с новыми уменьшительными суффиксами: *палка — палочка, кольцо — колечко, солнце — солнышко, сердце — сердечко* и т. д.

В то же время мы можем определенно утверждать, что каждое из перечисленных выше слов само когда-то было словом с уменьшительным значением. Об этом свидетельствуют следующие сопоставления: *корка — кора, горка — гора, жилка — жила*, но: *палка — x; словцо — слово, мясцо — мясо, озерцо — озеро*, но: *кольцо — x; блюдце — блюдо, оконце — окно*, но: *солнце — x, сердце — x; девица — дева, лужица — лужа, рожица — рожа*, но: *улица — x; грязца — грязь, пыльца — пыль, рысца — рысь*, но: *овца — x; хлебец — хлеб, супец — суп, братец — брат*, но: *палец — x*. Во всех приведенных случаях знаком *x* отмечено то исчезнувшее простое существительное, которое послужило основой для образования соответствующего уменьшительного слова. Исчезнувшие слова сохранили свои следы или в родственных языках (польское *pała* [пáла] «дубина», литовское *širdis* [ширьди́с] «сердце», латинское *ovis* [овис] «овца» и др.), или в самом русском языке: *солн-о-ворот, пере-ул-ок, серд-о-больный, бес-пал-ый*. Именно утрата простых основ в языке привела к тому, что их место заняли производные с уменьшительным суффиксом, но эту уменьшительность мы уже не воспринимаем, ибо нам не с чем эти образования сравнивать. Например, для слова *палец* у нас нет объекта для

сравнения, как в случаях *братец — брат* или *хлебец — хлеб*.

Интересно, что подобную же тенденцию вытеснения простых слов их производными с уменьшительным суффиксом мы встречаем во многих языках мира. Например, во французском языке слова со значениями «солнце», «ручей», «птица» и др. восходят к латинским существительным «солнышко», «ручеек», «птичка» и т. п.

Эта особенность, характерная не только для существительных, но также для глаголов и других частей речи, значительно затрудняет этимологический анализ, так как язык часто утрачивает именно те простейшие слова, опора на которые обычно и составляет сущность и главную цель этимологического исследования.

Причуды семантики. В главах, посвященных семантике, нас в первую очередь интересовали общие закономерности, которые проявляются при изменениях значения слова. Но, к сожалению (для этимологов, а не для языка!), далеко не во всех случаях семантическое развитие подчиняется одним и тем же закономерностям. Очень часто история слова дает нам примеры того, как одинаковые исходные данные приводят к весьма различным, подчас — даже противоположным результатам.

Так, например, русские прилагательные *мелкий* и *крупный* отражают близкую семантическую модель, в основе которой лежит значение «толочь»: 1) «толочь» → «толченое (зерно)» → «крупа; мука» → «мелко размолотый» (слово *мелкий*); 2) «толочь» → «толченое (зерно)» → «крупа; мука» → «крупно размолотый» (слово *крупный*).

Для первого прилагательного исходным был глагольный корень **mel-/*mol-* (ср.: *молоть*). Во втором случае производные с простым глагольным корнем были утрачены в языке, но близость к первой модели подтверждается такими древнерусскими словами, как *крупыи* «мелкий» (!) и *крупѣти* «мельчать». Очевидно, что противопоставление прилагательных *мелкий* и *крупный* отражает различные результаты размельчения зерна: *мелкое* — это зерно молотое, а *крупное* — лишь раздробленное в *крупу* (слово, находящееся в родстве с сербскохорватским глаголом *кру̑шити* «раздроблять»). Примером в реалиях здесь может послужить приготовляемая из ячменя ячневая крупа и ячневая мука.

При сопоставлении двух родственных слов — русского *благой* «добрый, хороший» и литовского *blogas* [бло́:гас]

«плохой» — мы убеждаемся, что одно и то же (по своему происхождению) слово может приобрести в разных языках прямо противоположные значения. Кстати, такие русские слова и выражения, как *блажной* или *кричать благим матом*, отражают значения более близкие к литовскому *blogas*, чем к русскому *благой*.

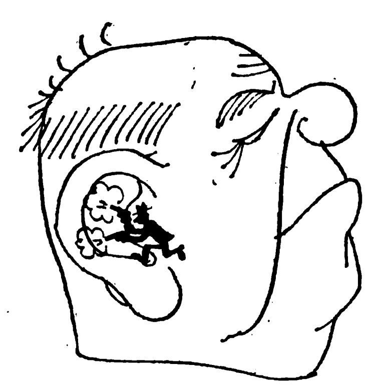
Другим примером столь же резкого расхождения значений может служить такая пара слов, как древнерусское *поносúти* «ругать, оскорблять» и сербскохорватское *поно́сити* «гордиться». Немецкое слово *Knecht* [кнехт] «слуга» находится в самом близком родстве с английским *knight* [найт] «рыцарь», а немецкое *Knabe* [кна́:бе] «мальчик» с английским *knave* [нейв] «мошенник».

Во всех рассмотренных нами примерах факт родства или наличие семантической связи между приведенными словами можно установить с помощью различных «промежуточных звеньев». Но сколько в каждом языке можно найти таких случаев, когда эти «промежуточные звенья» оказались утраченными и мы сталкиваемся лишь с конечными результатами семантических расхождений? К сожалению, это вопрос, который гораздо легче задать, чем на него ответить. И именно здесь этимолог сталкивается с наиболее серьезными затруднениями в процессе анализа семантической истории слова.

Метафора, табу, эвфемизм. Слова в языке употребляются не только в их прямом, но и в переносном смысле. Причем нередки случаи, когда в прямом своем смысле слово перестает употребляться, сохраняя лишь вторичное, то есть переносное значение. Это, как правило, приводит к тому, что слово утрачивает свои очевидные этимологические связи в языке. Этимология слова оказывается замаскированной его новым значением.

М е т а ф о р а (от греческого *metaphora* [метафора́:] «перенос») в различных ее видах — довольно распространенное явление в языке. Возьмем хотя бы русский глагол *стрелять*, этимологически означающий «метать стрелы». Впоследствии значение этого глагола было перенесено на стрельбу из различных видов огнестрельного оружия. Но этим употребление глагола *стрелять* в переносном значении далеко еще не было ограничено. Сравните использование этого глагола, например, в таких словосочетаниях: *стрелять глазами*, *стрелять папиросы*, *стрелять кнутом* (издавая звук, подобный выстрелу), *стреляет в ухе* (о резких корот-

ких болевых ощущениях). А теперь представьте себе, что глагол *стрелять* дошел бы до нас только в одном из его переносных значений — допустим, в значении «просить, выпрашивать» (*стрелять папиросы*). Легко ли в этом случае было бы установить этимологию глагола *стрелять*? А ведь такого рода случаев в истории языка, по-видимому, было немало!

Одним из типов метафоры является такой перенос значения, при котором происходит расширение или сужение этого значения. Так, французский глагол *arriver* [аривé], с точки зрения его этимологии, означает «достигнуть берега» (по-французски *rive* [рив] — «берег»), но он приобрел в языке более широкое значение: «прибыть». Другой французский глагол — *traire* [трер] «доить» восходит к латинскому *trahere* [трáхере] «тащить, тянуть». Следовательно, здесь в семантической истории слова, напротив, произошло сужение его значения.

Мы очень мало знаем о древнейших этапах в истории многих слов, особенно — о таких явлениях, как уходящие в глубь веков случаи языкового т а б у, то есть запрета употреблять определенные слова вследствие различных религиозных верований, суеверий и т. п. Например, во многих индоевропейских языках не сохранилось древнего названия медведя. Вместо него употребляются всевозможные «смягченные» выражения или э в ф е м и з м ы (от греч. *eu* [эу] «хорошо» и *phēmi* [фе:мú] «говорю»): русское *медведь* буквально значит «медоед», немецкое *Bär* [бер] — «бурый». В языке русских охотников медведя называют то просто *зверем*, то *хозяином*. В чешском языке можно найти еще одно интересное название медведя: *brtník* [бр̥тни:к] «бортник, пчеловод».

Древнее индоевропейское название змеи в русском и в других славянских языках сохранилось лишь за безобидным ужом. А на название ядовитых пресмыкающихся было наложено табу; хочешь их назвать — употреби эвфемизм: *змея*, то есть «земная, земляная».

Эвфемизмы благополучно продолжают существовать и в наш век атомной энергии и космических полетов. Мы еще не забыли возникших в разное время эвфемистических слов и выражений, которые употреблялись и отчасти употребляются до сих пор, например, вместо глагола *умер: скончался, протянул ноги, отдал богу душу, преставился, сыграл в ящик, загнулся, дал дуба, приказал долго жить* и т. п.

Эвфемизмы нового времени обычно больших затруднений у исследователя не вызывают. Но чем дальше в глубь веков, тем труднее этимологу разобраться в тех сложных семантических «джунглях», которые вырастают на его пути вследствие действия табу и эвфемистического словоупотребления.

Наши предки шутят. Судя по языковым данным, наши далекие предки в достаточной мере обладали чувством юмора. В частности, об этом свидетельствуют случаи, когда ироническое словоупотребление оказывается источником этимологии слова.

Так, итальянское и испанское *testa* [тéста], а также французское слово *tête* [тет] «голова» (и «разум») этимологически восходят к латинскому *testa* «черепок, горшок». Аналогичное явление имело место в немецком языке, где прежнее слово *Haupt* [хáупт] в значении «голова» уже сделалось архаизмом, который был вытеснен словом *Kopf* [копф] «голова», этимологически родственным английскому *cup* [кап] «чашка». Сюда же можно отнести некоторые русские просторечные выражения типа *котелок не варит*. С той, правда, разницей, что слово *котелок* сохранило в качестве основного значение «небольшой котел», а со значением «голова» выступает только в определенных просторечных сочетаниях.

Еще во времена Петра I слово *рукоприкладство* означало действие, когда государственный чиновник прикладывал руку к бумаге, если неграмотный проситель не мог этого сделать сам. Выражения типа *к сему руку приложил такой-то* долго еще держались в русском языке. Но вот какой-то шутник употребил слово *рукоприкладство* применительно к случаю, когда чья-то рука была приложена отнюдь не к бумаге... Так у этого слова возникло его новое значение, а старое потом было постепенно забыто.

Ироническое словоупотребление, лежащее в основе семантического изменения,— вот еще один «риф», который необходимо принимать во внимание и старательно обходить в процессе этимологического исследования.

Этимология и омонимы. Омонимия — весьма распространенное языковое явление: *рысь* («бег») и *рысь* («животное»), *рубка* (леса) и *рубка* (корабля), *стан* («туловище») и *стан* («стоянка»), *шпик* («сало») и *шпик* («шпион») и т. д. Написание омонимов может быть и различным. Особенно это характерно, например, для английского языка: *meet* [ми:т] «встречать» и *meat* [ми:т] «мясо», *night* [найт] «ночь» и *knight* [найт] «рыцарь», *incite* [инса́йт] «подстрекать» и *in sight* [инса́йт] «в поле зрения» и т. п. Хотя немало таких пар и в русском языке: *луг* и *лук*, *код* и *кот* и др.

Встречаются омонимы, разумеется, и при сопоставлении слов из разных языков. Так, русское слово *паника* созвучно литовскому диалектному (в произношении) слову *panieka* [па́ни:ка] «презрение». Но между ними нет ничего общего. *Паника* — слово греческого происхождения, образованное от имени лесного бога *Пана*. В литовском же слове начальное *pa-* является приставкой, а *niekas* означает «никто, ничто».

Причины возникновения омонимии в языке могут быть различными. Иногда один из омонимов является заимствованным словом, а другой — исконным. Так, слово *брак* «изъян» было заимствовано в Петровскую эпоху из германского (сравните немецк. *Brack* «брак, изъян» — к *brechen* [бре́хен] «ломать»), а *брак* «супружество» — это исконное славянское слово, образованное от глагола *брать* так же, как *знак* от *знать*. Правда, здесь также возможно заимствование, но «внутриславянское» (из старославянского языка).

В древнерусском языке и в диалектах современного русского языка мы можем встретить слово *боло́нья* (и *боло́нье*) «заливной луг», этимологически родственное слову *болото*. Но вот в 60-е годы XX века в русском языке появилось новое слово *болонья* «вид плаща» — что буквально на наших глазах привело к появлению омонимии в диалектах русского языка.

Другой возможный случай представляют собой омонимы, возникшие в результате калькирования. Английское слово *knot* [нот] «узел» приобрело в языке моряков значение меры скорости. Под влиянием английского языка в русском языке также слово *узел* приобрело его второе значение. Иначе говоря, омонимия (*узел веревки* и *узел* — мера скорости) возникла в русском языке в результате калькирования английского слова *knot* в его втором значении.

Омонимия может возникнуть также в результате фонетических изменений, которые приводят к тому, что фонети-

ческий облик одного слова, изменившись, совпадает с другим, которое не связано с ним этимологически. Возьмем в качестве примера русские глаголы *жать (жму)* и *жать (жну)*. Здесь совпадение в неопределенной форме (*жать*) — вторичного происхождения. В одном случае *жать* возникло из **gem-ti*, а в другом — из **gen-ti*. Праславянское *-em-* и *-en-* изменилось в «юс малый» (ѧ), который закономерно дал в обоих случаях *а* с изменением предшествующего **g* в *ж*. Кстати, как показывают родственные индоевропейские языки, начальное **g* (→ *ж-*) у обоих глаголов — также различного происхождения: в одном случае (*жму*) — это индоевропейское **g-*, а в другом (*жну*) — **gh-*.

Но самый трудный случай омонимии и самый важный для этимологии — это омонимия, возникающая на базе многозначности слова (полисемии). Очень часто разные значения одного и того же слова расходятся между собой столь далеко, что смысловая связь между этими значениями утрачивается и мы начинаем считать, что перед нами два самостоятельных слова, лишь случайно совпавших в своем звучании. Искусство этимолога часто проявляется именно в том, что он находит то связующее звено, которое позволяет говорить об общности происхождения двух кажущихся омонимов, проливая тем самым свет на этимологию одного из них. Что, например, общего между глаголами *пою* (лошадь) и *пою* (песню)? Между тем О. Н. Трубачев высказал остроумное предположение, что второе слово возникло на основе первого. Глагол *пою* «даю пить» в языческих обрядах древних славян мог означать «совершаю возлияния» (богам), то есть буквально: как бы «даю пить (богам)». Эти религиозные возлияния сопровождались песнопениями, которые постепенно стали обозначаться тем же самым словом (отсюда: *пою песню*).

* * *

Рассмотренные нами случаи ассимиляции и диссимиляции, гаплологии и синкопы, метатезы, метафоры и омонимии обладают одним общим свойством: они отражают разного рода нерегулярные явления в языке. Эти явления (или точнее: их вероятность) нельзя заранее предусмотреть.

В то же время этимолог должен постоянно считаться с возможностью столкновения с одним из тех «рифов», рассмотрению которых и была посвящена настоящая глава.

СПОРНЫЕ ЭТИМОЛОГИИ

Откройте любой этимологический словарь русского языка — и вы убедитесь, что происхождение многих русских слов до сих пор остается неясным. Нередко авторы словарей прямо пишут об этом: «происхождение неясно» или «надежной этимологии у слова нет». В других случаях фактическое отсутствие какого бы то ни было объяснения скрывается за внушительным перечнем славянских или индоевропейских соответствий, которые, однако, мало что объясняют и в свою очередь нуждаются в этимологическом истолковании. Наконец, такие определения, как «восточнославянское» или «общеславянское индоевропейского происхождения», если они не сопровождаются конкретным этимологическим анализом, как правило, не проясняют вопроса о происхождении интересующего нас слова.

Во многих случаях, особенно в подробных этимологических словарях А. Г. Преображенского и М. Фасмера, приводится не одно, а два или несколько различных объяснений, касающихся этимологии слова. При этом сам автор словаря иногда воздерживается от того, чтобы отдать предпочтение одному из объяснений, а в некоторых случаях даже пишет, что ни одно из них не может быть признано удовлетворительным.

Об очевидном в науке.

Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей...

А. С. Пушкин.

Можно ли считать, что отсутствие полной очевидности и определенности в решении многих этимологических вопросов является недостатком этимологической науки? В известном смысле — да. Чем меньше в науке остается «белых пятен», тем, следовательно, дальше шагнула она в своем поступательном движении вперед. Но эти «белые пятна» не могут исчезнуть окончательно. Если все станет совершенно очевидным и ясным, то науке просто нечего будет делать. А до тех пор, пока существуют непознанные области, ученые будут выдвигать различные — подчас противоречащие друг другу — гипотезы. Вспомните хотя бы, сколько самых разнообразных гипотез было в свое время пред-

ложено по вопросу о таинственных «каналах» на Марсе или о структуре лунной поверхности!

Наука в своем развитии не раз опровергала самые, казалось бы, неоспоримые и очевидные истины. Разве не представляется совершенно «очевидным» факт движения Солнца по небесному своду? В течение многих тысячелетий человек считал, что Солнце вращается вокруг Земли. Эти древние представления нашли свое отражение в самых различных языках земного шара. Мы до сих пор говорим о том, что Солнце *восходит* и *заходит*, хотя давно уже знаем, что не Солнце движется вокруг Земли, а, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца.

Хорошо известно, что нет ничего обманчивее кажущейся очевидности. Многие великие научные открытия начинались с того, что самые общепризнанные и, казалось бы, очевидные факты подвергались сомнению и анализировались под критическим углом зрения. Гелиоцентрическая система мира, которую научно обосновал великий польский астроном Н. Коперник, могла появиться только в результате полного отрешения от привычных представлений о неподвижности Земли и о движении Солнца и звезд по небесному своду.

Научный подвиг Магеллана, корабли которого совершили первое кругосветное плавание, был бы невозможным, если бы выдающийся мореплаватель руководствовался наиболее распространенным в его годы и «очевидным» представлением о плоской форме Земли. «Коперник геометрии» — великий русский математик Н. И. Лобачевский явился создателем новой геометрической системы, коренным образом изменившей наши представления о природе пространства. Но для создания своей системы Лобачевский должен был отказаться от целого ряда очевидных положений. В частности, он отказался от аксиомы о том, что через точку, лежащую вне прямой, можно провести в той же плоскости только одну прямую, которая не пересекает данной.

Таких примеров, когда сомнение в очевидных, на первый взгляд, фактах приводило в конечном итоге к выдающемуся открытию, можно привести из истории науки множество. Недаром Карл Маркс в анкете, предложенной его дочерьми, на вопрос «Каков ваш любимый лозунг?» ответил: «Подвергай все сомнению!»

Этимологические гипотезы. Новые этимологические объяснения нередко также появляются в результате отка-

за от какой-то очевидной или, по крайней мере, общепризнанной точки зрения. Мы уже имели возможность убедиться в ошибочности этимологических сопоставлений типа немецкое *habe* «имей» — латинское *habe* «имей», несмотря на кажущуюся «очевидность» приведенного сопоставления, которое, казалось бы, оправдано полной фонетической и семантической тождественностью этих слов.

Поскольку всякое сложное этимологическое исследование обязательно бывает связано с фонетическим, словообразовательным и семантическим анализом, не удивительно, что выводы, полученные в каждом из этих аспектов исследования, могут противоречить друг другу. Это один из наиболее распространенных источников появления различных, часто исключающих одна другую этимологий.

Если вы в двух этимологических словарях русского языка встретите два разных объяснения одного и того же слова, то не думайте, что один из авторов обязательно чего-то не знает или чего-то не понял (хотя не может быть исключена и такая возможность). Во многих случаях подобные расхождения объясняются неодинаковой оценкой одних и тех же фактов, известных обоим авторам. Ведь если самые эти факты противоречивы, то далеко не всегда можно с достаточной легкостью определить, какие из аргументов «за» и «против» следует признать более убедительными. Одни исследователи придают большее значение аргументам «за», другие — «против». В итоге появляются различные точки зрения на вопрос о происхождении того или иного слова, и эти точки зрения могут быть оформлены в качестве двух или нескольких спорных гипотез.

Чья *невеста* лучше? Возьмем пример с этимологией слова *невеста* (в древнерусском языке — *невѣста*). Конечное *-та* в этом слове — суффиксального происхождения. Легко вычленяется из слова и отделяется от древнего корня также начальное *не-*. В корне *-вѣс-* звук *с* появился в результате изменения первоначального *д* перед *т* (ср. *бре-д-у — бре-с-ти, кра-д-у — кра-с-ть, е-д-им — е-с-т* и т. п.). В этом ученые единодушны. Но какое значение имел восстановленный в результате фонетического и словообразовательного анализа корень *вѣд-*? По этому вопросу мнения этимологов резко разошлись. В чем же причина этих расхождений?

С фонетической точки зрения, наиболее убедительной представляется этимология, согласно которой слово *не-*

вѣста восходит к форме **не-вѣд-та* «неизвестная» (к глаголу *вѣдать* «знать»). В пользу этого объяснения можно привести и такое древнерусское слово, как *извѣст (ыи)*«известный».

Но против этимологии *невѣста* «неизвестная» говорят факты семантического порядка. Во-первых, как показывает анализ родственных языков, корень глагола *вѣдать* — в отличие от *знать* — в древности употреблялся лишь применительно к вещам, а не к людям. Во-вторых, ни в одном языке сторонники этой этимологии не смогли обнаружить названия невесты или молодой жены (ср. русск. *невестка*) с исходным значением «неизвестная».

В семантическом плане гораздо более убедительной выглядит другая этимология слова *невѣста*, возводящая его к форме **нево-вед-та* «новобрачная». Корень *вед-* в значении «жениться» известен в литовском языке: *vedu*[вяду́]«женюсь», *vesti* [вя́сти] «жениться». В древнерусском языке тот же самый корень выступает с огласовкой *о*: *водити жену* «жениться». В целом ряде языков производные этого корня имеют значение «невеста». А литовское диалектное слово *nauveda* [наувяда́] «новобрачная» как по своей структуре, так и по значению полностью соответствует древнерусскому слову *невѣста*.

Но и у этой этимологии имеются слабые стороны. В частности, при таком объяснении не совсем понятным является корень *вѣд-* в слове *невѣста*, где мы встречаем гласный *ѣ* («ять») — при наличии простого *е* у глагола *веду*, *вести*. Не совсем ясным представляется также изменение начального *нево-* (сравните греч. *ne(v)os* [не́вос] «новый, молодой») в *не-* (гаплология?).

Таким образом, фонетический анализ слова *невеста* говорит скорее в пользу первой из двух изложенных этимологий. В то же время анализ семантический не менее убедительно подтверждает правдоподобность второй этимологии. В зависимости от того, какие из этих аргументов пред-

ставляются более основательными, ученые и придерживаются одной из рассмотренных этимологий.

Происхождение слова *площадь*. Конечно, далеко не всегда вопрос о предпочтении при выборе одной из двух этимологий решается столь же трудно, как в случае со словом *невеста*. Нередко внимательный анализ всех основных аргументов «за» и «против» позволяет довольно решительно принять одно из имеющихся объяснений, отвергнув при этом все остальные.

Загляните, например, в словарь А. Г. Преображенского и в «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской. В первом из них (а также в словаре М. Фасмера) приведена наиболее распространенная этимология слова *площадь*, согласно которой это слово связано по своему происхождению с прилагательным *плоский*. В «Кратком этимологическом словаре русского языка» наиболее вероятной признается новая этимология слова *площадь*, предложенная итальянским языковедом В. Пизани.

Согласно этой этимологии, русское слово *площадь* было заимствовано через старославянский язык из греческого, где слово **plateiades* [платиа́дес] представляет собой форму именительного падежа множественного числа от существительного *plateia* [плати́а] «улица, площадь».

В чем заключается слабость этой этимологии? Прежде всего, ни в древнегреческом языке, ни в греческих церковных текстах (откуда анализируемое слово скорее всего могло бы проникнуть в старославянский язык) нет никаких следов предполагаемой формы **plateiades* (именно поэтому она приведена здесь под звездочкой)[1]. Кроме того, формы множественного числа на *-ades* для существительных на *-a* распространились в греческом языке уже после того, как в славянских языках закончился процесс изменения *-*tj*- → -*щ*-, -*ч*-(**svĕtja* → *свеща*, *свеча*). Поэтому передача греческого -*teia*- в слове **plateiades* посредством русского -*ща*- выглядит неправдоподобной.

Но самое главное возражение против новой этимологии состоит в том, что слово *площадь* без особого труда этимологизируется на славянской (русской) почве.

[1] То, что В. Пизани и авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» приводят эту греческую форму без звездочки (как реально существующую), — серьезная небрежность, ослабляющая и без того недостаточно убедительную аргументацию.

В древнерусском языке засвидетельствовано существительное *площь* «плоскость, ширина». Сочетание *-ск-* в слове *плоский* относится к *-щ-* в словах *площь* и *площадь* так же, как и в случаях: *воск — навощить*, *писк— пищать*, *искать — ищу* и т. д. Таким образом, с фонетической стороны, сопоставление слов *плоский* и *площадь* не вызывает никаких возражений.

В словообразовательном плане это сопоставление не является каким-то исключительным в русском языке. Сравните между собой в этом отношении, например, такие случаи из древнерусского и из диалектов современного русского языка: *плоский* → *площь*[1] → *площадь*; *черный* → *чернь* → *чернядь*; *синий* → *синь* → *синядь*; *гнилой* → *гниль* → *гниледь* и др.

Слова с суффиксами *-адь*, *-ядь*, *-едь*, часто встречающиеся в древнерусском языке и в диалектах, обычно имеют собирательное значение. *Площь* и *площадь* относятся к прилагательному *плоский* так же, как *ширь* и (диалектное) *ширедь* относятся к *широкий*. Иначе говоря, *площь* и *площадь* — это «плоскость» и «плоское широкое место».

Связь с прилагательным *плоский* отчетливо проявляется и при сравнении таких древнерусских слов, как *площадъка* «небольшая площадь, небольшой участок» и *площадъка* «плошка[2], плоский сосуд». Совершенно ясно, что последнее слово не может быть объяснено как заимствование из греческого (**plateiades* — от *plateia* «улица, площадь»). В то же время оба древнерусских слова вполне убедительно объясняются как производные (в конечном счете) от прилагательного *плоск(ий)*.

***Мочало* — к *мочить* или к *мыкать*?** Еще в XIX веке мнения ученых по поводу происхождения слова *мочало* разделились. Одни считали, что *мочало* связано по своему происхождению с основой прилагательного *мокрый* и глаголов *мокнуть*, *мочить*, ибо луб, из которого изготовляется мочало, вымачивают и лишь после этого разбирают на волокна. Другие высказывали сомнения в правильности этой этимологии, ссылаясь на то, что от глагола *мочить* естественным образованием было бы *мочило*, а не *мочало*. Кстати, в русском языке слово *мочило* действительно сущест-

[1] Ср. также украинское слово *площа* «площадь» — без вторичного суффикса *-дь*.

[2] Кстати, и этимология слова *плошка* также связана с прилагательным *плоский*.

вует и означает оно «место, где что-нибудь мочат» (например, лен или коноплю). Поэтому было высказано предположение о том, что *мочало* этимологически связано не с *мочить*, а с *мыкать* (лыко), то есть «раздирать, разделять на волокна». Исходная форма (с кратким ъ вместо долгого *ы*) **мъчало* изменилось позднее в *мочало*.

Обе эти этимологии продолжают существовать в качестве равноправных и в наши дни. М. Фасмер придерживается первой этимологии (связь с *мочить*), авторы «Краткого этимологического словаря русского языка», вслед за Ф. Миклошичем и А. Г. Преображенским,— второй (к *мыкать*). Попробуем разобраться во всех основных «за» и «против» каждой из этих двух этимологий слова *мочало*.

Прежде всего, изменение **мъчало* в *мочало* невозможно по фонетическим причинам: в безударной позиции «ер» (ъ) не переходил в *о*, а исчезал. Следовательно, мы должны были бы ожидать формы **мчало*, а не *мочало*. Защитники разбираемой гипотезы понимают фонетическую уязвимость своей позиции. Поэтому они высказывают предположение, что **мъчало* изменилось в *мочало* под влиянием глагола *мочить*. Подобное переосмысление слова, в принципе, возможно, но это уже — известное отступление, уступка этимологии *мочало — мочить*.

Разумеется, слово *мочало* не могло быть образовано от глагола *мочить* или от прилагательного *мокрый*. Это возражение против этимологии, изложенной в словаре М. Фасмера, основано на недоразумении. Немецкое словечко *zu* [цу] в соответствующей статье словаря М. Фасмера означает, что слово *мочало* «относится к», «принадлежит к» той же группе слов, что и *мочить*, *мокрый*, а вовсе не значит: «происходит от» этих слов (как, кстати, можно понять немецкое *zu* во многих местах русского перевода М. Фасмера).

В словах *мочало* и *мочить* (при любой этимологии первого слова) *ч* явилось результатом смягчения *к*. *Мочити* восходит к более древней форме **мокити*, а *мочало* — к **мокѣло*. Последнее слово было образовано от **мокѣти* так же, как, например, краткие прилагательные *горѣлъ*, *горѣла*, *горѣло* были образованы от *горѣти*. Следовательно, **мокѣло* представляет собой отглагольное прилагательное (причастие) среднего рода (**мокѣлъ*, **мокѣла*, **мокѣло*), которое в сочетании **мокѣло лыко* (ср. *горѣло место*) означало: «вымоченное лыко».

Восстановленный нами глагол **мокѣти* в его отношении

к **мокити* отражает известную словообразовательно-семантическую модель:

бѣлити „делать белым" — *бѣлѣти* „становиться белым",
тупити „делать тупым" — *тупѣти* „становиться тупым",
старити „делать старым" — *старѣти* „становиться старым",
**мокити* „делать мокрым" — **мокѣти* „становиться мокрым".

После смягчения *к* (→ *ч*) и закономерного перехода (после *ч*) *ѣ* в *а* мы должны получить модель несколько видоизмененную:

мочити «делать мокрым» — **мочати* (→ *мочало*) «становиться мокрым»,
мельчить «делать мелким» — *мельчать* «становиться мелким»,
легчить «делать легким» — *легчать* «становиться легким» (диалектн.).

Наличие *а* после *ч* в слове *мочало* (в отличие от глагола *мочить*) не исключает связи с корнем *мок-* «мокрый». Такие слова, как польск. *moczar* [мо́чар], украинск. *мо́чар*, чешск. *močal* [мо́ча:л] «трясина, топь», также не могли быть образованы от глаголов типа *мочити*. Тем не менее, связь с корнем *мок-* здесь бесспорна.

Наконец, ссылки на *мочило*, *точило* и другие подобные слова (к *мочити*, *точити* и т. п.) не могут быть убедительными по той простой причине, что здесь перед нами другой суффикс: **-dl(o)*, а не **-l(o)*. Разница в словообразовательной модели станет совершенно ясной, если мы сопоставим польские слова *toczydło* [точи́:дло] и *gorzeły* [горше́лы]. Этот пример говорит о том, что русские слова *точило* и *горелый* совпали в своей суффиксальной части только после выпадения *д* перед *л* в первом слове.

Но все сомнения, по-видимому, должны устранить данные белорусского и украинского языков: белорусск. *мача́нне*, украинск. *моча́ння* означает «макание», а белорусск. *мача́льны*, украинск. *моча́льний* — «макальный»[1]. Поскольку слово *мочало* засвидетельствовано только в восточнославянских языках, материал белорусского и украинского языков приобретает в данном случае первостепенное значение.

Таким образом, детальное рассмотрение всех «за» и «против» каждой из двух приведенных этимологий слова *мочало* заставляет нас отдать явное предпочтение той этимологии, которая связывает происхождение этого слова с глаголами *мочить*, *мокнуть* и с прилагательным *мокрый*.

---

[1] Глагол *макать* также этимологически связан с *мочить* и *мокрый*. Ср.: *мочить — макать* и *(в)скочить — скакать*.

* * *

Этимологии слов *невеста*, *площадь* и *мочало* — как более убедительные, так и менее правдоподобные — могут быть предметом научного спора, хотя во всех этих случаях правильной этимологией в конце концов окажется лишь та, которая верно отражает реальный путь истории слова. Пока же не найдены достаточно веские аргументы в пользу одной из противоречащих друг другу точек зрения, по вопросу о спорных этимологиях могут и должны существовать различные гипотезы.

Но от научных гипотез, опирающихся на серьезные аргументы фонетического, словообразовательного или семантического характера, следует отличать весьма распространенные этимологические ошибки, возникновение которых, как правило, объясняется незнанием основных принципов этимологического анализа слова.

Глава двадцать четвертая

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Этимология слов часто увлекает людей, имеющих довольно смутное представление о языкознании. И чем менее подготовлен тот или иной дилетант в лингвистическом отношении, тем категоричнее обычно он высказывает свои суждения о самых сложных этимологических проблемах.

Если вы, например, с трудом отличаете ерша от щуки, то, нужно думать, вы никогда не рискнете выдвинуть какую-нибудь новую гипотезу, касающуюся проблем ихтиологии. Не обладая соответствующими знаниями, никто не решится высказывать своих суждений по сложнейшим вопросам ядерной физики, математики, химии. О происхождении слов свои мнения высказывают, по сути дела, все желающие.

О народной этимологии. Обычно люди начинают свои этимологические «штудии» уже в раннем детстве. Такие ребячьи образования, как *гудильник (будильник)*, *строганок (рубанок)*, *копатка (лопатка)*, *колоток (молоток)*, *мазелин (вазелин)* и другие, вызванные естественным стремлением как-то осмыслить каждое непонятное слово, типичны не только для детского возраста. Возьмите такие примеры

переиначивания слов в народных говорах, как *спинжак* (*пиджак*), *полуклиника* (*поликлиника*), *полусадик* (*палисадник*) и т. п. Во всех этих случаях непонятные слова иностранного происхождения «исправлялись» и «подгонялись» под какие-то известные русские слова и корни: слово *пиджак* → *спинжак* было связано со *спиной*, *поликлиника* → *полуклиника* — это «наполовину клиника», а *палисадник* → *полусадик* — «наполовину садик».

Древние римляне такие этимологические сопоставления называли «бычьей» или «коровьей» этимологией. Поскольку «этимологии» подобного рода часто возникали в народной среде, эти ложные истолкования позднее получили название «народная этимология» (в противоположность этимологии научной). Самый термин *народная этимология* не совсем удачен. Во-первых, в нем сквозит несколько пренебрежительное отношение к народу, который в течение многих веков был оторван от развития науки. Во-вторых (и это самое главное), значительная часть «народных этимологий» возникла совсем не в народной среде.

Так, например, еще в XVIII веке академик и филолог В. К. Тредиаковский писал, что название древних жителей Пиренейского полуострова *иберы* — это искаженное слово *уперы*, так как они по своему географическому положению со всех сторон *уперты* морями. *Британия*, согласно Тредиаковскому, это искаженное *Братания* (от слова *брат*), *скифы* — это *скиты* (от *скитаться*), *турки* — от *юрки* (ср. *юркий* «быстрый, проворный») и т. п. Следовательно, здесь мы сталкиваемся с «народной этимологией» на самом высоком (академическом!) уровне. И народ здесь совсем ни при чем. Просто во времена Тредиаковского этимология еще не сформировалась как наука, и это предоставляло широкий простор для всякого рода безудержных фантазий.

Таким образом, народная этимология — это совсем не обязательно «этимология, возникшая в народе», а такая этимология, которая опирается не на научные принципы анализа, а на случайные сопоставления, вызванные простым созвучием слов. Иногда такое сопоставление может «попасть в точку». Сравните, например, слова Луки в пьесе А. М. Горького «На дне»: «Мяли много, оттого и мягок». Слова *мягок* и *мяли*, действительно, общего происхождения, но правильное, по сути дела, сопоставление еще не превращает его в научную этимологию.

Вместо термина *народная этимология* некоторые ученые предпочитают употреблять выражения *ложная этимология*

или *наивная этимология*. Но эти термины еще менее удачны. Во-первых, и научная этимология может быть ложной. Например, по крайней мере, одна из двух рассмотренных нами этимологий слова *невеста* определенно является ложной. Но обе они, несомненно, относятся к числу научных этимологий и ничего наивного в себе не содержат. Во-вторых, наивная этимология не обязательно должна быть ложной (возьмите пример со словами *мягок* и *мяли*). Кроме того, наивность — это качество, которым может отличаться иной раз также и научная этимология. Разумеется, «народная этимология» обычно бывает ложной, но не всякая ложная этимология является в то же время «народной». Вот почему один из этих терминов не может быть заменен другим.

Деэтимологизация и народная этимология. Сущность народной этимологии может быть понята лишь в том случае, если мы вспомним, о чем шла речь в предыдущих главах.

Слова в своем развитии постепенно утрачивают древние этимологические связи, или, иначе говоря, деэтимологизируются. Тем самым они становятся непонятными в этимологическом отношении. Научная этимология устанавливает истинное происхождение анализируемого слова, опираясь на те методы сравнительно-исторического исследования, с которыми мы теперь уже знакомы. Обычно ученые восстанавливают самые древние из доступных им этапов в истории слова, привлекая одновременно материал родственных языков.

В отличие от этого народная этимология не реконструирует утраченные этимологические связи, а пытается объяснить происхождение слова исходя из современного для автора этимологии состояния языка. Никакой научной аргументации подобные «этимологии», как правило, не содержат. Опираются они лишь на случайное совпадение или даже на весьма отдаленное сходство в звучании слов.

Расхождение между научной и народной этимологией отчетливо выступает в случае с происхождением русского слова *выдра*[1]. Ученые восстановили его древнейшую форму **ūdrā* [ý:дра:], нашли большое количество соответствий в родственных языках и объяснили исходное значение слова *выдра*, связанное со значением «водяной, водный».

---

[1] С рассказа об этом слове началось, как вы помните наше знакомство с наукой этимологией.

Народноэтимологическое истолкование происхождения слова *выдра* (от *выдрать*) в корне противоречит фактам истории языка, оно никак не связано с представлениями о родстве языков и о родственных соответствиях. Это объяснение опирается только на созвучие слов *выдра* и *выдрать*, подкрепленное хотя и остроумным, но совершенно фантастическим доводом семантического характера. К тому же, сравнительно-исторический анализ слова *выдра* показывает, что его возникновение относится к эпохе, когда приставочные образования типа *вы-драть* вообще еще не были продуктивными в индоевропейских языках.

Этимология и археология. Во многих местах, а особенно в степной полосе нашей родины, возвышаются внушительные по своим размерам древние курганы. Стоит такой курган возле деревни, а кто и когда его насыпал, никому не известно. И вот вокруг такого кургана возникает легенда.

Рассказывают, что в давние-давние времена — лет сто, а может быть, и двести тому назад — умерла у барыни ее любимая собачка. С утра до ночи лила барыня горькие слезы.

А в деревне той стояли тогда на постое солдаты. Жалко им стало барыню, выкопали они возле деревни могилу, похоронили собачку по христианскому обычаю, а на место, где была могила, стали носить прямо в шапках землю. Долго носили — до тех пор, пока не вырос на том месте огромный курган...

У этой легенды есть свое продолжение, правда, взятое уже из реальной жизни. Приехали однажды к кургану ученые-археологи и стали вести археологические раскопки. И обнаружили они под курганом совсем не собачку, а богатое погребение скифского вождя, похороненного здесь не сто и даже не двести, а две с половиной тысячи лет тому назад...

Такую же картину мы наблюдаем и в истории многих слов. Народная этимология — это та же легенда, пытающаяся объяснить непонятные факты далекого прошлого близкими и понятными явлениями современного нам языка. А ученые-этимологи в результате своего рода «археологических раскопок» устанавливают, что истоки непонятного нам слова уходят далеко в глубь веков, и во многих случаях на месте этимологической «собачки» обнаруживают следы такой глубокой старины, от которой не сохранилось даже легенд и сказаний.

Народная и детская этимология. «Хватит тебе секреты говорить! Секретарша какая!»; «Мы ходим на прогулку,— мы прогульщики!»

Эти и другие приведенные ниже примеры, взятые из книги К. И. Чуковского «От двух до пяти», показательны во многих отношениях. Прежде всего, в детских сопоставлениях наиболее ярко вырисовываются основные особенности народной этимологии, хотя, разумеется, нельзя детскую этимологию полностью отождествлять с этимологией народной. Во-вторых, ошибочность детских этимологий не вызывает никаких сомнений и раскрытие ошибки, как правило, не требует подробных и сложных объяснений. Наконец, здесь легче, чем в других случаях, выделить различные типы народной этимологии.

В примерах со словами *секретарша* и *прогульщик* этимологическая связь с *секрет* и *прогулка* была установлена в общем правильно. Только в первом случае эта связь не является непосредственной и определена она может быть лишь на материале в конечном итоге латинского языка, из которого эти слова были заимствованы через посредство западных языков. Сравните, например, франц. *secret* [секрé] «тайна, секрет» и «тайный, потайной», *secrétaire* [секретéр] «письменный стол, бюро (с потайными отделениями)» и «писец, секретарь». Таким образом, ошибка в данном случае заключалась в том, что слова *секрет* и *секретарь (секретарша)*, действительно связанные между собой длинной цепью промежуточных этимологических звеньев, были поставлены в прямую этимологическую связь, которая у этих слов отсутствует.

Иная картина наблюдается в случае со словами *прогулка* и *прогульщик*. Здесь главная ошибка — семантического характера. Связь между словами *прогулка*, *прогульщик*, *прогул* и *прогуливаться* ни у кого не вызывает сомнений. Но слова *прогульщик* и *прогул* имеют особую смысловую окраску: они относятся не к тем, кто гуляет или прогуливается, а только к людям, которые по неуважительным причинам не являются на работу или на учебу.

Если прогульщик в рабочее время спит, сидит в кино или читает детективный роман, он не перестает быть от этого прогульщиком (слово это, как мы видим, подверглось частичной деэтимологизации).

Иного порядка этимологические ошибки наблюдаются в случаях *лодырь* — «человек, делающий лодки» или *спец* — «человек, который любит поспать»[1]. Во всех этих случаях слова, между которыми предполагается этимологическая связь, на самом деле в плане своего происхождения не имеют между собой ничего общего. Как ни убедительно выглядит словообразовательный ряд:

писать —писец,
играть —игрец[2],
читать—чтец,
лгать —лжец,
спать —спец,—

последний случай к этому ряду явно не относится. Слово *спец* представляет собой сокращение от *специалист*. А последнее слово в конечном итоге восходит к латинскому *specialis* [в средневековом произношении: специáлис] «специальный, особый» в свою очередь связанному с латинскими же словами *species* [спéкиэ:с] «вид, разновидность» и *specio* [спéкио:] «вижу, смотрю». Таким образом, слова *спать* и *спец* в этимологическом отношении никак между собой не связаны.

Народная этимология и искажение слов. Во всех только что рассмотренных примерах из детской этимологии то или иное объяснение происхождения слова не приводило, однако, к его искажению. Но не во всех случаях слово поддается народноэтимологическому истолкованию в том виде, в котором оно существует в языке. А поскольку объяснить непонятное слово все-таки хочется, в него нередко вносят искажения типа *копатка* или *мазелин*, которые свойственны далеко не одному только детскому языку.

Примеры со словами *спинжак*, *полуклиника*, *полусадик* относятся к тому же самому типу. Но эти и подобные им неграмотные диалектные и просторечные формы не исчерпывают всех примеров такого рода. Более того, народноэтимологические изменения слов можно наблюдать даже в ли-

---

[1] Эти примеры также взяты из книги К. И. Чуковского.

[2] Сравните: *И швец, и жнец, и на дуде и г р е ц* (о мастере на все руки).

тературном языке, причем такие случаи совсем не являются редкими.

Древнерусское слово *свѣдѣтель* было образовано от глагола *вѣдѣти* «знать» и означало оно человека, который что-то з н а е т. В настоящее время мы говорим не «сведетель», а *свидетель* и связываем это слово не с глаголом *ведать*, а с *видеть*, воспринимая его в значении «очевидец» (тот, кто что-то в и д е л). Старую связь с глаголом *ведать* сохранили до сих пор, например, белорусск. *свéдка* и сербскохорватск. *свéдок* «свидетель».

В русских дипломатических документах конца XVII — начала XVIII века можно встретить слово *уедиенция*, явившееся результатом народноэтимологического переистолкования латинского по своему происхождению слова *аудиенция* (под влиянием *уединиться*, *уединение*). В белорусском языке было отмечено слово *сѣкуцыя*, этимологически гораздо более выразительное, чем латинизм *экзекуция*.

Латинский глагол *vagari* [вагá:ри:] «бродить» имел суффиксальное производное *vagabundus* [вага:бýндус] «бродячий», которое в итальянском языке дало *vagabondo* [вагабóндо], а в испанском — *vagabundo* [вагабýндо] «бродяга». Редкий суффикс *-bundo* в испанском языке был «исправлен» на *-mundo*, а слово *vagamundo* стало восприниматься как сложное, образованное от *vagar* [вáгар] «бродить» и *mundo* [мýндо] «мир, свет». Так в результате народноэтимологического изменения испанское слово *vagamundo* приобрело значение «бродящий по свету».

При рассмотрении этимологий различных слов ученым постоянно приходится иметь в виду возможности подобного рода народноэтимологических переосмыслений, которые зачастую сильно затрудняют исследование, ибо подменяют реальные древние этимологические связи связями вторичными, надуманными.

Но народная этимология оказывает свое воздействие не только на представления людей о происхождении слова. Ошибочное этимологизирование тесно связано также и с практикой, в частности с практикой правописания. Хорошо известны типичные школьные ошибки, вызванные тем, что сомнительное в орфографическом отношении слово сопоставляется с другим, этимологически с ним не связанным. Но особенно трудными обычно оказываются иностранные слова, вообще лишенные этимологической поддержки в рамках родного языка. Именно поэтому при написании таких слов нередко опираются на другие «похожие» слова иноязычного

происхождения. Так возникают ошибки, которые в известной мере сродни народноэтимологическим искажениям слов: «инциндент» и «прецендент» вместо правильного: *инцидент*, *прецедент* (под влиянием слов типа *претендент*); «компроментировать», «константировать» вместо *компрометировать*, *констатировать* (влияние слов типа *регламентировать*, *Константин*).

«Я сама Ра!» Нигде, пожалуй, народная этимология не получила такого широкого распространения, как в истолковании собственных имен. Начинает, например, студент университета изучать латинский язык. На одном из первых занятий он узнаёт, что слово *ira* [и́:ра] означает по-латыни «гнев». И сразу же пытается связать это слово с русским именем *Ира*, *Ирина*, «объясняя» последнее значением латинского слова. На самом же деле, имя *Ирина* было заимствовано из греческого языка, где слово *eirēnē* [эйре́:не:] означает «мир» (в новогреческом произношении: [ири́ни]). Это слово еще древними греками употреблялось в качестве имени собственного (*Eirēnē* — Ирина — имя богини мира).

На каждом шагу подобные «этимологии» встречаются при объяснении географических названий. Многие топонимы отличаются исключительной древностью. Одни из них уже давно утратили этимологические связи в языке, другие этих связей никогда и не имели, так как они были заимствованы из других языков. Но стремление как-то объяснить эти непонятные названия часто приводило к появлению самых нелепых «этимологий» и даже целых легенд, нередко «подкрепляемых» ссылками на действительные исторические события.

Откуда произошло название города *Коломна*? Рассказывают, что отец Сергий когда-то благословлял князя Дмитрия Донского недалеко от этого города. После благословения отец Сергий направился в город, но жители почему-то прогнали его да еще пригрозили кольями. «Я к ним с добром, а они колом мя (меня)»,— жаловался потом Сергий. От этого *колом мя* и было дано городу имя *Коломна*.

Другой столь же фантастический пример подобного типа — «этимология» названия реки и города Самары (современный город Куйбышев).

Согласно легенде, бежала с востока на запад малая речка, а с севера ей наперерез мчала свои волны могучая река Ра (древнее название реки Волги).

«Посторонись! — кричит большая река малой речке,— уступи мне дорогу: ведь я — Ра!»

«А я *сама — Ра*»,— невозмутимо отвечает речка и продолжает свой бег на запад.

Столкнулись друг с другом два потока — и уступила величественная река Ра своей малой сопернице: вынуждена была и она повернуть свое течение к западу. От слов *сама Ра* и получила название река *Самара*, а в месте столкновения образовала Волга — Ра Самарскую луку (изгиб).

Аналогичным образом народная этимология пыталась объяснить, например, названия рек *Яхрома* и *Ворскла*. Первое название было получено якобы от восклицания жены князя Юрия Долгорукого, которая при переправе через эту реку подвернула себе ногу и воскликнула: «Я хрома!» Второе название легенда связывает с именем Петра I. Глядя в подзорную трубу, царь уронил в воду линзу. Попытки найти «стекло» (*скло*) не увенчались успехом. С тех пор река и стала называться *Вор скла* («вор стекла»).

Разумеется, все эти легенды не имеют ничего общего с действительным происхождением соответствующих топонимов. Но они важны в другом отношении. Рассмотренные примеры показывают, как тесно народная этимология связана с устным народным творчеством — фольклором. Многие сказания и легенды возникли подобным же образом — в результате попытки этимологического осмысления непонятных слов и названий.

С такого рода явлениями мы уже встречались на примере происхождения имени древнегреческой «пенорожденной» богини Афродиты и Афины Тритогении. Аналогичные примеры можно встретить в устном народном творчестве любой страны. Изыскания этимологов, направленные в сторону изучения особенностей народной этимологии, позволяют по-новому осветить сложнейшие проблемы, связанные с древними истоками устного народного творчества.

***Гнев* и *огонь*.** Во всех рассмотренных до сих пор примерах разница между народной и научной этимологией всегда выступала с достаточной ясностью. К сожалению, однако, есть немало таких случаев, когда совсем не удается провести более или менее четкую грань между этими двумя столь различными, казалось бы, типами этимологических объяснений.

Некоторые из этимологий, предложенных еще римским грамматиком Варроном, долгое время относились к категории народных. Более тщательные исследования показали, однако, что эти объяснения Варрона подтверждаются научным анализом.

В рассуждениях одного из героев М. Горького — Матвея Кожемякина — встречается мысль о том, что слово *гнев* связано по своему происхождению со словом *огонь*. В качестве примера, подтверждающего эту этимологию, Матвей Кожемякин ссылается на глагол *огневаться*, в котором он приставку *о-* рассматривает как часть корня в слове *огнь (огонь)*. Народноэтимологический характер данного объяснения совершенно бесспорен.

Но вот сравнительно недавно известный советский этимолог В. В. Мартынов выдвинул эту же идею уже в качестве научной гипотезы. Одним из основных аргументов автора также является слово *огневаться* — только в его более древней форме. В. В. Мартынов привел интересные доводы в пользу своей точки зрения, и, несмотря на ее спорность, с этой этимологией в настоящее время нужно считаться уже как с научной гипотезой.

Пример со словом *гнев* показывает, сколь условными могут быть границы между народной и научной этимологией. В одних случаях этимология, долгое время считавшаяся народной, может получить в конце концов всеобщее научное признание. И, наоборот, этимология, фигурирующая в качестве научной, может оказаться на одном уровне с народной этимологией.

* * *

Таким образом, народная этимология — это не просто набор нелепых и наивных объяснений происхождения различных слов, а сложное явление, которое нередко ставит в затруднительное положение исследователя, занимающегося историей слова. Действие народной этимологии оставило многочисленные следы в языке. Причем эти следы в ряде случаев оказались столь незаметно «замаскированными», что ученые не всегда в состоянии отличить народную этимологию от истинной. Все это создает известные трудности в работе этимологов, заставляет исследователей языка привлекать все новый и новый материал, позволяющий им проникать в самые сокровенные тайны древнего словотворчества.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ «МИФЫ»

Речь в заключительной главе нашей книги пойдет не о тех легендах и мифах (без кавычек!), которые возникают на основе народноэтимологических истолкований происхождения слова (сравните мифы и легенды об Афродите, Афине, реке Самаре и т. п.). Не будут нас здесь интересовать и «мифические» (уже в кавычках), то есть вымышленные этимологии типа *выдра* от *выдрать* или *уедиенция* от *уединиться*. Авторы этих «этимологий» не публиковали своих объяснений в этимологических словарях, ограничиваясь тем, что сами «дошли» до якобы истинного значения слова. И если, например, на гербах городов Берлина и Берна изображен медведь (по-немецки *Bär* [бер]), то и здесь народная этимология, проникшая в область геральдики, также остается ограниченной этой узкой областью.

Иное дело, когда писатели, языковеды и даже авторы этимологических словарей предлагают объяснения, украшая их разного рода «мифами», которые должны у читателя создать впечатление правдоподобности излагаемой этимологии. Ниже приводится несколько примеров с подобного рода этимологическими «мифами».

Как спят слоны? Как ни странно, вопрос этот имеет самое непосредственное отношение к этимологии слова *слон*. В памятниках древнерусской письменности (XV век) можно найти басню, согласно которой слон якобы не может сгибать своих колен, а поэтому *егда хощетъ спати, дубѣ ся въслонивъ спитъ* («когда хочет спать, спит, прислонившись к дубу»).

Именно исходя из этого народноэтимологического сопоставления (*слон* от *при-слонити*) ряд серьезных этимологов (например, А. Г. Преображенский) объясняют происхождение русского слова *слон*. Вокруг этимологии этого слова возник обычный «миф», ко-

торый и должен подтвердить правильность предлагаемого объяснения. На самом деле, не слово *слон* было образовано от глагола *прислонити*, на основании поверья о том, что слоны будто бы спят, не сгибая ног, а, наоборот, само это поверье возникло как результат народноэтимологического сопоставления слов *слон* и *(при)слонить*.

Наше слово *слон*, как мы уже знаем, по-видимому, явилось результатом переосмысления в процессе заимствования из тюркского *aslan* [асла́н] «лев». Подобные переосмысления названий животных, известных лишь понаслышке, встречаются в языке не так уж редко (выше мы сталкивались с примером, где «слон» превратился в «верблюда»).

Носили ли плуг через брод? В латинском языке существовали две группы слов, сходных по своему звучанию: 1) *porta* [по́рта] «ворота», *portus* [по́ртус] «гавань» (как бы «морские ворота города») и 2) *portare* [порта́:ре] «носить». Латинское слово *portus* через французское посредство проникло к нам в виде существительного *порт*, а корень глагола *portare* «носить, переносить, перевозить» мы находим в русских словах *импорт* «ввоз», экспорт «вывоз», *транспорт* (буквально: «перевоз») и т. д.

Еще в XIX веке ученые пытались как-то этимологически связать между собой сходные слова *porta* «ворота» и *portare* «носить». И ими было найдено остроумное решение этого вопроса, опирающееся, казалось бы, на исторические факты. Автору «Этимологического словаря русского языка» Г.П. Цыганенко (Киев, 1970) это решение показалось столь убедительным, что она включила его в свой словарь:

«Латинские слова *porta* «ворота» и *portus* «гавань» образованы от глагола *portare* «носить, переносить». Этимологически связь между понятиями «носить» (*portare*) и «ворота, гавань» (*porta*, *portus*) объясняется исторически следующим образом: у древних римлян был обычай при основании города вначале опахивать его, то есть плугом бороздить черту, по которой должна была проходить городская стена. В тех местах, где следовало ставить ворота, плуг проносили на руках. Отсюда *porta* буквально «место, где носят (плуг)», затем — «место для входа — выхода и т. п.» (стр. 360—361).

Самое интересное здесь то, что такой обычай у древних римлян действительно существовал. И все же приведенное объяснение — всего лишь вымысел на уровне народной этимологии. Из чего это видно? Прежде всего, у латинских

слов *porta* и *portus* (с исходным значением «проход, вход») имеются надежные индоевропейские соответствия: немецк. *Furt* [фурт], английск. *ford* [фо:д] «брод»[1], буквально «проход (через реку)». В исландском языке соответствующее слово, как и латинское *portus*, означает «гавань» (оно проникло в русский язык в форме *фиорд*). Как же во всех этих случаях быть с ношением плуга (через брод!)? Ясно, что перед нами — слово более древнее, чем приведенный римский обычай.

Наконец, общее значение «проход» мы находим у древнегреческого слова *poros* [пóрос] «переправа», «пролив», «путь»[2], которое не могло быть образовано ни от *portare*, ни от подобного ему греческого глагола, ибо у него нет суффикса *-t-* и оно отражает более древнюю словообразовательную модель, чем латинский глагол. Кстати, следует также отметить, что греческое *poros* в значении «проход, отверстие (в коже)» через западноевропейские языки попало и в русский язык: *пóра*, *пóры* «отверстия потовых желез на поверхности кожи». Здесь, видимо, также ссылка на плуг едва ли была бы уместной.

Пример этот показывает, что самый красивый этимологический «миф», опирающийся, казалось бы, на твердо установленные исторические факты, рассыпается как карточный домик при серьезной проверке с помощью лингвистического сравнительно-исторического метода.

О бабе-яге и о ерунде. Можно было бы написать объемистую книгу с самыми различными этимологиями, которые были предложены писателями разных стран и эпох, начиная от Гомера и кончая нашими днями. Но поскольку Гомер ничего не писал об этимологии русских слов, ограничимся примерами из несколько более позднего времени.

В. Берестов в своих воспоминаниях рассказывает, что С. Я. Маршак живо интересовался вопросами этимологии. Вот одна из его этимологий-экспромтов:

«*Баба-яга* — это, быть может, татарское «бабай-ага», (старый дядя). Так на Руси во времена Батыя пугали детей: «Спи, а то бабай-ага возьмет»[3].

---

[1] Сравните название городов *Франкфурт* («брод, переправа франков») и *Оксфорд* («бычий брод» — от английск. *ox* [окс] «бык»).

[2] Полной аналогией английскому *Оксфорду*, по-видимому, может служить греческий *Босфор* (от греч. *Bosporos* [бóспорос] «бычий брод»).

[3] В. Берестов. Встречи с Маршаком. «Юность», 1966, № 6, стр. 83.

Следует подчеркнуть, что С. Я. Маршак предлагал свою этимологию в осторожной форме («быть может»), сообщал ее в дружеской беседе (а не в печати), не навязывая своего предположения собеседникам. К сожалению, как ни остроумно объяснение С. Я. Маршака, перед нами — обычный этимологический «миф». Слово *яга* и его этимологические «родственники» широко представлены в западнославянских языках. Следовательно, появилось наше слово задолго до Батыя.

В других случаях писатели более категоричны в своих суждениях. Так, например, А. М. Арго в интересной статье «Немного текстологии» («Наука и жизнь», 1968, № 6, стр. 120—122) слишком уверенно пишет о происхождении слова *ерунда*:

«Слово *ерунда* по линии наименьшего сопротивления иные производят от латинских грамматических форм: *герундий* и *герундив*.

Корень на самом деле другой.

Когда при Петре Первом в Россию прибыли первые судостроители, то объяснялись они преимущественно по-немецки.

Сопровождая свои слова усиленной жестикуляцией, они показывали устройство мачт, их установку и назначение и при этом приговаривали «hier und da», что по-немецки значит «туда-сюда»; в русском произношении это превратилось в «ерунду», которая означает нечто малопонятное и ненужное».

В этом отрывке, прежде всего, обращает на себя внимание полное отсутствие аргументов, опровергающих первую этимологию. Она просто объявляется неверной. Между тем книжные слова семинарского происхождения *герунда*, *ерунда*, *ерундистика* с большой долей вероятности возводятся этимологами к указанным выше латинским словам. Дело

в том, что тема «замена герундия герундивом» является одной из самых сложных и запутанных тем латинской грамматики. В глазах семинариста это была поистине *герунда*.

В позитивной своей части автор новой этимологии [1] также не приводит ни одного аргумента, кроме типичного этимологического «мифа» — ссылки на немецких судостроителей, которые действительно в Петровскую эпоху работали в России. Здесь также ссылка на исторический факт, как и в случае с плугом, которым древние римляне опахивали территорию будущего города, должна создать впечатление правдоподобности изложенной этимологии [2].

Еще несколько этимологических «мифов». С. С. Наровчатов, написавший в том же журнале «Наука и жизнь» (1969, № 10) превосходную статью «Язык», также не всегда достаточно осторожен, когда затрагивает этимологические вопросы. Например, он уверенно заявляет, что слово *медведь* этимологически означает «ведающий медом» (на самом деле: «медоед») или что *весна* «легко объясняется однокорневым словом» *ясная* (в действительности эти слова имеют разное происхождение). А вот перед нами уже знакомый тип этимологического «мифа»: «Дочь» — это «доящая»: на младших членов женской половины семьи возлагалась в старину обязанность доить скот» (стр. 104).

Здесь ошибка заключается не в самом сопоставлении слов *дочь* и *доить*, а в объяснении этой связи и в неудачной ссылке на обычаи «старины». На самом деле, слово *дочь* этимологически значит не «доящая, доильница», а «сосущая» или «вскормленная грудью». Эта очень широко распространенная семантическая модель называния детей может быть наглядно — на примере того же глагола *доить* — проиллюстрирована с помощью материала словацкого языка: *dojčit'* [до́йчить] «кормить грудью» — *dojča* [до́йча] «грудной ребенок» (сравните также: *dojka* [до́йка] «кормилица»).

За пределами русского языка славянские и индоевропейские «родственники» глагола *доить* обычно имеют значения «кормить грудью» и «сосать» (грудь) [3]. Слово *дочь*, родительный падеж *дочери*, имеет надежные соответствия в целом

[1] Впрочем, новизна ее весьма относительна: в устной традиции она известна, по крайней мере, несколько десятилетий.

[2] Столь же сомнительными в этой статье являются объяснения слов *атаман* и *сноб*, причем последняя этимология опять опирается на обычный этимологический «миф».

[3] Эти два значения имеет, например, сербскохорватский глагол *до̀јити*.

ряде индоевропейских языков: литовск. *duktė* [дукте̇:], родительный падеж *dukters* [дуктя́рс], др.-индийск. *duhitā* [духита́:], др.-греч. *thygatēr* [тхюга́те:р], готск. *daúhtar* [до́хтар] и др. Следовательно, выражение «в старину», употребленное С. С. Наровчатовым, нужно понимать не в смысле 200—300 или даже 1000, а, по крайней мере, 5—6 тысяч лет тому назад. И переносить в эту древнюю эпоху современное нам значение русского слова *доить* для объяснения индоевропейского по своему происхождению слова едва ли целесообразно.

В той же самой статье мы находим и другой пример смешения разных хронологических эпох. Обратив внимание на то, что в латинском слове *ursus* [у́рсус] «медведь», а также во французском *ours* [урс], итальянском *orso* [о́рсо], персидском *arsa* [а́рса] и др. встречается сочетание *rs*, С. С. Наровчатов высказывает предположение (которое, правда, он сам признаёт «слишком смелым») о том, что в древнеславянском языке «имя этого зверя звучало как-нибудь вроде „рос"». А отсюда уже — *Рось* «медвежья река» и «медвежье племя» — *рось*. И далее автор статьи продолжает:

«А вдруг моя догадка не так уж произвольна, и окажется, что «медведями» русских (?! — Ю. О.) называли когда-то не только добродушно-иронически, а и по начальному значению этого слова. Это «когда-то» относится, правда, ко временам Аскольда и Дира, а может быть, и Божа, но догадка от такого обстоятельства не становится менее занимательной» (стр. 109)[1].

Здесь прежде всего бросается в глаза наличие все тех же хронологических «ножниц»: привлечение материала индоевропейских языков, отражающего доисторическую эпоху пяти- или шеститысячелетней давности — с одной стороны, ссылка на сравнительно позднюю историческую эпоху (Аскольд и Дир — киевские князья IX века н. э.), которая, кстати, автору представляется очень древней,— с другой.

Нужно заметить, что уже в праславянскую эпоху у славян существовало табуистическое название медведя — «медо́ед». Никаких следов древнего индоевропейского имени этого зверя ни в одном славянском языке не сохранилось. Поскольку его следов нет и в наиболее близких к славянским

---

[1] Все приведенные здесь примеры (*медведь, весна, дочь, рось*) С. С. Наровчатов повторяет в своей книге «Необычное литературоведение» (М., 1970, стр. 71—84).

балтийских языках, нужно думать, что это древнее название медведя было утрачено нашими предками еще до выделения славянских языков в самостоятельную группу. Таким образом, предположение о том, что во времена Аскольда и Дира «русских» называли «медведями», повисает в воздухе.

Наконец, необходимо отметить фонетическую несостоятельность изложенного этимологического «мифа». Приведенные французское и итальянское названия медведя совершенно излишни, ибо они исторически восходят к латинскому *ursus*. Звук *s* в персидском *arsa* — результат позднейшего изменения из *š* [ш]. Греческое слово *arktos* [áрктос] «медведь, медведица» (кстати, отсюда берет начало наше слово *Арктика*) и другие индоевропейские соответствия говорят о том, что никакого исконного сочетания *-rs-* у индоевропейского названия медведя не было. И уж совсем произвольной является вставка *о*, по существу, в латинское или персидское сочетание *-rs-* (*ursus*, *arsa*) для того, чтобы образовать «древнеславянское слово» *рос*.

Что такое *расшива*? А теперь остановимся вкратце на примере с этимологией слова *расшива* — слова, которое мы можем встретить у Н. А. Некрасова, М. Горького и у других русских писателей. Возьмите хотя бы строку:

> *Расшива* движется рекой.
>
> Н. А. Некрасов. «На Волге».

Расшивы — это большие парусные суда на Волге, вытесненные позднее пароходами. Этимологически слово *расшива* связано с глаголом *шить*, *расшить*, *расшивать*.

Против этой этимологической связи высказался известный славист академик Н. С. Державин. По мнению Н.С. Державина, связь слова *расшива* с *шить* представляет собой результат народноэтимологического переосмысления, а на самом деле *расшива* — это заимствование из немецкого *Reiseschiff* [рáйзешиф] «судно для путешествий»[1].

Однако перед нами, по-видимому, не более чем этимологический «миф» о заимствовании. Во-первых, *расшива* — это типичное грузовое судно, а не «судно для путешествий». Во-вторых, исконность этого слова подтверждается надежными этимологическими связями в самом русском языке.

---

[1] Н. С. Державин. Народная этимология. «Русский язык в школе», 1939, № 2, стр. 39.

Мы с вами обычно приколачиваем или прибиваем доску гвоздями. Опытный плотник не приколачивает, а пришивает доску (разумеется, не нитками, а тоже гвоздями). Отсюда берет начало диалектное слово *шитик*, которое В. И. Даль в своем словаре объясняет таким образом: «мелкое речное судно» (волжское слово) или «лодка с нашивами, набоями, с нашитыми бортами» (сибирское слово). У Даля же мы находим слово *шива* «лодка шитик, не долбленая» (т. IV, стр. 635).

Следовательно, с этимологической точки зрения, расшива — это судно расшитое, то есть обитое досками. Об изготовлении у древних руссов «набойных лодий», обшитых досками, сообщал византийский император Константин Багрянородный (X век н. э.). Кстати, руссы пришивали доски к своим судам не только деревянными гвоздями, но также ивовыми прутьями и корнями можжевельника[1]. Возможно, что именно здесь следует искать связующее звено между значениями «шить» и «прибивать, приколачивать» у русских глаголов *шить*, *пришивать*.

«Прощай, мясо!» Насколько подчас трудно бывает решить вопрос о принадлежности той или иной этимологии к числу верных или выдуманных, можно судить на примере с происхождением слова *карнавал*. В русский язык это слово пришло (через французское посредничество) из итальянского языка.

Первоначально *карнавалом* назывался итальянский весенний праздник, аналогичный русской масленице. Этот праздник сопровождался различными уличными шествиями, маскарадами, массовыми танцами, веселыми театрализованными играми. Поскольку этот праздник происходил перед началом поста, во время которого христианская религия запрещала есть мясо, происхождение итальянского *carnevale* [карнева́ле] «карнавал» с давних пор стали связывать со словами *carne* [ка́рне] «мясо» и *vale* [ва́ле] «прощай». Интересно отметить, что эту этимологию слова *карнавал* (английск. *carnival* [ка́:нивэл]) можно найти в поэме великого английского поэта Дж. Байрона «Беппо». Однако здесь, пожалуй, даже «невооруженным глазом» видно, что перед нами — типичная народная этимология. Это объяснение очень похоже, например, на этимологию *Монтевидео* — из

[1] Об этом можно прочитать в интересной книге проф. В. В. Мавродина «Начало мореходства на Руси» (Л., 1949).

montem video «я вижу гору». Целый ряд весьма авторитетных ученых объявили этимологию *carne vale* «прощай, мясо!» ошибочной народной этимологией. Вместо нее было предложено другое объяснение происхождения этого слова.

С давних пор, еще на празднествах, посвященных египетской богине Исиде и греческому богу Дионису, видное место во время торжественной процессии отводилось повозке, имеющей форму корабля или лодки. Латинские слова *carrus navalis* [кáррус навá:лис] буквально означают: «корабельная (или морская) повозка». Древняя традиция сохранилась в Италии вплоть до XVIII века, когда знатные итальянки все еще выезжали на карнавал в подобного рода «морских повозках»[1]. Следовательно, согласно этому объяснению, которого, в частности, придерживается известный лингвист В. Пизани, итальянское слово *carnevale* происходит от *carrus navalis* (или, точнее, от более поздней формы этих слов: *carro navale*).

Однако, как ни заманчиво выглядит последнее толкование, оно, по-видимому, всего лишь очередной этимологический «миф». Во-первых, многочисленные памятники латинской письменности не дают нам ни одного примера с сочетанием слов *carrus navalis*. Итальянцы тоже, насколько нам известно, никогда не называли свои карнавальные «морские повозки» словами *carro navale*. Всё это только предположения ученых. Во-вторых, связь слов *карнавал* или *масленица* со значением «мясо» встречается не только в итальянском языке. Греческое *apokreōs* [апóкрео:с] «масленица, карнавал» имеет совершенно ясную этимологию: *apo-* — приставка, означающая удаление, отделение или прекращение, и *kreōs* (или *kreas*) «мясо». Слово *мясопуст* «масленица» хорошо известно в различных славянских языках, и его этимология опять-таки связана с «мясом».

Правда, здесь дело не обошлось, видимо, без калек. Но ведь если принять этимологию итальянского *carnevale*, возводящую это слово к *carrus navalis*, то придется признать греческое *apokreos* и славянское *мясопуст* кальками с переосмысленного латинского (или итальянского) слова. А это уже выглядит крайне неправдоподобным.

В первом издании настоящей книги рассказ о происхождении слова *карнавал* заканчивался констатацией того факта, что этимология «прощай, мясо!» выглядит типичной на-

[1] И сейчас такие «повозки» можно встретить на карнавалах в странах Латинской Америки.

родной этимологией, а карнавал ← *carrus navālis* — это надуманная гипотеза ученых (этимологический «миф» на самом высоком уровне). Читатели неоднократно задавали автору вопрос об истинном происхождении слова *карнавал*. Из предложенных этимологий этого слова наиболее правдоподобной представляется следующая.

В поздней латыни существовали религиозные термины *carnelevamen* [карнелева́мен] и *carnelevarium* [карнелева́риум] «воздержание от мяса», связанные с христианским постом. Состоят эти слова из *carne(m)* «мясо» (винительный падеж) и производных глагола *levare* [лева́ре] «лишать». В слове *carne-levar-ium* произошла ассимиляция, давшая засвидетельствованное в одном из памятников XII века слово *carnelevale* [карнелева́ле]. И вот здесь под влиянием народной этимологии происходит гаплологическое (см. выше) выпадение одного из двух одинаковых слогов *-le-*. В результате этого выпадения слово и стали воспринимать как *carne vale* «прощай, мясо!»

* * *

Цель только что прочитанной вами главы — показать вредность этимологических «мифов», которые создают превратное представление об этимологии как о науке, где нужны не объективные доказательства, а лишь остроумные сопоставления и уверенные ссылки на разного рода исторические факты (даже если эти факты не имеют никакого отношения к этимологии интересующего нас слова).

На самом деле, сравнительно легкое дело — сочинять такого рода «мифы». Труднее обычно бывает доказать их несостоятельность, потому что создаются эти «мифы» чаще всего вокруг тех слов, которые не имеют достаточно надежной этимологии.

Но самое трудное дело — это, опираясь на скрупулезное изучение языковых фактов, не увлекаясь легковесными, хотя и соблазнительными сопоставлениями, найти тот единственный путь, который позволяет исследователю отыскать решение загадки, именуемой этимологией слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наше изложение подошло к концу. Рассмотрев различные методы и специфические особенности этимологического анализа, мы убедились, что этимология — наука сложная и многогранная. Она всегда требует к себе творческого подхода. Здесь нельзя, «выучив» несколько определенных правил, ждать готовых ответов на все вопросы. Во многих случаях этих ответов пока что просто-напросто нет, их еще предстоит получить будущим исследователям, будущим историкам слова. В этом отношении работа этимолога открывает широкие перспективы перед теми, кто решит посвятить свой труд изысканиям в области истории родного языка.

Однако творческий характер этимологической науки совсем не говорит о том, что ее методы хоть в какой-то мере произвольны. Напротив, в предыдущих главах было показано, что всякий серьезный этимологический анализ опирается на те строгие закономерности, которые проявляются в различных аспектах истории слова.

Среди методов, которыми пользуются ученые-этимологи, первое место по праву принадлежит сравнительно-историческому методу. Именно поэтому наше знакомство с наукой этимологией началось с рассказа о родстве языков, о звуковых соответствиях в родственных языках, а также о фонетической, словообразовательной и семантической истории слова.

Разумеется, в небольшой по объему книге нельзя было исчерпывающе осветить все вопросы, так или иначе связанные с этимологией. Тот, кто захочет подробнее ознакомиться как с этимологией, так и вообще с наукой о языке, может обратиться к списку литературы, который приведен в конце книги. В этот список включены как научно-популярные книги, так и работы, рассчитанные на читателя, обладающего каким-то минимумом лингвистической подготовки. Возможно, что на первых порах не все в этих работах будет в одинаковой степени понятно. Но познавательная ценность чтения подобных книг от этого не уменьшится. Напротив, читатель захочет понять то, что ему пока еще не понятно, узнать то, чего он не знает. Путь к знанию, как правило, начинается именно с непонимания чего-то. Осознав самый факт непонимания, человек обычно стремится расширить свои знания в соответствующей области. И в

этом случае всегда очень важно бывает решиться на первый шаг, не примиряясь со своим незнанием.

В большинстве случаев мы пользуемся словами родного языка почти так же естественно, как мы ходим, дышим, смотрим. Слово для нас является важнейшим средством общения, средством восприятия произведений художественной литературы. Но слово представляет интерес и само по себе: у каждого слова свое происхождение, своя история, свой фонетический и морфологический облик, свое значение.

Если рассказы о науке этимологии и приведенные примеры из истории слов хоть в какой-то мере пробудили у читателя интерес к родному языку, если они заставили его задуматься над словами, которыми мы повседневно пользуемся,— автор будет считать свою задачу выполненной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., «Художественная литература», 1966.

Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., «Просвещение», 1965.

Эд. Вартаньян. Из жизни слов. М., Детгиз, 1963.

Эд. Вартаньян. Рождение слова. М., «Детская литература», 1970.

В. Г. Ветвицкий. Занимательное языкознание. М.— Л., «Просвещение», 1966.

В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1956.

Н. С. Державин. Народная этимология. «Русский язык в школе», 1939, № 2, стр. 39—49.

Е. А. Земская. Как делаются слова. М., Изд-во АН СССР, 1963.

М. Ильин. Черным по белому. Л., Детгиз, 1935.

Б. Казанский. В мире слов. Лениздат, 1958.

С. Максимов. Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1955.

И. Уразов. Почему мы так говорим? М., «Правда», 1956.

Л. Успенский. Имя дома твоего. Очерки по топонимике. Л., «Детская литература», 1967.

Л. Успенский. Почему не иначе? Этимологический словарик школьника. М., «Детская литература», 1967.

Л. Успенский. Слово о словах. Ты и твое имя. Лениздат, 1962.

М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 1—3. М., «Прогресс», 1964—1971.

К. Чуковский. От двух до пяти. М., Детгиз, 1963.

Н. М. Шанский. В мире слов. М., «Просвещение», 1971.

Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка, изд. 2. М., «Просвещение», 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юрий Владимирович Откупщиков

К ИСТОКАМ СЛОВА

Редактор *Г. Н. Лебедева*. Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*.
Технический редактор *Л. Я. Медведев*. Корректор *Н. С. Севницкая*.
Сдано в набор 30/I 1972 г. Подписано к печати 13/IV 1973 г. 84× 108[1]/[32]
Бумага типогр. № 2 Печ. л. 8,0. Услов. л. 13,44. Уч-изд. л. 13,96.
Тираж 100 тыс. экз. А-07048. Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Заказ № 106.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.
Цена без переплета 35 коп., переплет 10 коп.

45 коп.

